

: «Правда, мир и радость»

От редакции

От редакции

Друзьям во Христе!

Являясь после Воскресения пребывающим в страхе и смятении ученикам, Господь показывает им Свои руки и бок и дает им Свой Мир. Этот Мир, Который Он дает «не так, как мир дает», а дает неотъемлемо, и есть Крестная и Воскресная победа и свобода Любви, живущей в сердце Церкви. К сожалению, подобно апостолам в тот вечер, мы часто не вмещаем этого единого Таинства, и радуясь о Воскресении, хотим забыть о Кресте, а значит — теряем Мир, и потому воскресший Господь, носящий, по слову одного богослова, раны от гвоздей как драгоценные брачные ризы, вынужден повторить Свое приветствие. Только после этого Он дарует Церкви Свой Дух как действенную силу этой Любви (см. Ин 20:19–23).

Чем дальше и глубже Церковь входила в толщу истории, чем сильнее становился встречный ветер, тщащийся охладить Любовь, тем труднее становилось познавать ее неразделимую Тайну Креста и Воскресения. Все больше Крест и Воскресение становились для церковных людей лишь образами, и все меньше — жизнью. И тем больше усилий Церковь прилагала, чтобы оградить эту тайну от осквернения и помочь своим верным к ней приобщиться. Постепенно единая Пасха разделилась на две — Крестную и Воскресную, а со временем к ним присоединились и два больших периода по пятьдесят дней: великопостное время, время плача о своих грехах, приведших Сына Божия на Крест, т.е. время «печали по Боге», производящей «покаяние ко спасению», и период Пятидесятницы — время познания тайны Воскресения, время, дающееся нам, чтобы напитаться радостью и миром, которые в эти дни особо изливает Господь, и подготовиться к принятию Духа, в Котором тайна Любви Христовой, раскрывающаяся нам в таинствах Креста и Воскресения, становится не просто вдохновляющим образом, но самой силой и действительностью нашей церковной жизни.

И все-таки, даже в своем столь сложно разработанном обряде Церковь хранит память о том, что в глубине все эти события суть одно. Так, в пасхальную ночь в конце пасхальной заутрени мы поем: «И ненавидящим нас простим все Воскресением». Да, Великий пост заканчивается особым воспоминанием Воскресения Христова, открывающего возможность действительного прощения, примирения, освобождения и победы над «ненавистной рознью мира сего», но ведь и начинается Великий пост с того же самого — с Прощеного воскресенья, с чина прощения, во время которого по традиции поются пасхальные песнопения!

В свете этого единства «время веселое поста» — это уже время покаянного предчувствия пасхальной радости, а время Пасхи — наоборот, время все большего познания того, что радость Воскресения — это радость жертвы Любви, радость Креста...

Так случилось, что в этом году Господь дал нашему Сретенско-Преображенскому братству познать это единство в самой своей жизни. Действительно, Пасха началась для нас уже вечером Прощеного воскресенья в Елоховском Богоявленском соборе, где наш патриарх объявил подходившим к нему с просьбой о прощении братьям и сестрам, что он подписал Указ о снятии прещений со священника Георгия Кочеткова и двенадцати отлученных вместе с ним мирян.

Прошло три дня напряженного ожидания, во время которых радостная, но еще робкая надежда сменялась сомнением и тревогой, и вот уже в среду первой седмицы Великого поста в храме

прп. Сергия Радонежского в Рогожской слободе непосредственно перед чтением Великого покаянного канона, в духовной, молитвенной обстановке митрополит Солнечногорский Сергей, управляющий делами Московской патриархии, совершил, по его словам, «акт примирения», зачитав собравшимся резолюцию патриарха на прощении о. Георгия и соответствующий Указ и дав разрешительную молитву, сказав перед этим несколько теплых, духовных слов, в которых события 29 июня 1997 года были названы «недоразумением». И клир, который находился в это время в храме, и народ Божий отнеслись ко всему происходившему с большой теплотой и сочувствием.

Итак, уже в первое воскресенье Великого поста все наше Братство вместе с о. Георгием по благословию патриарха могло служить Евхаристию и подойти к Чаше в Высокопетровском монастыре. И хотя большой трапезный храм прп. Сергия, где патриарх благословил причащаться о. Георгию с тем, чтобы с ним могли прийти и его бывшие прихожане, оказался временно закрыт на ремонт, и сотни человек, не уместившиеся в маленьком Толгском храме, были вынуждены провести несколько часов на морозе, это не испортило никому праздника Торжества Православия, в котором на этот раз так явны были те пасхальные акценты, которые и были в нем изначально, и которые на этот раз так согревали не только душу, но и тело. Ведь Торжество Православия, установленное в связи с победой над иконоборчеством, — это не просто праздник торжества верного учения, но праздник избавления от тьмы, захватившей церковь почти на полтора столетия, не просто от ошибок в вероучении, а от внутренних гонений на Церковь, от предательства, мучения и убийства своих же братьев по вере, а значит — от попрания самой драгоценной иконы Божьей— человека.

Удивительная, подлинно пасхальная радость, которая излилась в сердце в этот день и о которой свидетельствуют многие пришедшие в храм, позволяет думать, что патриарший указ мотивирован прежде всего духовными соображениями, внутрицерковным попечением священноначалия, а не внешними церковно-политическими или просто политическими силами, и поэтому это решение, в первую очередь, вызвало у нас благодарность Богу, а также патриарху Алексию и митрополиту Сергию, как и всем другим людям, которые принимали в нем участие. Ведь это событие стало плодом веры, надежды и любви, плодом совместной молитвы и других усилий многих и многих церковных людей — и епископов, и священников, и известных богословов, и простых мирян, — как у нас в стране, так и за рубежом. Все это, а также множество поздравлений, буквально обрушившихся на нас в последнее время, как и реакция средств массовой информации, свидетельствуют, что этот «акт примирения» стал прежде всего духовным событием, важным для всей Церкви, а не только для бывших под прещениями или даже для всего нашего Братства и наших школ. Мы сердечно благодарим всех, кто откликнулся на нашу радость, восприняв ее как радость Церкви!

Конечно, многих смутило, что прещения не сняты до конца, что нужно еще ждать решения некоей богословской комиссии, от которой во многом будет зависеть дальнейшая судьба о. Георгия как приходского священника, а значит — и всего Братства, значительная часть которого по-прежнему ощущает себя его прихожанами. Это тем более вызывает недоумение, что за все время открытой деятельности о. Георгия, защитившего в 1993 г. по благословию Святейшего патриарха магистерскую диссертацию в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, к его трудам не было предъявлено никаких серьезных богословских претензий, — несмотря на многочисленные попытки.

И все-таки, помня, что и непосредственные ученики Христовы не сразу сумели принять мир, даруемый им их воскресшим Учителем, так что Ему пришлось повторять Свое приветствие дважды, мы и воспринимаем все происходящее как постепенное усвоение нашей церковью того мира, который и в эти дни так явственно дарует ей воскресший Господь, и надеемся, что

работа богословской комиссии поможет превратить этот «акт примирения» в положительный духовный и церковный процесс. Слишком долго в XX веке мы были лишены возможности открытого обсуждения богословских вопросов, сейчас же открываются все возможности для того, чтобы те богословские силы, которые в Церкви есть, как в России, так и за рубежом, смогли объединить свои усилия, снять какие-то недопонимания, подозрения или даже взаимные обвинения и помочь утвердить в нашей церкви мир Христов!

И хотя на страницах различных СМИ уже появились публикации, свидетельствующие, что пока еще далеко не все радуются этому миру, не все как бы его вмещают, мы верим, что сила Божия и в немощи совершается. Думается, не случайно и храм, в котором были сняты прещения, и те храмы, в которых патриарх благословлял служить о. Георгию до окончательного снятия прещений, носят имя преподобного Сергия, человека, сумевшего силой Христова Креста и Воскресения победить «ненавистную рознь мира сего» — не силой меча, а просто научая свою иноческую общину самому трудному и самому важному: жить вместе и при этом — в мире и вдохновляя своим примером столь жаждущих этого мира людей. Мы не можем не воспринять это как знамение — свидетельство верности избранного нами в церкви пути и знак надежды.

Конечно, мы не можем не сказать спасибо тем, кто нес все это время тяжесть прещений. Ведь прежде всего это они, сохранив в своем сердце благодарность Богу за Христа, в Котором мы имеем возможность и силу любить даже тех, кто причиняет нам зло, и через это — веру в Церковь, сделали возможной эту Пасху. Опыт, приобретенный ими и всем Братством за эти три года, не должен быть забыт, он должен быть как бы заново пережит и осмыслен нами в свете сегодняшней пасхальной радости. Об этом опыте, приобщающем нас к единой тайне Креста и Воскресения, тайне победы и свободы Любви, и говорит в своих проповедях, публикуемых в соответствующем разделе и как бы подводящих итог этих нелегких лет, свящ. Георгий Кочетков.

Один из камней преткновения, разделивших церковных людей в России в последние годы, — это вопрос о богослужебном языке. Возможно, именно с ним связан пункт патриаршего Указа, говорящий о проблеме соответствия трудов о. Георгия традициям Русской православной церкви. Действительно, мы верим, что обращение к традиции своей церкви — это всегда источник мира, и поэтому предлагаем вниманию нашего читателя статью Виктора Котта о традиции русских богослужебных переводов, в заглавие которой вынесены знаменитые слова свщмч. Александра Хотовицкого, сказанные им на Поместном соборе 1917—1918 гг. «Мы бережем золотник, а теряем пуд», обращенные им к противникам богослужения на русском языке.

Раздел «История церкви», в котором мы продолжаем тему «Христианство и история», открывается уникальным материалом — расшифровкой стенограммы заседания Русского педагогического кабинета в Париже с участием виднейших деятелей русской церковной эмиграции, на котором был заслушан доклад о. Николая Афанасьева «Проблема истории в христианстве». Также в разделе — окончание публикации исследования Константина Обозного «Псковская Православная Миссия в 1941—1944 гг.»

Наконец, в разделе «Духовные размышления» мы знакомим читателей с двумя очень разными трудами православных мыслителей — архим. Сергия (Савельева) и Николая Бердяева. Они объединены одной актуальнейшей темой — Православие и правда. Можем ли мы называться православными, если в нашей церкви так не хватает правды? — по-разному, каждый со своей позиции, спрашивают они, и мы не можем не отнестись к этому вопросу со всей серьезностью. Ведь мало обрести в сердце радость Воскресения Христова, мало и обрести в нем мир, если не будет обрета в церкви правда. Вернее, без правды этот мир не будет Христовым, поскольку Царство Небесное, — это именно правда, мир и радость во Святом Духе.

Священник Георгий Кочетков: Господь еще только готовит нас к полноценной христианской жизни

Проповедь

Из проповедей после вечерней молитвы.

Слово покаянное

25 марта 2000 г.

Исповедуемся Господу Богу нашему и Творцу, во Святой Троице поклоняемому, Отцу и Сыну, и Святому Духу во всех своих согрешениях, которые мы соделали после прошлой исповеди. Каемся и ни в чем себя не оправдываем. Прости нам, Господи, все наши грехи вольные и невольные! Прости за то, что мы не можем найти для себя лучшего пути — царского пути: часто даже в пост мы держимся за какие-то крайности, не умеем соблюдать во всем меру. Мы не умеем быть смиренными, умеренными, воздержанными, не иметь претензий ни к внешним, ни к близким.

Прости нас, Господи, за наши обиды, за наше непонимание друг друга, за то, что часто бываем невнимательны, за то, что бываем недостаточно сосредоточены: одно слово слышим, два — пропускаем мимо; за то, что с трудом можем продвигаться вперед по тому узкому пути, который Господь нам дает в нашей христианской жизни. Прости нас, Господи!

Мы с удовольствием механически повторяем слова, формулы, формы жизни, в то время как Господь хочет, чтобы мы всегда жили по-новому, чтобы наша жизнь обновлялась под действием Святого Духа. Прости нас, Господи, за то, что мы бываем закрыты к этому Его действию, что часто и судим не по духу, а лишь по внешней форме: или по словам, или по букве. Прости нас, Господи!

Часто бываем инерционны в своих суждениях: сегодня — как вчера, завтра — как сегодня, и все. Да, нужна традиция, нужна преемственность, но должно быть и возрастание, духовное возрастание, как мы это видим на лучших образцах христианской традиции и церковной культуры.

Прости нас, Господи, за то, что боимся всяких трудностей, ибо не умеем признавать трудности самого нашего христианского пути. Часто нам хочется всего сразу, мы не умеем постепенно двигаться к своей цели, как бы заранее видеть эту цель и при этом рассчитывать свои силы, зная, что Господь наш никому не дает искушений сверх сил, — только бы мы сами не искушали себя и других сверх сил. Прости нас, Господи!

Нам хочется всего сразу, в один миг, — и в отношениях с теми, кого мы любим или кто нас любит, и в отношении церкви, и в отношении братства, и в отношении своей общины. Хотя мы оправдываем свои недостатки, зная трудность наших обстоятельств, мы совершенно не готовы делать то же самое по отношению к другим. Прости нас, Господи!

Нам нужно научиться быть простыми, т.е. прямыми, пред Богом, как голуби, и нужно уметь быть мудрыми, как змии. У нас же по-прежнему часто бывают крайности: или одно, или другое;

или сплошные компромиссы, или уж такая бескомпромиссность, что ни о какой мудрости просто не может быть и речи. Прости нас, Господи!

Прости нас, Господи, за недостаток милосердия, за то, что иногда мы видим страдающих людей, но при этом не желаем им помочь, думая, что это не наше дело, что это должен делать всегда кто-то иной, но только не мы! Мы как бы не берем свою жизнь на себя, мы все время пытаемся «спихнуть» ее на плечи других. Прости нас, Господи! А я уже не однажды напоминал вам замечательные слова из Дидахи, «Учения двенадцати апостолов», христианского памятника начала II века, о том, что строго будет судиться тот, кто свое дело перекладывает на другого. Прости нас, Господи, ведь мы это делаем не только в трудных случаях нашей жизни, но даже в житейских вещах, даже в домашних или в рабочих, должностных делах, или на учебе. И даже в дружеских отношениях, в простых общинных или братских отношениях мы все время делаем то же самое! То нам кажется, что все для нас и за нас должен делать духовник, то нам кажется, что все должен делать наш староста или глава общины, или какой-нибудь очередной наш председатель, или еще кто-то, или еще кто-то. Все время кто-то что-то должен делать. А где мы? А что мы спрашиваем с себя? Почему мы не судим в первую очередь о себе и себя? Прости нас, Господи!

Прости нас, Господи, за наше неблагоразумие. Ведь мало быть просто разумным, нам надо быть именно благо-разумными. Это благо-разумие не означает никакого духовного мещанства, не означает чего-то серенького и средненького. Срединный, царский путь — это не просто что-то среднеарифметическое, это всегда некий синтез, это как раз возможность уйти от обеих крайностей. Господь ведет нас царским путем, и это напряженный путь, узкий путь, но путь, не терпящий нетрезвости.

Прости нас, Господи, за то, что мы все время чего-то и кого-то боимся, все время кому-то слишком не доверяем, причем независимо от того, каков этот человек, хорош он или плох, каким он был вчера, каков он сегодня, каким он хочет и может быть завтра. Прости нас, Господи!

Мы все время как бы ищем для себя определенное количество друзей, часто делая это неразумно, иногда при этом доверяя тем, кому как раз совсем и не нужно доверять, и определенное количество недругов, при этом не доверяя тем, которые, может быть, очень непохожи на нас по характеру, по многим формам выражения своего опыта, но которым, наоборот, можно и нужно доверять, может быть, именно потому, что они совсем другие, что они для нас непривычны и даже нам где-то неудобны. Мы же часто бываем раздражены на таких, мы часто бываем даже озлоблены, обижены на них. Прости нас, Господи!

Опять, опять надо говорить о том, что всякий, кто легко обижается, тот очень легко и обижает. Тот, кто легко впадает в уныние, очень легко впадает и в гордость, и в осуждение, и в духовную и душевную агрессию. Прости нас, Господи, ведь все это так часто бывает с нами!

Иногда мы завидуем, хотя знаем, что зависть — страшная вещь, как и клевета. А иногда мы придумываем какие-то вещи, связанные с другими людьми, которые, может быть, и нельзя назвать напрямую клеветой (не дай Бог никому даже в малой степени иметь этот грех, ибо он ничем не лучше, чем прелюбодеяние и убийство!), но тем не менее, мы иногда приближаемся к ней, — иногда в мыслях, иногда в мечтах, иногда в своих неразумных реакциях на других людей. Прости нас, Господи!

Мы не любим, когда нас критикуют, мы не любим, когда нам говорят правду. Есть среди нас люди, которым вообще нельзя сказать правду! Попробуй-ка, скажи! — Человек бывает к этому настолько не готов, он настолько не может слышать правды, что ему нужно так ее сказать, так

ее обставить, столько вокруг предохраняющих сооружений соорудить лишь для того, чтобы сказать ему полслова правды, что для этого требуется напряжение всех сил! Правда его убивает, подавляет, раздражает, озлобляет, ибо представляется ему агрессией зла! Это значит, что такой человек живет в совершенно иллюзорном мире придуманных им же фантазий о себе и о других, обо всем. Прости нас, Господи!

С другой стороны, мы не умеем ограждать себя от действительного зла. А надо уметь ограждать себя и других от зла, ведь зло — это агрессивная среда. Вот попробуйте-ка в какую-нибудь кислоту или щелочь поместить как лакмусовую бумажку не то что свой пальчик, а просто локон своих волос. Вы сразу увидите, какая будет реакция. Вот так и зло: иногда оно бывает в такой концентрации, что становится подобным этой щелочной или кислой среде, которая уничтожает все живое. А мы иногда, легкомысленно обобщая, думаем: ну, все же люди, все человеки, все в меру плохие и хорошие, или: вот, тот или иной человек, он же искренне говорит. И нам кажется, что этого достаточно. Прости нас, Господи, ведь искренним можно быть и во зле! Неужели мы этого не знаем? Конечно, люди чаще всего прикрывают зло какими-то добрыми словами и формами жизни, это верно, но иногда они бывают циничны сами с собою и делают зло открыто. Но как бы оно ни делалось, нам нужно уметь ограждаться от него, ограждаться не тем, что мы повернемся спиной ко всему миру, который весь во зле лежит, а тем, что мы научимся отличать зло, с которым всегда надо бороться, от злого, которому противиться не надо. Не в том смысле, что дать ему возможность делать все, что угодно, т.е. творить зло, а в том смысле, что мы должны понять, что человек, всякий человек, призван Богом ко спасению, к исправлению, и нужно подумать, как ему помочь.

А ведь ко всякому человеку есть тропинка, всегда есть какая-то дорожка к его доброму сердцу. Да, иногда ее бывает очень трудно, очень сложно найти, но ко всякому человеку такая тропинка есть! Да, иногда мы не имеем сил пройти по столь узкому пути, это верно, иногда мы вынуждены отказываться от общения со злыми людьми, потому что мы не можем бороться с их злом, но мы должны понимать: это — наша немощь, наш недостаток. Мы должны научиться молиться друг за друга, уметь как бы вымаливать других у Бога, чтобы уберечь от воздействия зла, уметь помогать другим в их борьбе со злом. Мы же очень часто этого не делаем. Прости нас, Господи, мы очень часто бываем только «за себя». Нам кажется, что нам хватает своего, — и все. Но это не так, и если мы не будем помогать другим в их борьбе со злом, то и сами никогда зло в себе не победим, потому что в одиночку никто никогда зла не побеждал, никогда! Здесь можно чего-то достичь на поверхностном уровне, но не более.

Вот в этот пост дай нам Бог все это понять. Дай нам Бог почувствовать, что наш пост должен быть церковным не только в его соотношении к просвещаемым и оглашаемым или откровенно искушаемым, но и в соотношении со всем, что мы делаем: в церкви и дома, в общинах и в братствах, где угодно — с друзьями, на работе, в любом месте; пост ко всему имеет отношение. Может быть, это и не совсем правильно с точки зрения этимологии, но как вы знаете, для русского уха слово «пост» ассоциируется со стоянием «на посту». В других языках, насколько я знаю, такой связи нет, а вот в русском, слава Богу, есть. Это похоже на то, как, знаете, в Евангелии в одном месте Христос назван Назореем, потому что Он родился в Назарете. Этимологически между этими понятиями тоже никакой связи нет, но это созвучно, близко, и потому оказалось плодотворно, как часто и бывает в поэтических текстах. Вот так и здесь. Пусть же для нас сейчас пост будет таким «стоянием на посту», а может быть, и не только стоянием. Ведь иногда «на посту» надо уметь, так сказать, жить и двигаться, а не только стоять. Это труднее, это значительно труднее, но боюсь, что это как раз уже наш с вами случай. Мы должны научиться двигаться, будучи «на посту», мы не можем только стоять.

Вот, дай нам Бог сил для этого, и дай нам Бог силу покаяния, чтобы исправлять все то, что

нами еще не исправлено. Мы очень хорошо знаем, что в нашей жизни очень много таких мыслей, слов и дел, которые, если говорить очень строго, просто не имеют права на существование и требуют исправления! И это так, даже если иметь в виду только то, что мы делаем, а что же говорить о том, что мы еще должны были бы делать, но не делаем? Это вообще бездна! А ведь это делать — наш долг, ведь мы обещали это Богу, давая обеты Крещения, т.е. отрекаясь от сатаны, отвергаясь всякого действия дьявольского и сочетаясь со Христом, из чего вытекало определенное качество жизни. Но мы эти обеты Крещения часто забываем.

Иногда человек, даже будучи христианином, не знает, что ему делать. Есть люди, которые говорят: у меня есть свое братство, а зачем мне еще община? Или: у меня есть своя община или группа, так зачем мне еще какое-то братство? Или говорят: вот, у меня есть своя семья по плоти, а зачем мне еще духовная семья? Такие люди как бы разрывают свою жизнь на духовные части и думают, что кусочка жизни им хватит. Не хватит, точно не хватит! Те, кто не видит, не воспринимает всесторонне свою христианскую жизнь, тот обязательно сорвется, и сорвется очень крепко. Мы с этим часто сталкиваемся, и не то беда, что мы с этим сталкиваемся, ибо все когда-то с чего-то начинают, беда в том, что я, например, ни разу не слышал разумных ответов на такие измышления. Я ведь жду от вас этих ответов. Вы сами должны друг другу пояснить, почему вот так хорошо, а так плохо; не просто говорить: нужно так, потому что о. Георгий так сказал или еще кто-то, или совет какой-нибудь постановил. Вы должны понимать суть современной церковной жизни, вы с вами должны понимать, почему жить лучше так, а не иначе.

У нас с вами очень простая жизнь. Почему? Да потому, что она у нас по сути безальтернативна. Человеку ведь, знаете, тяжелее всего выбирать. Вот когда в христианской жизни есть два или три равнозначных варианта, тогда очень трудно спрашивать с человека правильный выбор, ибо тогда ему нужно включать уже свою интуицию, благодатный пророческий дар. У нас же не такая ситуация, она у нас значительно проще. На сегодняшний день у нас нет выбора: жить и действовать так или иначе, потому что то, что открыл нам сегодня Господь, — это для нас единственный путь нормальной церковной жизни. Каким бы трудным он ни был, остался он один!

Я думаю, все вы это хорошо знаете, потому что перед вашими глазами прошло много людей, которые пытались искать альтернативу и шли другими путями. Что же с ними? Где сейчас они, эти люди? Вспомните их — тех, кто с вами вместе оглашался, кто ходил когда-то с вами в храмы. Вот, например, недавно я смотрел видеокассеты, которые у нас здесь имеются, с моими проповедями. Мне было очень интересно, потому что записаны были проповеди в разных храмах, начиная с 1989 года, еще с храма в Электроуглях. Я смотрел, и мне было очень интересно снова увидеть эти храмы и, главное, лица братьев и сестер. Естественно, каждый миг я задавался вопросом: а где сейчас вот этот человек, а где вот этот, а что вот с этим, а почему нет этого?

На меня это произвело огромное впечатление, друзья мои! Я подумал: посмотрите, как мы живем, ведь фактически у нас есть как бы одна-единственная маленькая спасительная лодка. Вот поместил нас Господь в этот новый ковчег (я не буду продолжать эту ассоциацию: вы понимаете, почему, ведь вы знаете, кто был в ковчеге), и у нас другого выхода нет! Вот пришло время, когда по грехам нашим и отцов наших отверзлись хляби небесные, и все то, что должно было на нашей земле цвести и плодоносить, залило грязной водой. И у нас не осталось другого выхода. Хочешь из общего нашего ковчега убежать? — Беги, только что с тобой будет? Меня потрясло то, что на этих пленках я увидел, что практически ни о ком из тех людей, которых уже нет сейчас с нами в Братстве, ни о ком из них не скажешь: слава Богу, у него все хорошо,

пусть он и пошел по другому пути! Ни об одном! А ведь это много людей! Мне даже стало немного страшно, я вам скажу, потому что я-то привык думать по-другому: вот мы так идем, а ты, если хочешь по-другому, — пожалуйста, иди по-другому. Ну, как у апостола Павла, помните, говорится: бегите все, но один получит венец, а другие хоть и проиграют, но вреда-то особого сами от этого не понесут. Боюсь, что Господь устроил немного иначе, не так, как нам бы по прекраснодушию хотелось: хочешь — живи так, хочешь — сяк. Господь дал нам силу быть в этом ковчеге, жить в нем, жить общей его духовной жизнью фактически безальтернативно. Но как мы с вами пользуемся этими дарами? Я думаю, что мы, действительно, могли бы быть закваской в нашей церкви — без всякого превозношения над другими, без всякого ложного элитизма, без всяких крайностей, без всего негативного — нормальной закваской, как этому положено быть, как это всегда было в веках, когда Господь то там, то здесь эту закваску Царства Небесного как бы раскладывал, раскидывал. В истории много раз так было, мы далеко не единственный пример в этом роде. Вот Господь дал нам такую возможность, а что мы с этим делаем? Мы даже не каемся в том, что теряем дары Божии, в том, что не приносим соответствующих плодов, а только пользуемся тем, что нам дано свыше. Нам все дано для того, чтобы мы умножали свой талант, а мы его проедаем, в духовном смысле, конечно.

Не знаю, понятно ли я говорю, но понимаете, меня это очень беспокоит. Мне кажется, что как раз постом об этом надо думать, ибо мы, может быть, не способны думать об этом постоянно. Это, действительно, слишком большая нагрузка, а у нас много других забот и хлопот, у нас есть немощи, в конце концов, мы далеко не безгрешные люди. Тогда хотя бы постом об этом надо подумать. Потому что христианский пост — это прежде всего знамение милосердия и проверки своего пути: так ли ты идешь, или ты где-то немного сбился, или ты сбился уже сильно, и что же тебе делать дальше?

Вот поэтому, дорогие братья и сестры, давайте молиться Богу о том, чтобы нам с этого пути никогда не сбиваться. Ведь сейчас перед нами снова трудный период, и мы снова не знаем, что будет завтра. Я вот, например, даже знаю, где завтра буду причащаться, — вплоть до таких, кажется, простейших вещей доходит дело, и я думаю, что все это не случайно. Понимаете, нам нужно очень хорошо осознать, что хотя первый важнейший шаг по разрешению нашей ситуации сделан, но осталось сделать еще очень много. Прежде всего мы должны понять, что поныне есть много сил и конкретных людей, принципиально и сознательно незаинтересованных в том, чтобы вы были в церкви, более того, заинтересованных в обратном, в том, чтобы вас в ней не было, никого. Нет, конечно, по отдельности — пожалуйста, но чтобы «двое или трое» собрались вместе во имя Христа — это уже нельзя. Они заинтересованы по разным причинам в том, чтобы вас не было именно как братства, вас как общины, вас как группы и т.д. Мы же часто эти вещи недооцениваем, нам кажется, что все должно быть хотя бы на уровне здравого смысла, если уж не на уровне смысла духовного. Но жизнь иногда бывает хуже, и мы с вами должны это понимать, понимать, что борьба сейчас идет у нас духовная, и именно с теми силами, которые хотят сначала оторвать меня от вас и вас от меня, потом, например, братское мирянское движение от общинного, потом расколоть группы, общины и братства, и т.д., и т.д. Это совершенно сознательная деятельность многих людей, которых иногда можно даже как бы понять, ибо это не всегда какие-то злонамеренные люди. Иногда это просто люди боящиеся и поэтому думающие: а вдруг мы сделаем что-нибудь плохое, а вдруг у них с нами будут неприятности, а вдруг нас потянет на какое-то сектантство или экстремизм, а вдруг еще что-нибудь: таких «а вдруг» у них может быть бесконечное множество. Но есть, конечно, и просто злонамеренные люди, которые все прекрасно понимают, у которых нет этих «а вдруг», которые, как один известный вам персонаж, нам открыто говорят: «Вы победите, но мы будем бороться с вами до конца, до смерти» (это нам было сказано еще в 1994 г. при исходе из Сретенского монастыря).

Вот, дорогие братья и сестры, все это имеет отношение к покаянию. Мы не можем сейчас взять и собраться всем Братством, просто не можем, и не только потому, что негде, но этого и не надо. С другой стороны, мы не можем и потерять друг друга, ибо для нас это было бы равнозначно потере Церкви, а потеря Церкви равнозначна для нас потере Божьей благодати, Бога. Потому что «не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит». Помните эти слова из Первого послания апостола Иоанна?

Итак, у нас с вами все как бы ясно и просто, только мы сами часто бываем не на нужном уровне, к тому же мы теряем много сил и времени впустую. Будем же каяться в этом, потому что и без того времени у нас мало и сил у нас мало. Мы очень малы, и поэтому мы должны опираться на благодать Божию и на все живое, что есть в нашей реальной церковной традиции. Этих живых сил много, но мы иногда их не видим, мы иногда проходим мимо них, мы иногда ими даже как бы пренебрегаем. Прости нас, Господи! Ибо мы иногда плохо знаем традицию нашей церкви, даже традицию вчерашнего дня, начала XX века, как и традицию новомучеников, исповедников или лучших богословов и мыслителей нашего времени. Мы часто здесь даже не даем себе труда подумать, потрудиться, посидеть, может быть, покорпеть, может быть, кого-то спросить, может быть, с кем-то собраться и разобрать их наследие и их труды, подумать. Слава Богу, я не могу сказать, что мы здесь ничего не делаем, но я очень боюсь, что мы делаем все слишком медленно, не в том темпе, в каком идет жизнь, мы от нее как немного отстаем, ибо жизнь меняется значительно быстрее.

Многие, особенно те, кто в Братстве уже давно, часто живут старыми воспоминаниями. Вот таким людям скажу сразу: не забывайте слов апостола Павла. Помните, он однажды сказал: «Забывая прежнее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе». Вот и всем нам нужно научиться прежнему, даже очень хорошее прежнее, иногда как бы забывать, — для того чтобы это не было для нас таким как бы жерновом на шее, таким якорем, который не дал бы нам возможности двигаться вперед, потому что Господь еще только готовит нас к полноценной христианской жизни. Мы еще только начали ее прозревать, она лишь приоткрывается нам.

Поэтому покаяние нам нужно в первую очередь для того, чтобы укрепиться в вере в Бога и в человека, в вере в Церковь, в мир Божий, чтобы укрепиться в том делании, которое Господь нам предлагает. Мы все немощны, мы все имеем много «но», мы все имеем в жизни такие обстоятельства, которыми можем прикрыться и сказать как бы честно, не лукавя: «Я не могу делать ни того, ни другого, потому что у меня то-то, то-то и то-то». Эти аргументы есть у всех, у каждого, но если мы пойдем по этому пути, то все, нас завтра же не будет, и те люди, которые подчас субъективно, может быть, совсем и не плохи, но объективно действуют против Церкви, окажутся победителями, и отвечать за это будем мы!

Прости нас, Господи, и помоги нам, Господи, чтобы такого не случилось, чтобы мы ничего не потеряли из данного нам Богом и Церковью, чтобы дары Божьи можно было умножать, не впадая при этом ни в какие страсти, ни в какую гордость, ни во что из того, что не войдет в Царство Небесное!

Аминь.

: Благовещение — это торжество Света, явившегося в мир (6.04.2000 г.)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков Из проповедей после вечерней молитвы.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ — ЭТО ТОРЖЕСТВО СВЕТА, ЯВИВШЕГОСЯ В МИР (6.04.2000 г.)

Братья и сестры!

Мне сегодня очень радостно поздравлять вас с праздником Благовещения по многим причинам, но в первую очередь по причинам чисто духовным, потому что Благовещение (по-гречески — «Евангелизмос») — это то, с чего начинается Евангелие («Благая весть») в каком-то своем особом порядке, это то, что, действительно, является вестью радостной, которая приходит к нам в этот мир, падший, лежащий во зле мир, и которая начинает действовать в этом падшем мире. О падшем же мире напоминает нам пост — не случайно этот праздник почти всегда совпадает с Великим постом.

Мы принимаем Благую весть Благовещения как зерно благодати, которое должно еще будет прорасти, и радуемся ей. Мы радуемся тому, что Бог не оставляет народ Свой и мир Свой. Мы радуемся тому, что нашлась Та, которая могла лично принять эту весть. Мы радуемся тому, что народ Божий не посрамил себя и в лице Божьей Матери в тот момент не отверг главного в своем божественном призвании.

Конечно, у нас есть и другие поводы для радости или, во всяком случае, для воспоминаний. Вот, мне особенно запомнился праздник Благовещения три года назад, причем даже больше, чем в 1991 г., когда Благовещение совпало с Пасхой. Вы знаете, что такое совпадение считается особым знаком благословения и даже имеет особое название (по-гречески — «Кириопасха»). И все-таки мне больше запомнилось Благовещение трехлетней давности, когда мы с вами в нашем храме Успения в Печатниках встречали этот праздник дерзновенно, в первый раз готовясь отслужить праздничную благовещенскую литургию не просто после вечерни, как это согласно Уставу и делается сейчас во всех храмах Православной церкви, а еще и соединив это исполнение указаний Устава с малой толикой смысла. Поэтому тогда мы в первый и пока в последний раз совершали эту праздничную благовещенскую литургию в день праздника вечером, совершив сначала вечерню и сразу после нее — Евхаристию.

Вот от этого, казалось бы, столь малого блага и произошли великие последствия. С этого момента где-то у кого-то, видимо, лопнуло терпение, ведь именно после этого было решено послать к нам «в помощь» второго священника. Ну, это с одной стороны, а с другой стороны, у кого-то, наоборот, укрепилась вера, ведь то, что произошло в тот день, было для всех нас действительно важным. Тем более, что вскоре после этого мы, также вечером, совершали Литургию преждеосвященных Даров, которая, как вы знаете, является вечерней с причастием и поэтому, по своему чину и смыслу, тоже должна совершаться вечером. Тем же Великим постом мы совершали соборование, которого многие ждали, долго ждали, и тогда удивительно много прекрасных священников приехало к нам на соборование помогать. Я помню, среди них были даже люди, которые в те дни также переживали тяжелые, тяжелые испытания. Так случилось, что сейчас, как раз на этой неделе, я снова встретился с теми священниками, которые были тогда у нас на соборовании, и мы тоже вспоминали события трехлетней давности и констатировали, что это время не просто пробежало и не просто прошло, — оно принесло свой великий плод.

Вот сейчас я слушал паремию и думал: как хорошо сегодня совпала обычная праздничная богородичная паремия о лестнице Иакова и паремия, связанная с определенным днем Великого поста, которая говорит нам о Вавилонском столпотворении, т.е. о строительстве

Вавилонской башни. Посмотрите: и в одном случае речь идет о движении от земли к Небу, и в другом, но какая разница! Люди всегда хотели взойти на Небо, но в одних случаях Бог благословляет это их стремление и поэтому, устремляясь к ним навстречу, Сам нисходит с Небес до земли, а потом даже до преисподней нисходит, чтобы это желание людей осуществить, в других же случаях люди, оставшиеся без Божьего благословения, теряют и то, что имели: взаимопонимание, некий один общий человеческий язык.

Для нас с вами события последних лет — события знаменательные, для других, может быть, и не имеющие особого значения, но для нас имеющие большое значение! Для нас с вами было очень важно пройти этот период своей жизни, когда мы могли на себе испытать противоположность путей Божьих и не Божьих, когда мы сами подверглись искушению, нападению сил не Божьих, что способствовало накоплению нами особого духовного опыта. Конечно, эти искушения были не только извне (извне — тоже, кто будет спорить), но и изнутри нас, потому что оторвать нас от Бога желают не только какие-то внешние силы, но и что-то от ветхого человека внутри нас. Нам пришлось испытать это на себе особенно тогда, когда у нас не стало своего храма. Кажется, было так много оснований, чтобы членам нашей приходской общины и членам нашего большого неформального братства разувериться во внешней церковной жизни, даже ее, если уж не отринуть, то как бы отодвинуть от себя: ну, мол, если внешняя церковная жизнь может быть такой, то зачем она и вообще кому-то нужна. Но Господь милостив, Господь провел нас через эти искушения и показал, что внешнее остается внешним. Да, нам нужно стремиться к тому, чтобы внешнее верно, адекватно выражало внутреннее, но когда этого и не происходит, главное — сохранить это внутреннее и все равно стремиться к тому, чтобы оно в полноте и правильно себя выразило. И мы стремились и стремимся к этому, даже когда нам это очень трудно делать, даже тогда, когда нам приходится идти на какие-то компромиссы. Конечно, не такие, чтобы кого-то или что-то святое предать, чтобы оставить Божеское, но такие, которые позволяли бы людям, с которыми у нас не складываются легкие отношения, тем не менее, не озлобляться дальше, не уходить от Бога дальше и, следовательно, не искушать сверх меры и нас самих.

Благовещение — радостный праздник, и знаете, дорогие братья и сестры, именно тогда, три года назад у меня было внутреннее чувство, что если мы доведем свои принципы жизни и служения до конца, то на этом как бы закроется какая-то страница нашей жизни, нашей с вами истории. Безусловно, оно так и случилось, но я удивляюсь этому предчувствию! Ведь кажется, такая малость, такой малозначащий момент: служим мы литургию утром или вечером, или в конце концов, вечерню и утреню утром или вечером. Конечно, хочется, чтобы все было на своих местах, однако ведь в жизни есть много вещей, в которых приходится несколько отклоняться от какого-то их естественного смысла. Но повторяю, для нас три года назад совершение литургии вечером было, может быть, действительно последней каплей, потому что это был последний момент, который мы еще не решались привести в соответствие с собственными принципами. Ведь с первого же дня моего служения в Москве мы с вами никогда не совершали вечерню утром, а утреню — вечером, за исключением именно литургии Благовещения. Потому что если Преждеосвященную литургию и даже литургию Василия Великого, скажем, в Великий четверг где-то как-то еще стремятся служить в свое время, вечером, то о благовещенской литургии все как-то забыли. Я никогда нигде не слышал, чтобы люди думали о том, чтобы отслужить Благовещенскую литургию вечером: уж очень все привыкли к тому, что такой прекрасный праздник нужно начать литургией, ну а литургия у нас всегда совершается утром, — и больше нет вопросов. И вот когда мы рискнули, когда мы решились и как бы отодвинули от себя еще ненамного, пусть совсем ненамного, эту стену бессмыслицы, какой-то фальши и тьмы, то тут мы, действительно, обрели Благоую весть, нисходящую в мир, лежащий во зле. Вот тут мы увидели то, чего прежде не видели, тут мы должны были вместить то, чего прежде и не думали вмещать и не надеялись вместить!

Иногда я думаю об этом и удивляюсь, как строится судьба человеческая, как Господь ведет народ Свой, подчас являя Свою десницу так ясно и так крепко, так сильно там, где по-человечески мы совсем этого не ожидаем. Я об этом могу говорить очень уверенно, потому что то же предчувствие, какое было у меня три года назад на праздник Благовещения, когда в тот день мы объявили о вечерней литургии, было не только у меня. Люди почувствовали, что где-то «количество перешло в качество»: еще один маленький камешек добра был доложен, и наши весы окончательно перевесили в его пользу.

Прошло три года. Три года — хороший срок: и не слишком большой по сравнению со средней жизнью человека, и не слишком маленький, это такой срок, когда мы уже все-таки можем говорить о первых плодах того Благовещения. Ведь для нас Благовещение — это не только определенный исторический момент, определенное событие, происшедшее когда-то, где-то в шестом году до нашей эры; для нас воплощение Божьего Слова очень важно еще и как воплощение божественного Смысла — все в том же мире, лежащем во зле. И вот беда в том, что люди часто забывают об этом, часто не вмещают этого. Скажу про себя: до того Благовещения трехлетней давности я никак не мог подумать, что для Бога это так важно, что Он так не любит бессмыслицы. Да, мы хорошо знаем из Писания, что Бог отвергает чуждый огонь, т.е. чуждый дух, и, наверное, все мы, хотя часто и не понимаем этого, но принимаем это, мы как бы это уже знаем. А вот то, что Бог отвергает чуждый смысл, который обращается пред лицом Божиим в безумие, вот этого я раньше вместить не мог. Конечно, мы еще знаем апостольские размышления о божественной Премудрости, которая — безумие в этом мире и т.д., но что это так может проявиться в нашей жизни, я знать не мог.

Я это говорю для того, чтобы мы еще раз порадовались Божьей силе и Божьему откровению, откровению Божьего пути, чтобы мы и все вместе, и каждый из нас в отдельности могли убрать из своей жизни все то, что относится к бессмыслице с точки зрения Божьей, но не с точки зрения человеческой, которая может оправдать любой грех и любое зло.

Мне кажется, что в наши дни Бог действует еще более явно и ясно, чем во дни древние! Может быть это потому, что мы сами немного поглупели по сравнению с теми древними людьми, и значит, нам нужна большая ясность, нам нужно как бы все показывать прямо, а может быть, наоборот, мы поумнели, и это нам — награда, не знаю. Знаю только одно, что всякий имеющий уши слышать слышит, — как в древности, так и теперь. Всякий имеющий глаза видеть видит, — как в древности, так и теперь. Для всякого, кто ценит божественный Смысл и Божью Премудрость, праздник Благовещения — это торжество, торжество Света, явившегося в мир, Света, который никогда не был и не будет поглощен тьмой! Если мы к этому добавим еще умение различать духи так, чтобы чуждый дух пред Богом не имел места и чтобы не приносить Богу чуждого огня, то, наверное, мы воистину будем недалеко от Царства Небесного.

Аминь.

: «Будем принимать и Чашу Его, и Крещение Его» (о духовном приобщении ко Христу). Проповеди в Великий четверг (27.04.2000 г.)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков Из проповедей после вечерней молитвы. «БУДЕМ ПРИНИМАТЬ И ЧАШУ ЕГО, И КРЕЩЕНИЕ ЕГО» (О ДУХОВНОМ ПРИОБЩЕНИИ КО ХРИСТУ)

Проповеди в Великий четверг (27.04.2000 г.)

Слово на утрене

Итак, дорогие братья и сестры, настал день Великого четверга, день, который для нас с вами является особым днем, потому что так судил Господь, что сегодня мы вспоминаем не только те четыре великие вещи, о которых мы слышали в синаксарных чтениях, но то, как три года назад именно в этот день для нас с вами слова Евангелия на страницах Писания, и богослужебные тексты ожили так, как не оживали никогда прежде.

Те из вас, кто был три года назад на богослужении, которое я впервые совершал с присланным, так сказать, «в помощь» вторым священником, помнят, что тайна евангельских текстов заключается в том, что они могут ожить в своей полноте, они могут как бы заново повториться в нашей жизни — не только пронесаясь мысленно, умственно пред нами, но и составив часть этой жизни. Именно тогда Евангелие открывается нам совершенно особенным образом, тогда оно становится воистину Благой вестью о Христе, тогда Страсти, Страдания Христовы затрагивают наше сердце в полноте, тогда уже невозможно остаться равнодушным, читая и слыша Писание, тогда радостотворность Страданий Христовых становится явственной для тех, кто приобщился, причастился этих страданий в своей жизни.

Помните, дорогие братья и сестры, как Господь однажды услышал от Своих учеников, что они могут пить ту Чашу, которую пил Господь, креститься тем Крещением, которым крестился Он? Ученики, говоря эти слова, не очень понимали, что говорят, они все еще думали о земной славе, они все еще думали о себе. А Господь им очень просто и ясно ответил, как это обычно и бывает в пророческом слове, исполненном Духом Святым: «Крещением, которым Я крещусь, вы будете креститься, и Чашу Мою будете пить. Только вот придется ли вам при этом сесть по правую или по левую руку от Меня, — это вопрос другой.» Господь тем самым обличил Своих учеников, думавших все еще о себе и о земном. Уверен, что каждый, кто пережил те минуты трехлетней давности, о которых я вам только что напоминал, не забудет слов прочитанного тогда Писания и того, что открыл нам тогда через них Господь, как не забудет и того пути, по которому всем нам следовало и следует идти.

Проходят годы, но случившееся однажды не стирается из памяти, потому что хотя эта жизнь продолжается, продолжается она уже иначе, чем это было прежде. После той утрени и последовавших за ней событий нам было уже невозможно продолжать нашу жизнь по-прежнему и думать, что мы можем пить Чашу Христову и креститься Его Крещением только лишь мистериально и сакраментально, или только интеллектуально, или только чувственно, или только нравственно. Господь после того показал нам путь превосходнейший, путь больший, и судя по всему, Он хочет, чтобы мы следовали этим путем дальше, чтобы мы дальше познавали в своей жизни Страдания Христовы как страдания и спасительные, и очищающие, и приобщающие нас ко Христу и Его Царству. И тогда уж, воистину, кто сможет отлучить нас от Любви Христовой? Или — от Чаши Христовой? Или кто сможет запретить нам креститься Крещением Христовым, Которое совершилось на Кресте, ибо это было Крещение Кровью?

Сегодня вечером мы с вами будем совершать вечерню Великого четверга, но мы опять не сможем совершать Евхаристию, как это делалось нами еще три года назад. Удивительное дело,

дорогие братья и сестры, но когда я пытался спросить относительно литургии Великого четверга в тех храмах, где мы еще можем собираться и служить вместе, то их настоятели, как бы сговорившись, просили нас в этот день не приходить к ним. По-человечески этих людей понять можно. Они испугались, что наша большая община «растворит» их приходы или общинки, т.е. то, чем они так дорожат, то, что для них важнее всего, потому что это — их стадо, а они — его пастыри. Только никто из них не подумал о том, что все стадо — Христово, и всегда должны быть Один Пастырь и одно стадо.

Я этим был потрясен, должен вам сказать, потому что все «само» устроилось так, что все, что мы с вами собирались делать, получило полное подтверждение свыше. Ведь сегодня нам с вами пришлось отказаться от Евхаристии как сакраментального таинства. Конечно, я хотел знамения свыше: можем ли мы это делать, имеем ли мы на это власть? Мы же знаем, что никогда не можем самих себя отлучать от Чаши, от Причастия, от евхаристического собрания. И вот Господь дал нам это знамение, Он нам явно сказал: «Вас не ждут. Вы не нужны тем, кто собирает свое и своих и не думает о стаде Христовом.»

Что это значит? Значит ли это, что мы останемся без полноты воспоминания Тайной вечери? Или что мы останемся без Чаши, без приобщения ко Христу в этот великий день? Нет, дорогие братья и сестры, это невозможно! Мы с вами сегодня должны и приобщаться, и быть причастниками Тела и Крови Христа. Но, видимо, каким-то особым образом, ведомым лишь Ему Самому.

Мы с вами не хотели, чтобы мистериальное и мистическое так явно различались, но иногда в христианской жизни случается именно так. Так было и тогда, когда Господь говорил о Своем Крещении и о Своей Чаше ученикам, не знавшим, чего просить у Него. Господь говорил тогда о мистическом Крещении и мистической Чаше, Он не говорил даже о мистериальном Крещении и мистериальной Чаше, т.е. о церковных Таинствах. Он говорил о том, что прямо совершается на пути в Царство Небесное, а для Господа, мы можем дерзновенно думать, — и в самом Царстве Небесном.

Многие наши братья и сестры не знали о том, что я рассказал теперь вам, и я знаю, что как в большой древности, во времена Христа, был между учениками спор отдельно от их Учителя и Господа, так были споры и среди наших братьев и сестер: что делать им сегодня и куда идти? Многие хотели сразу всего, и поэтому, боюсь, рисковали лишиться того, что Господь Сам им сегодня предложил.

Я не хотел говорить вам в большом собрании то, что сказал сейчас об этом самом большом моем впечатлении последних дней. Воистину, как всё неповторимо повторяется! Да и общее количество молящихся сегодня здесь, как вы видите, весьма невелико. Но так всегда, наверное, бывает в подобных случаях: кто-то по инерции, по-видимому, решил во что бы то ни стало пойти утром сегодня на Вечерню и Литургию, ну а кто-то, может быть, и вообще никуда не пошел, или пошел на работу, или просто занялся своими делами, сберегая силы на следующие страстные службы. Не будем никого осуждать, но будем принимать из руки Господа все, что Он дает нам. Будем принимать и Чашу Его, и Крещение Его!

Аминь.

Слово после Евангелия на вечерне

Братья и сестры, христиане!

Сегодня заканчивается воспоминание Тайной вечери и, одновременно, начинается воспоминанием Страстей Христовых, всего того, что предшествовало взятию Христа под стражу, всего того, о чем мы сегодня слышали. Для нас с вами это не просто воспоминание интеллектуальное или душевное, эмоциональное, для нас с вами это еще и духовное приобщение ко Христу, духовное причащение Ему. Господь сказал: «Сие творите в Мое воспоминание», именно для того, чтобы приобщить нас к Своей Жизни. Он открыл нам тайну этого приобщения, сказав однажды Своим ученикам о том, что им надлежит пить Его Чашу и креститься Его Крещением. Тот приобщается ко Христу, кто слышит эти слова и исполняет их, кто пьет эту Чашу и крестится тем Крещением, которое с древних времен Церковь назвала особым образом: Крещением Кровью, конечно, имея в виду не обязательно лишь физическую кровь. Вспомним слова апостола: «Вы еще не до крови сражались». Когда апостол говорил эти слова, он совсем не хотел пролития крови своих братьев и сестер, он хотел сохранить им жизнь их духа, души и тела.

К сожалению, в нашей жизни часто начинают превалировать лишь образно-символические описания, те образы и тени, от которых мы, казалось бы, уже ушли, переступив порог Нового Завета, Новозаветной эпохи. Ветхий Завет знал замечательные образы и «тени будущих благ» и жил надеждой и верой в исполнение Обетования. В Новом же Завете, пусть еще и прикровенно, но уже исполняются все обещания Божии, и теперь от нас с вами зависит, что мы увидим и услышим, от нас с вами зависит, как мы исполним Христовы слова.

Пусть же в этот день, когда для нас так явственно разошлись границы Церкви мистериальной и мистической, пусть в этот день приобщение ко Христу для нас будет более полным и совершенным. Ведь не случайно мы молимся: «Удостой нас истее, т.е. полнее и совершеннее, Тебя причащаться в невечерний день Царствия Твоего», говоря это именно после того, как все отошли от евхаристической чаши.

Дай же нам Бог не забывать об этом. Дай же нам Бог соединить в себе все те границы церковной реальности, которые сейчас так явственно расходятся, но которые должны были бы быть всегда едины. Наверное, не случайно нам приходится ощущать на себе эту трагедию расслоения церковной жизни. Для того чтобы не заснуть, подобно ученикам Христа в Гефсимании, во время предсмертного борения Господа, всем нам нужно пережить то, что мы начали с особой ясностью и остротой переживать три года назад, как раз в этот день, в Великий четверг утром, когда ожили в нас и пред нами слова Писания и когда Евангелие было явлено уже нам не в словах человеческой мудрости, но в явлении Премудрости и Силы Божьей! <...>

Храни вас всех Господь!

Аминь

: Свидетельство Воскресения и таинство Крещения. Проповеди в Великую субботу (29.04.2000 г.)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков Из проповедей после вечерней молитвы. **СВИДЕТЕЛЬСТВО ВОСКРЕСЕНИЯ И ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ**

Проповеди в Великую субботу (29.04.2000 г.)

Слово на утрени

Братья и сестры, христиане!

Сегодня мы вспоминаем особый день, день субботний, т.е. день покоя. Как редко в жизни человека бывает, чтобы он мог находиться в полном покое! Когда-то в Ветхом Завете Господь даровал Своему народу один день в неделю — субботу, покойный день, мирный день, день не просто внешнего спокойствия, но день Мира, для того, чтобы люди желали мира с Богом, и для того, чтобы они не враждовали между собой, для того, чтобы они научались Закону Господню и учились божественной жизни, для того, чтобы они вспоминали о творческих делах Божьих и благодарили Бога, и хвалили Его.

Господь наш Иисус Христос заключает с Отцом нашим Небесным Новый Завет как Сын Божий и как Сын Человеческий, отдавший Себя для искупления многих. Он проходит через покой, который примиряет всех и всё, хотя Ему для этого пришлось упокоиться во гробе! «Сия суббота есть преблагословенная, в ней же Христос, уснув, воскреснет тридневно!»

Чтобы нам удостовериться в истинности этих слов, мы сегодня, в конце этого покойного дня, будем свидетельствовать пред Богом о совершающемся таинстве Крещения и Воцерковления тех, кто услышал призыв Христов и пришел умереть, подобно Ему, для греха, чтобы воскреснуть, подобно Ему же, для Жизни вечной.

Если бы не было таких живых свидетельств, то христианство выродилось бы в очередную мифологическую систему, стало бы только очередным культурным пластом человеческой истории, - и все. Если бы не было таких свидетельств, то наше восклицание: «Христос воскрес!», с которым мы обратимся друг к другу совсем скоро, уже этой ночью, было бы лишь данью ритуалу, обычаю, традиции, форме духовной жизни. Это снова была бы лишь тень, это снова был бы лишь образ будущих благ.

Но мы с вами, дорогие братья и сестры, — свидетели Воскресения, потому что знаем таинство Крещения во Христа и Его Церковь и таинство Приобщения ко Христу и Его Телу. Наше свидетельство должно усиливаться, и для этого каждый год мы должны обновлять свою жизнь, мы должны очищать себя, мы должны снова и снова прилагать к себе все слова Евангелия Христова, мы должны готовить себя к тому, чтобы идти в мир и благовествовать тем, кто находится в тюрьмах и больницах, и в нуждах, и в ссорах, и в унынии, неотъемлемом от гордыни мира сего.

Будем же, дорогие братья и сестры, сейчас готовиться к такому свидетельству - новому свидетельству, ибо Бог всегда творит все новое!

Аминь.

Слово после таинства Крещения

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Господь повелевает нам быть свидетелями Новой Жизни. Господь дает нам не только добрые

намерения, которыми исполнены все люди на земле, независимо от их веры, национальности, культуры, времени жизни, но Господь дает нам и силы для того, чтобы быть свидетелями Воскресения. Когда дается нам благодать, когда дается нам свет Жизни, он не может укрыться под спудом, под сосудом, он светит всем. Но чтобы свет этот был ярким и чистым, мы должны воистину умереть со Христом для греха и начать жить с Ним для Жизни вечной, о чем и свидетельствует апостол Павел изнутри своего сердца, зная силу таинства Крещения, которое может иметь совершенное действие, возрождая человека, делая его совершенно новым еще здесь, еще на земле, как это ни странно бывает, так что мы удивляемся: как это в мире, лежащем во зле, вдруг начинает сиять Свет вечный. Ведь мы не просто знаем о воскресении мертвых в Последний день, о чем знали и фарисеи во времена земной жизни Христа, мы знаем, что Христос воскрешает всех нас уже сейчас, давая предвкушение Царства Небесного, Новой Жизни, Жизни, которая должна осолить этот мир, стать его закваской и привести его к Вечному Царству, к Вечности.

Пусть же, дорогие братья и сестры, так оно и будет! Будем об этом молиться, не будем никогда унывать, но будем помогать друг другу, чтобы удержать и взрастить то, что дает нам сейчас Господь, то, что мы видим и о чем свидетельствуем!

Аминь.

Слово на вечерне

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Для нас с вами радость благовестия Воскресения — всегда тайна и всегда радость, в ту меру, в какую мы веруем. Если оскудеет наша вера, то произойдет то же, о чем мы только что слышали: обязательно найдется такой червь сомнения, который нам подскажет: «А может быть, благовестие Воскресения — это лишь желаемое, а не действительное, может быть, ученики украли тело, а может быть, произошло еще что-то, — что угодно, но Воскресение — это невозможно!»

Голос духовных сомнений может разрушить веру, но если свидетельство Христова присутствия есть в нас, если мы верим в дальнейшее, сказанное Господом: «Я с вами во все дни до скончания века!», тогда и благовестие Воскресения оживает и тогда нам не нужно других свидетельств. Что может быть еще нужно нам, если это ясное и недвусмысленное свидетельство уже дано в сердце нашем, если мы знаем верою, т.е. самым крепким знанием, что Иисус воскресает в сердце всякого верующего в Него, если Господь стучит во всякое сердце и входит в него, если Он дает новую силу всякому человеку, открывшему для себя путь Христов?

Этому свидетельству нельзя противиться, его нельзя преодолеть, его нельзя опровергнуть. Для нас свидетельство Христова Воскресения заключается не в пышных праздниках и даже не в крестных ходах и пасхальных службах. Для нас свидетельство Воскресения начинается с того момента, когда мы видим новокрещеного христианина, когда мы видим, что преодолеваются все те запоры, которыми его сердце было заперто для Бога, для Света, для Жизни, для Благодати. Когда мы видим это, тогда независимо от нашего настроения, которое может то повышаться, то снижаться, быть то таким, то другим, независимо от этого мы будем знать: Христос воскрес и Он с нами во все дни до конца века, Его обещание неложно, нужно и нам

теперь идти и учить все народы.

Дай Бог, чтобы в церкви нашей людей снова начали крестить на Пасху, пусть и не обязательно точно так, как в древности, во время Великой вечерни. Можно это сделать и до Вечерни, можно и после, но если мы с вами увидим на Пасху новокрещеных людей и наше сердце возрадуется, если мы услышим благовестие Христово и Его обещание «быть с нами до конца» один раз, а потом — еще и еще раз, то мы укрепимся в нашей христианской вере, мы сможем укрепить и нашу общехристианскую и общецерковную жизнь!

Наверное, Господь не случайно устроил так, что, в отличие от древности, в Великую субботу мы с вами слышим эти слова дважды: на самом Крещении и на Вечерне — Пасхальной вечерне¹, воскресной Вечерне, которая у нас совершалась в субботу вечером, в обычное для Вечерни время.

Наверное, мы обречены сейчас дважды слышать эти слова Писания потому, что здесь есть некое тонкое место, которое легко может разорваться, и тогда в церковь хлынут совсем не те силы и не тот настрой, не тот дух, который был свойственен ей с апостольского времени, как это уже часто бывает. Всякий из вас, кто видел обычное приходское крещение, поймет, наверное, о чем я говорю. Нам нужно, может быть, дважды повторить эти слова, чтобы залечить те раны истории, которые мы несем в нашей церковной христианской действительности.

Будем же и это принимать как от руки Господней — с благодарностью и радостью. Начнем пасхальное празднование сейчас, пусть несколько прикровенно, именно в сердце своем, чтобы раскрылась и развернулась Благодать — в нас и между нами и чтобы открылось свидетельство Христово для всех верных и ищущих Бога!

Аминь.

[1] Апостольское и евангельское чтения чина таинства Крещения практически совпадают с чтениями Пасхальной вечерни, которая по Уставу должна служить вечером Великой субботы и после которой совершается литургия Василия Великого. Это совпадение связано с тем, что изначально в церкви таинство Крещения совершалось именно во время этой вечерни, после чего новокрещеные приходили из баптистерия в храм и слушали эти апостольское и евангельское чтения, после чего причащались на литургии Василия Великого, которая когда-то и была единственной пасхальной Евхаристией. Соответственно, приход новокрещеных в храм воспринимался тогда как свидетельство о Христе, воскресающем и уже воскресшем в душах этих новых членов Церкви. — Ред.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Мой путь к Богу и в Церковь

Е.О.«ЭТА ЖИЗНЬ — В РАДОСТЬ!»

В моей семье о Боге ничего не знали, не знал и я. И не верил, потому что кругом говорили, что Бога нет, это все сказки, и т.п. Но как и каждый человек, я задавал себе разные вопросы, типа «откуда что взялось?», «почему так получается?» и многие другие. Ответов практически не было, поэтому, чтобы это не мучило, я искал другие занятия. Помогало, но все-таки я чувствовал, что что-то не так. Но что именно не так, я не понимал: основы нет, а если нет, то и оценивать и сопоставлять невозможно. А жизненные ситуации сложные, непонятные, и кажется — поступаешь правильно, хорошо, а в результате — итоги печальные или никакие. Что делать, как быть, как поступать? Вот и кидался из крайности в крайность, искал чего-то, чего не знал. Читал разные книги, которые что-то проясняли, но не по душе было, вызывало необъяснимое недоверие, не задевало ни за что глубоко. Любимую женщину боготворил, она была моим кумиром в полном смысле, что, как я теперь понимаю, и привело к печальному результату. И многое другое почему-то не получалось.

Я искал ответы на появляющиеся вопросы. Сначала увлекался космической фантастикой, потом всем, что связано с НЛЮ, парапсихологией и прочим. Было интересно, увлекало, но все же давало в конечном итоге мрачное впечатление — душу не грело, скорее наоборот — страшило. На этой волне я взялся прочесть братьев Стругацких, известных фантастов, но никак не ожидал, что вот они-то и заденут за живое глубоко внутри. Двенадцать томов я просто проглотил, захотелось еще. На удачу дали почитать Клайва Льюиса и опять — в точку. Какой-то канал духовный открылся: хотелось об этом говорить, обсуждать, и человек такой нашелся, точнее, он давно был рядом, но поскольку эти темы раньше не поднимались, я и не искал. Сестра жены по молодости тоже интересовалась парапсихологией, экстрасенсорикой, причем активно, стала экстрасенсом, но в жизни многое не ладилось, и, видимо, в один прекрасный день она поняла, что это — нечистое, и бросила, но вырваться из этого было не так-то просто. Много что перенести пришлось. Ну а впоследствии она огласилась, стала жить по вере, и в ее жизни все изменилось, и окружающие тоже. И вот в разговорах и беседах с ней мне тоже захотелось огласиться, потому что я сам видел, как решаются в ее жизни очень сложные проблемы, и это впечатляло.

А в моей жизни семейной пошли сложности. Все мои попытки что-то изменить к лучшему ни к чему не приводили. Видимо, это было не в моих силах. Но где искать помощи? И если проблемы во мне, то как измениться, чтобы их решить, — решить не для себя лично, а для всех, кто вовлечен в этот конфликт? Долгое время я искал ответов, что-то делал, но безрезультатно.

И вот я решил пройти оглашение, чтобы во многом разобраться, основываясь на чем-то.

На первом этапе я много чего узнал и мог уже адекватно оценивать свою прошлую жизнь, свои поступки. Встретил людей, которые произвели на меня большое впечатление. И все это меня воодушевило тем, что эта жизнь — в радость, что доброта и понимание вокруг. Мне захотелось быть среди них, быть одним из них. <Быть там,> где на добро отвечали добром, а на зло — тоже добром, и результат окрылял.

Но только на втором этапе я узнал, что основа этому всему очень твердая и надежная, глубокая. От понимания этого у меня вначале даже дыхание перехватило. А когда показывали по TV фильм об Иисусе Христе, то на некоторых эпизодах, которые я уже читал в Евангелии, у меня вдруг изнутри, из глубины откуда-то вырывались чувства, и я плакал со слезами, чего с самого детства не бывало. Да, за это время я, конечно, изменился, и это на многое открыло мне глаза. Свою прошлую жизнь я теперь вижу иначе. Знаю, о чем сожалеть, а чему радоваться.

В семейной жизни пока мало что изменилось коренным образом, но прогресс есть. Конфликты утихли, и все пойдет, Бог даст, к лучшему.

Все мои искания в жизни — это и есть, наверное, путь к Богу, хотя, конечно, путь этот я только сейчас, когда узнал о Боге, ощущаю как путь-дорогу, а до этого, скорее, Бог меня выводил к этому пути, потому что были случаи, про которые говорят: «Бог миловал», т.е. когда не получалось так, как хотелось, и только через годы стало видно, что хорошо, что получилось не так, как хотел я, а как Бог. И я за все это Богу благодарен.

А путь в Церковь только начинается, и я еще не готов этим опытом поделиться.

И.Ж.

Жизненная необходимость прийти к Вере возникла у меня давно. После развода с первой женой жизнь потеряла смысл, и я начал много выпивать. Это стало трагедией всей моей жизни.

Второй раз женившись на прекрасном человеке, Ане, я обнаружил, что человеческих сил бросить пить мне не хватает. Жизнь рушится, и дальше так жить невозможно. Несколько раз я был уже на грани смерти, и сейчас все время думаю о ней.

Сначала добрые люди сказали мне, что меня «сглазили» и мне надо пойти в церковь и креститься. 15 августа мы с Аней расписались, и Анина бабушка, к которой мы приехали на медовый месяц, стала моей крестной мамой. Прошло какое-то время, я опять запил. Очень много раз Бог спасал меня и предупреждал. Это был и паралич конечностей и шеи, и остановка сердца, — и только божественная сила, к которой мы с женой возопили, с помощью молитв вернула меня к жизни.

Дальше жизнь столкнула меня с Горячевым — психологом, алкоголиком, глубоко верующим человеком, который смог сам через веру стать на путь Истины и еще дает надежду другим пьющим на счастливую жизнь.

Я знаю, что совсем не имею духовного опыта и живу как во мраке. Я молю Бога, чтобы Он помог мне, но, видимо, я нечестен с собой и с другими или чего-то недопонимаю. Бесы одолевают меня. Есть энергия, которая меня побеждает, но я вижу свое спасение в вере.

Жена привела меня в братское общество «Сретение». Сначала я был против ее посещений, и сам усиленно отказывался от посещений храма. Сейчас считаю это необходимым. Раньше в храме мне было очень тяжело, я даже не мог туда зайти и вообще ничего не понимал. Сейчас стало все понятно и хорошо. Но как только я пропускаю один-два раза посещения, у меня, как правило, происходит срыв. Очень хочется прийти к Светлой Божественной жизни. Иначе смысла жизни нет.

Ж.Т.

Очень давно, когда я была еще совсем маленькой и были живы бабушка с дедушкой, я у них спрашивала: «Есть ли Бог?» Они были люди верующие, но не церковные. А дома на кухне у нас висела икона, но что было изображено на иконе, я не помню. Бабушка готовила обед всегда немного больше, чем была наша семья, и любила приговаривать: «Это — нам, а это — если

зайдут нищие». Когда мы с бабушкой, гуляя, проходили мимо церкви, он останавливался и долго крестился.

Мама тоже была верующей, часто молилась, но в церковь не ходила. Все мои родные относились к вере с уважением и соблюдали как бы традицию поколений.

Первый раз я пошла в церковь самостоятельно в классе четвертом—пятом: мы с подружкой пошли просить у Бога хорошие отметки за контрольную работу. Тогда мы очень боялись, что нас кто-то увидит и будет ругать. Но когда мы пришли в церковь, мы забыли про отметки и про контрольную. Мы стояли как замороженные и ослепленные большим количеством свечей. Хотелось почему-то от восторга плакать. Когда мы вышли, то долго не могли прийти в себя.

Шли годы, про церковь мы больше не вспоминали. Потом, когда я вышла замуж и у меня родились дети — дочь и сын, — моя мама очень хотела, чтобы мы детей крестили. Но в то время муж был партийным, работал секретарем комитета комсомола, и я тоже была в партии. Крестить детей мы так и не решились, и этим очень огорчили мою маму. До самой смерти она нам не могла этого простить. Когда мама умерла, я пошла с тетей в церковь отпевать маму. Я тогда ничего не понимала в церковной жизни. Помню, мы стояли в очереди причащаться, а потом тетя сказала мне, чтобы я поставила свечу к иконе Божьей Матери «Нечаянная радость». Конечно, я об этом сразу же забыла, да и какая могла быть радость, когда у нас было такое горе! Когда прошли три «административных» дня и я вышла на работу, ко мне подошла женщина из жилищной комиссии и говорит: «Я к Вам пришла с большой радостью: вам выделили двухкомнатную квартиру». Для нас это была неожиданная радость, так как мы стояли на очереди на получение жилья не в первом десятке. Я была, конечно, в шоке. Этот случай мне глубоко запал в душу.

Потом я записала молитву «Отче наш» и стала каждый день на ночь молиться. Постепенно к «Отче наш» я стала добавлять все, что у меня было на душе. И я уже не могла жить без молитвы ни дня. Когда ложилась спать, я разговаривала с Богом, и Он был со мной. Я это чувствовала. А в церковь меня привела моя дочь. Она стала изучать Библию. Я пыталась сама читать, но ничего не могла понять и постоянно приставала к ней с вопросами.

А сколько у меня было радости смотреть, каким счастьем светятся ее глаза после посещения храма, после общения с братьями и сестрами! Я стала ходить с ней в церковь. А потом она меня привела в нашу общину на оглашение.

Теперь я жду каждый понедельник, чтобы увидеть всех наших и узнать что-то новое.

Т.Б.

Мне скоро исполнится 60 лет, и как горько осознавать, что все эти годы я была вдали от Господа!

Мать моя была верующей, но учитывая тогдашнюю политическую обстановку в стране, она не заставляла нас молиться или ходить в храм. Она говорила: «Это ваше дело — верить или не верить в Господа, только мне не мешайте». Она почти до 89 лет ходила в храм и пела там в церковном хоре. Каждый раз, когда она возвращалась после службы, я видела ее просветленное лицо и радовалась за нее, но сама никаких подвижек не делала, чтобы сходить в храм. В глубине души я верила, что есть Господь, молилась, просила помощи от случая к случаю, но книг не читала (тогда и литературы было совсем мало). Правда, в последние годы я

стала читать Библию, изредка, по большим праздникам, ходила на службу, иногда постилась, но чаще заходила в храм, чтобы поставить свечку, — и только-то. Муж у меня был человек неверующий, строгий, и чаще всего в субботу и воскресенье у нас находились какие-то дела, и он не любил, чтобы я куда-то отлучалась из дома, а я старалась по этому поводу не конфликтовать. Но в душе моей была какая-то смута, я чего-то искала и не находила. Я бросалась то в дианетику, то ходила на курсы биолокации, — как только слышала о каком-то новом веянии, я туда шла, но понимала, что это тоже не для меня. Нутром я чувствовала присутствие Господа, Его помощь, и только благодарила Его за все, что Он делает для меня. Но придя в храм, я чувствовала себя чужой, не знала, где встать, где, когда и кому нужно ставить свечку, и вообще, все «по нулям». Мне хотелось походить в одном храме в воскресную школу, но это были лишь одни желания.

У меня три дочери, я очень рада, что они раньше меня пришли к Господу, — плохо ли это или хорошо, — но благодаря знакомству с протестантами. Они ходили год на домашние встречи, группа небольшая, пять-шесть человек. Я познакомилась с этими двумя девочками, и при первой встрече я восхитилась ими, что они такие молодые (им около 30 лет, а верующие они уже около 10 лет) и у них такая сильная вера, что когда присутствуешь во время беседы, ощущаешь именно присутствие Господа. На службе в их храме я не была, но в душе понимала, что это опять не мое.

В ноябре прошлого года у нас в семье случилось большое горе: трагически погиб мой муж. Чтобы заполнить внутреннюю пустоту, я стала чаще ходить на службу, но мне хотелось в полноте участвовать в службе, а я иногда чувствовала себя во всем происходящем какой-то пешкой.

И вот, я случайно узнала и впервые услышала об оглашаемых, и пошла на первые встречи. Медленно, но верно, впопыху, Господь привел меня туда, где мне нужно быть.

Правда, на первых встречах мне казалось, что братья и сестры такие разные и, в основном, все больше молодые, и вряд ли мы найдем общий язык. Но вот прошло полгода, и я с радостью иду на эти встречи, вижу близких мне по духу людей. Радуюсь, что в нашем братстве есть семейные пары и много молодежи. Мне так хотелось бы, чтобы и мои дочки вот так же, семьями, начали ходить на оглашение, а потом уже в храм Божий. Видимо, Господь посылает мне испытание за мое маловерие, потому что в храме на службе я иногда еще не чувствую такого подъема и частенько мысли мои улетают за пределы службы, но я буду молиться об этом и надеяться, что с Божьей помощью и, конечно, с помощью наших замечательных катехизаторов (большое им за все спасибо) я справлюсь с этими проблемами.

: Виктор Котт. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка

Богослужение и таинства

Виктор Котт*

«МЫ БЕРЕЖЕМ ЗОЛОТНИК, А ТЕРЯЕМ ПУД»

Очерк истории русского богослужебного языка

Господь наш Иисус Христос, проповедуя Царство Небесное, предупреждает: «Ко всякому, кто слышит слово о Царстве и не понимает, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его. Слушайте и разумеите», — так говорит Господь Своим ученикам. Вот прямая воля Христа Спасителя. В исполнении этой воли, этой заповеди и состоит переводческая деятельность церкви.

Новый перевод богослужебных книг неотложно необходим. Ныне-завтра надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиной вреда, который от сего происходит.

Свт. Феофан Затворник (†1894)

Исправление церковных книг — неотложное дело... И я думаю, что и в настоящей церковной разрухе в значительной доле повинны мы тем, что не приближали наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа...

Свт. Афанасий (Сахаров) (†1962)

В последнее время дискуссия о богослужебном языке, начавшаяся в Русской церкви в первой половине 1990-х годов, вступила в новую фазу своего развития, что выразилось, например, в издании московским Сретенским монастырем сборника «Богослужебный язык Русской церкви». Это неудивительно: впереди Архиерейский собор, от которого все не только ждут каких-то решений в этом отношении, но и хотят на эти решения повлиять...

Составители сборника выражают весьма распространенную точку зрения, которую они хотели бы считать общецерковной и традиционной. Действительно, многим кажется, что позиции сторон уже определены. Считается, что с одной стороны, есть сторонники сохранения церковнославянского языка, которые опираются на многовековую устойчивую традицию, желая сохранить великое достояние нашей церкви. При этом считается также, что, благодаря своим уникальным свойствам, церковнославянский язык идеально подходит для передачи греческого оригинала и что мы, таким образом, имеем идеальный перевод, который постепенно, по мере вхождения в церковную жизнь, сам собой становится понятен верующему человеку. Если это и не совсем так, то проблему можно решить за счет катехизации. Усилия окупятся сторицей: современная русская культура сохранит связь с тем «необозримым живоносным пластом», коим является церковнославянский язык. Если же в начале этого века и были какие-то незначительные попытки переводов богослужения на русский язык, то это лишь влияние общего либерального духа времени, который известно к чему привел. Недаром плодом этих идей церковного обновления стал обновленческий раскол. Проблема богослужебного языка ставилась на Поместном соборе 1917—1918 гг., но никакого решения не было принято.

С другой стороны, есть сторонники перехода на русскоязычное богослужение. Считается, что это революционеры и реформаторы, упрощающие и рационализирующие то, что такой операции не поддается, ревнители понятности буквы и гасители неуловимого духа православного богослужения, пренебрегающие наследием традиции и культуры, старающиеся, по примеру всех революционеров, «возжечь из искры пламя», не представляя себе, к чему это может привести...

Так ли это? Уже сам характер спора наводит на размышления: против доминирующей роли церковнославянского языка в жизни нашей церкви почти никто не выступает. Никто не требует и обязательного повсеместного введения богослужения на русском языке. Таким образом, в споре речь о церковнославянском языке как бы и вообще не идет. Речь идет только о русском языке, и спор идет между его сторонниками и его противниками.

Насколько такая ситуация традиционна для Русской церкви? Как в истории решалась проблема церковнославянского и русского языков в богослужении? Ответ на этот вопрос поможет нам лучше понять происходящее с нами сегодня.

* * *

Равноапостольный святитель Николай Японский на слова простых русских моряков о богослужении на японском языке «Господь Бог не положил различие в языке для молитвы» воскликнул: «Да наградит Господь Своею благодатию такое истинно православное суждение!»

Учение о необходимости и равной возможности для всех народов иметь богослужение на родном языке было непоколебимо утверждено в православном предании трудами равноапостольных просветителей славянства Кирилла и Мефодия, отвергших трехязычную ересь; следовательно, прямая догматическая борьба против этого учения невозможна. Тем не менее, со времен Киевской Руси и до нашего времени в богослужении в основном используются книги на церковнославянском языке, малопонятные народу, как по языку, так и по содержанию. Как заметил известный лингвист Борис Успенский, «в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия — «церковнославянское» и «русское» — существенно меняли свое содержание. Тем не менее, сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе она отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием». Почему же не были сразу переведены нами богослужебные книги на наш собственный русский язык?

Выдающийся историк Евгений Голубинский был уверен, что причина этого — «прежде всего, наша косность; затем, другою и действительной причиной должно быть считаемо то, что наш язык, дотоле весьма мало письменный, не был обработан и приготовлен для письмени и что таким образом переложение на него представляло бы большой труд, требовавший борьбы с ним и его организации».

Можно назвать и еще одну причину — отсутствие в Киевской Руси классического гуманитарного образования в систематических формах, делавшее невозможными ни адекватный перевод, ни понимание греческих богослужебных и догматических текстов. Эти необходимые условия начинают появляться только в начале XVI в. — с 1518 г., когда на Московскую Русь приезжает Максим Грек, с него и берет начало книжная справа, основанная на грамматике. Но окончательно о наличии этих условий на Руси можно говорить лишь со второй половины XVIII в.

Чтобы составить впечатление о глубине проблемы, которая осознавалась русской литургической мыслью, уходящей в первые века формирования самой богослужебной традиции, достаточно ознакомиться со статьей проф. СПбДА В.В. Болотова (1853—1900) «Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого». Знаменитый ученый пишет, что и древнейшие сохранившиеся литургические последования страдают иногда безграмотностью, и не только грамматической, — «Оле византийского убожества!..», — и ругает византийских редакторов, называя некоторые их вставки тупоумными и «клеветой на Василия Великого и его афинское образование»!

Но может быть наше церковное правительство и вовсе не поднимало вопрос о переводе богослужебных книг с церковнославянского (болгарского) языка на русский, поскольку киевскими митрополитами были почти исключительно греки? Этот вопрос тоже поднял академик Голубинский, хотя и отметил, что «частные попытки в этом роде, несомненно, бывали. Таковую частную попытку перевода на чистый русский язык, например, представляет собою так называемое Галичское, или Крылосское, евангелие 1144 г.»

Существовало и парафразирование, например известен канон на Рождество Христово в Минее рубежа XII—XIII вв. и парафраз минейной службы, сделанный справщиком и переводчиком, чудовским иноком Евфимием в конце XVII в. Прелагатели используют славянский язык и для облегчения понимания пересказывают текст своими словами, не придерживаясь буквы греческого текста.

И все же для нашей церкви, изначально в готовом виде воспринявшей Священное писание, богослужебные и святоотеческие тексты в болгарских (церковнославянских) переводах, более привычны были правка и поновление, замена непонятных слов и речений, нежели парафразирование или перевод. И надо отметить, что такая работа велась церковью всегда. Переводили и святители Алексей Московский (о трудах которого свт. Филарет Московский писал, что они были сохранены промыслом Божиим, чтобы никогда в Русской церкви не было разговоров о том, что перевод церковных книг не согласен с волей Божией), и Стефан Пермский, и преподобные, страдавшие за эти труды, — Максим Грек и Дионисий Радонежский (Троицкий).

Ко времени начала книгопечатания Киевская и Московская Русь были разъединены и государственно (первая была под властью Польско-Литовского государства), и церковно-административно (в Киеве и Москве были свои самостоятельные митрополиты), и до некоторой степени культурно. Все это сказалось и на книжности, и на переводческой деятельности, которая началась раньше на Юго-Западной Руси.

С XVI в. там появляются переводы Писания, причем некоторые из них сделаны непосредственно с церковнославянского текста; так, например, Пересопницкое евангелие было переведено в 1556—1561 гг. «из языка болгарского на мову русскую», т.е. с церковнославянского на «простую мову» — книжный язык, возникший на основе государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси во второй половине XVI в. Тогда же там стали издавать параллельные тексты на церковнославянском и на «простой мове», а в первой половине XVII в. «простой» язык вытесняет церковнославянский из книжности и серьезно конкурирует с ним и в богослужении.

Вдохновителем дела переводов стал Киевский митрополит Петр Могила, именем которого обозначают целую эпоху в истории Западно-русской церкви и культуры, со своими сподвижниками.

Так, в Киево-Печерской лавре в то время переводят для использования в богослужении некоторые церковные молитвы и определенные части богослужебных книг. В Постной триоди 1627 г. синаксари переведены иг. Тарасием Земкой на «российскую беседу общую» ("сотворися се ревностью и желанием рода нашего, Малой России благородных, гражданских и прочих различного причта людей, не учившихся словенского языка"); в Требнике 1646 г. есть целые такие разделы, там даются даже особые указания об использовании простой мовы в некоторых частях богослужения.

Тогда же начинается дискуссия о языке богослужения. Известный униатский архиепископ Иосафат (Кунцевич) призывал свое духовенство не служить на простой мове (молитвы,

ектеньи), допуская лишь чтение поучений за богослужением на этом языке.

Книги юго-западной печати с использованием «русской мовы» хранились и использовались, как дониконовские, и у старообрядцев.

Во второй половине XVII в. начинается массовое проникновение югозападнорусской культуры, в том числе и книжности, и на великорусские земли. Непосредственным образцом для Славяно-греко-латинской академии становится Киево-Могилянская академия. Но не забудем, что еще в 1630-х годах в челобитной патриарху Иоасафу I нижегородское духовенство требовало устранить неисправность богослужения (как одну из причин нравственного упадка в народе), а в конце XVII в. уже входит в употребление т.н. «гибридный» церковнославянский язык с близкими к современным синтаксисом и лексикой: в 1683 г. Авраамием Фирсовым на него была переведена Псалтырь.

Церковная традиция переводов священных, в том числе богослужебных, книг на русский язык возникла во второй половине XVIII в., в контексте резко изменившейся с правлением Петра языковой ситуации. Рождается гражданская азбука, а потом и новый язык, как синтез церковнославянского и живого русского, — «славенороссийский», русский литературный язык. Именно тогда язык Священного писания, богослужения и проповеди, святоотеческих и душеполезных книг, богословия и богословского образования окончательно перестал удовлетворять церковным нуждам, и в первую очередь — пастырской заботе о просвещении народа. Не случайно все прославленные церковью архиереи XVIII—XIX вв. занимались переводами. Петр же провел и унификацию книг: киевские книги должны были быть приведены в соответствие с книгами московской печати.

Во второй половине XVIII в. переход с церковнославянского на русский постепенно распространяется на все жанры духовной литературы, начиная с проповеди. Начали переходить на русский в проповеди еп. Псковский Гедеон (Криновский) (†1763) и продолжатели его дела митрополиты Московский Платон (Левшин) (†1812) и Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) (†1801). В то же время свт. Тихон Задонский (†1783) издает душеполезную литературу на русском языке. Он же считал необходимым «перевести Новый завет с греческого языка на нынешний стиль, дабы простолюдинам было внятно, и чтобы для полезного чтения многих выпечатано было на одной стороне, как ныне есть, славянски, а на другой — внятным переводом».

Митр. Платон, более всех потрудившийся в становлении русского церковного языка, пишет и издает в 1765 г. «Православное учение» на русском языке, в 1766 г. — перевод бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия. «В переводе не употребили мы совсем славенский язык, дабы перевод наш не показался многим темен и невразумителен...». Язык перевода следует образцу, утвержденному в светской литературе Тредиаковским и Ломоносовым. В предисловии высказывается пожелание, чтобы беседы читались в храмах Великим постом... В 1775 г. выходит «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни», значительная часть которых принадлежит самому митр. Платону. Эти поучения должны были читаться во всех храмах. В предисловии к изданию, написанном от лица Синода, объясняется недостаточность старых изданий, потому что они «...в некоторых местах темны, переводом не зело добрым затруднены, которую темноту умножает и слог славенского языка: и потому не токмо простому народу, но иногда и ученым невразумительны, или когда несколько и понятны, но по слогу древнему и неясности ...не зело усладительны и побудительны...». В 1782 г. появляется и агиографическая литература на русском языке: митр. Платон составляет и издает житие прп. Сергия.

В становлении русского богослужебного языка было две струи — стихотворные переводы и

переложения псалмов и молитв (что имело свои корни еще в виршевом творчестве XVII в.) и переводы богослужебных текстов для церковного или домашнего употребления. Первый перевод (из-за «невразумительности») на русский литературный язык богослужебных текстов (ирмосы и степенны) был опубликован в 1776 г. в «Церковном словаре» (первом церковнославянско-русском словаре) катехизатора Московского университета, академика, протопресвитера Архангельского собора Петра Алексеева.

Ректор МДА архим. Мефодий (Смирнов), впоследствии архиепископ Псковский (†1815), в 1794 г. опубликовал свой перевод: первую новозаветную книгу на русском языке — Послание к римлянам апостола Павла.

В это же время протекала очень важная для церкви переводческая и текстологическая работа прп. Паисия Величковского и его учеников, заново открывших жизненную необходимость руководиться Евангелием и Преданием, для чего постоянно необходимы новые и лучшие переводы. Оптинские старцы, святители Игнатий и Феофан, являясь учениками его учеников, продолжали переводческие труды. Творческая верность своему авве также привела их к необходимости переводов на русский язык. Всего через несколько десятков лет после смерти святого Паисия оптинцы переводят его творения на русский язык. Прп. Амвросий рассылал своим духовным чадам и изъясняющие переводы многих неясных мест богослужения: «Предложил вам аз грешный объяснение сих песнопений, побуждаемый к сему псаломскими словами: »Пойте Богу нашему, Пойте разумно".

Свт. Игнатий (Брянчанинов), пастырь и переводчик, ясно зревший церковную жизнь своего времени с ее бедами и проблемами, пути их преодоления видел в обращении к подлинному, апостольскому и святоотеческому, преданию церкви. Поэтому он желал, чтобы церковно-переводческая деятельность углублялась: «Естественно, что по мере перевода на русский язык отцов Восточной церкви, предание этой церкви обозначается отчетливее» (4 мая 1864 г.). А вот как он приветствовал новое издание перевода Евангелия: «Сердечно радуюсь, что слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всей ясностью указал волю Божию, состоящую в том, чтобы слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках». Святитель и молитвы составлял на современном ему русском языке.

Старчество, миссионерство, академическая наука стали источниками вдохновения для появления русских переводов.

Главным же основоположником и ведущим строителем русской церковно-переводческой деятельности в описываемый период, добившимся их признания церковным народом и подготовившим и саму реформу церковного языка, и церковное сознание к ней, стал выдающийся ученик митр. Платона свт. Филарет Московский. Наша церковь не просто благодарна ему более всех за перевод Священного писания на русский язык. Он был ревностным сторонником всеобщего церковного просвещения: «Надо, чтобы вы не оставались при скудных детских начатках учения Христова, но постепенно приобретали в оном новые, более обильные успехи: чтобы никакую, даже в тайне сокровенную премудрость не почитали для вас чуждой и до вас не принадлежащею, но со смирением устроили ум ваш к божественному созерцанию и сердце ваше к небесным ощущениям».

Если нет проповеди, свт. Филарет считал, что священник или дьякон должен читать поучения святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого или Тихона Задонского на русском языке.

В 1840 г. по поводу греко-болгарской распри свт. Филарет писал патриарху Константинопольскому, ушедшему на покой: «Достойно молитв ваших, чтобы народ... был умиротворен и охранен в православии предоставлением ему довольной свободы иметь пастырей и учителей удобно понимаемых, слушать богослужение на понятном языке и обучать детей на природном языке».

Вот еще несколько характерных высказываний свт. Филарета: «Святой апостол Павел учит, что не в словах Царство Божие, но в силе (1 Кор 4:20); не станем без нужды возбуждать разделяющие прекословия о разностях слов, когда они ведут к единой силе Царства Божия». «Величие Священного писания состоит в силе, а не в блеске слов, из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности». «Текст псалма приводится на русском; на что дразнить без нужды людей, когда сего не хотят? Разве не довольно, что Московская духовная академия была оклеветана в нововведении сего рода? Разве надобно давать оружие клевете?»

А вот характерное мнение тех, кто боролся с начинаниями святителя. В письме к генералу А.А. Аракчееву А.С. Шишков писал: «Если церковные (sic!) книги для того, чтобы уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшегося для нас священным, переводиться неведомо кем и как на простонародный язык, каким мы говорим между собою на театре, если при распространении таких переводов (разве для того только нужных, чтобы со временем не разуметь церковной службы или чтобы и обедни служить на том языке, на каком пишутся комедии) еще, сверх того, с иностранных языков вместо наших молитв и евангельских нравоучений переводить будут так называемые духовно-философические... книги, если... все это будет продолжаться по-прежнему, то я министром просвещения быть не гожусь».

Свт. Филарет размышлял об этом: «Восстание против... перевода священных книг образовали люди, водимые личными видами, которые чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы». «Дым ест глаза, а они говорят: так едок солнечный свет. Задыхаются от дыма, и с трудом выговаривают: как вредна вода от источника жизни», — говорил он же; воистину: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали, мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали» (Мф 11:17).

Свт. Филарет, как и многие другие русские архиереи, признавал небрежение к проблеме богослужебного языка грозящим скорбями и очень опасным для церкви. Он знал грозные пророчества св. архимандрита Макария (Глухарева), предупреждающие о гневе Божиим из-за небрежения о воле Божией в деле перевода. «Помолимся, да не будем наказаны за небрежение о нем», — призывал святитель, вспоминая это пророчество. Как нам здесь не вспомнить древнее пророчество Иеремии: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер 48:10).

После трудов митр. Филарета никто уже не мог и не может принципиально отстаивать позицию невозможности использования русского языка для нужд церкви, — это касается и языка Священного писания, и языка богослужения и церковной проповеди, и языка богословия и богословского образования, и языка святоотеческих книг и душеполезной литературы. А так как вопрос реформы богослужебного языка остро стоял перед церковью, то практическое ее осуществление становилось теперь делом времени...

Сам свт. Филарет мудро и последовательно, тщательно и осторожно трудился над этим. Московскому святителю приходилось действовать скрытно, собирая силы в подведомственных ему епархии и академии, избегая споров и конфликтов. Когда невозможно было напечатать русский перевод каких-либо частей Священного писания, публиковали в ученых записках духовных академий их разбор, а в приложении давали сами тексты. Когда трудно было издать отдельный перевод богослужебных текстов, святитель печатал их, например, в «Творениях

святых отцов в русском переводе» — журнале при МДА. В предисловии к своему переводу Акафиста Божьей Матери он писал: «Некоторые церковные песнопения, превосходные глубиной и полнотою духовного разума, заключенного в кратких изречениях, по сему самому не для всех удобовразумительны, а также и по древности языка. Посему деланы уже были опыты предложения таких песнопений на русское наречие. Так великий канон св. Андрея Критского в русском предложении [прот. М.И. Богословского] напечатан был в «Христианском чтении». Некоторые изъявляли желание иметь русское предложение Акафиста Пресвятой Богородице как пособие для удобнейшего разумения оного. Такое предложение здесь предлагается».

Кроме того, святитель исправлял богослужебные книги: «В службе мне хотелось соединить славянский род речи с ясностью. Поэтому я иногда переменял порядок слов и некоторые слова употреблял несколько новые, вместо более древних, темных или обоюдных для нашего понятия», — писал он своему духовнику, наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию (Медведеву), ныне прославленному в лике Радонежских святых.

Свт. Филарет придерживался этого принципа и в собственном литургическом творчестве. Вот примеры: начало тропаря своему небесному покровителю св. праведному Филарету Милостивому (из написанной им службы, употреблявшейся в Троице-Сергиевой лавре и в Оптиной пустыни) и начало стихотворного переложения кондака Преображению:

Аврааму в вере подражая,

Иову же в терпении последую...

и

Преобразился днесь Ты на горе, Христе,

И славу там Твои ученики узрели...

Когда же речь шла о вещах для церкви принципиальных, святитель действовал быстро и решительно. Когда граф Н.А. Протасов, обер-прокурор Синода с 1836 г., решил законодательно утвердить как единственно канонический в Российской церкви церковнославянский текст Священного писания, митрополит Филарет, увидев тут прямой вред для церкви, энергично противостоял этому, несмотря на неизбежные репрессии, и внес в Синод записку «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славенского переводов Священного писания» (1845 г.), которая и была принята в руководство, когда был возобновлен перевод Ветхого завета...

Активная деятельность по переводу Священного писания на русский язык в 10—20-х годах XIX века (а затем в 60—70-е годы) немедленно привела к обсуждению проблемы богослужебного языка и к трудам по переводу богослужебных текстов на русский язык.

Одним из первых церковных переводчиков богослужебных текстов на русский язык был слепой священник Константино-Еленинской церкви при градских богадельнях в Санкт-Петербурге Гавриил Пакатский (или Пакостский), близкий к Державину. К тому времени уже начались переводы тех литургических текстов, которые народ любил более всего.

О. Гавриил перевел стихами всю Псалтирь, через 10 лет после этого опубликовал в 1829 г. первую богослужебную книгу на русском языке — Великий покаянный канон св. Андрея

Критского в стихотворном переводе (всего же за неполный век были изданы, обычно на русском, иногда на «новом» славянском языке, кажется, не менее, чем 15—20 переводов канона).

Инициатива систематического перевода богослужебных текстов на русский язык принадлежала Иннокентию Херсонскому, святителю, глубоко и далеко зревшему церковные пути и нужды. Надо сказать, что вторая половина 1820-х годов, когда святитель начинал свое служение, была очень неблагоприятна для переводческой деятельности: именно тогда состоялся известный погром дела церковных переводов (святитель Иннокентий считал его делом «клеветников на это истинно христианское учреждение... следствием не убеждения, хотя бы и ошибочного, а личностей и интриги»). И тем не менее, в конце 1820-х годов он, в то время архимандрит, инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, зная отрицательное отношение властей к церковно-переводческой деятельности, вдохновил преподавателей греческого языка Михаила Богословского и Иоанна Колоколова начать переводы.

В 1830-е годы была опубликована их значительная часть, причем начинали с перевода наиболее неудобопонимаемого — канонов праздничных служб (именно каноны переводил и прп. Паисий за полвека до этого).

Можно сказать, что с этого времени литургические переводы становятся общецерковным делом — сотни переводчиков вносят свой вклад в нашу традицию. Для примера отметим хотя бы основную часть того, что сделал один переводчик — будущий протопресвитер Михаил Измайлович Богословский, настоятель московского кремлевского Успенского собора, доктор богословия. Он также перевел канон Андрея Критского — опубликован в 1836 г., были переиздания; каноны святого Космы Маюмского на Воздвижение — 1831 г., на Рождество Христово — 1831 г., на Богоявление — 1832 г., на Сретение — 1837 г., в Неделю цветоносную — 1834 г.; в Великий четверг — 1835 г.; трипеснец утрени великого пятка — 1836 г.; богослужение великой субботы — 1836 г.; каноны Иоанна Дамаскина на Рождество Христово — 1831 г.; на Богоявление — 1832 г.; на Пятидесятницу — 1831 г.; на Успение — 1836 г.; каноны преподобного Феофана, митрополита Никейского на Благовещение — 1833 г.; антифоны степенны всех восьми гласов — 1837 г. и т.д.

Труды свт. Иннокентия и его учеников положили начало русской академической традиции перевода литургических текстов на русский язык. Можно перечислить сотни ее представителей, но укажем здесь тех, кто более других послужил становлению традиции.

В 1855—1856 гг. профессор греческого языка СПбДА Евграф Иванович Ловягин при поддержке и на средства Санкт-Петербургского митрополита Никанора (Клементьевского) (†1856), издал в трех книгах «Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках». Потребовались переиздания, которые быстро разошлись, что показало «крайнюю потребность в подобного рода книгах» у духовенства и мирян.

Митрополит Никанор защищал смелое для того времени дело (до него русские переводы богослужебных текстов почти не выходили отдельными изданиями и такими тиражами), и его обвинили в новаторстве. Представляя эти книги, он писал свт. Филарету: «Многие из просвещенных ревнителей и любителей церковных песнопений... весьма многое не могут понимать в наших богослужебных книгах по древности славянского языка и получать удовлетворительное изъяснение на неудобовразумительные места от своих священников, даже обучавшихся в академиях». Митр. Никанор защищал и церковно-переводческие труды Оптиной пустыни, также подвергавшиеся нареканиям.

В 1874—1878 гг. Ловягин вместе с коллегами по академии — специалистом по латинскому

языку Никандром Ивановичем Глориантовым и специалистом по христианскому Востоку Иваном Егоровичем Троицким — публикует пятитомное «Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык», включающее и все ныне используемые в Православной церкви литургии (свтг. Иоанна Златоуста и Василия Великого, Преждеосвященных Даров, апостола Иакова).

Много сделал для укрепления и защиты церковно-переводческой деятельности историк и литургист архиеп. Черниговский Филарет (Гумилевский). Он и сам переводил на русский язык богослужебные и святоотеческие тексты, которые помещал в своих многочисленных книгах (см., например, его «Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви») и статьях, в том числе и в основанном им в бытность ректором МДА журнале «Творения святых отцов в русском переводе». Не менее важным вкладом в решение проблемы были труды святителя как церковного историка и литургиста. Просвещая церковное общество и борясь с духом невежества, он этим готовил проведение в жизнь необходимых церкви литургических преобразований.

Для свт. Иннокентия Московского, опытнейшего миссионера, пастыря и переводчика, было ясно, что и в России имеется такая же нужда в проповеди веры и в богослужении на родном понятном языке, как и на Аляске. В 1869 г., вступив на московскую кафедру, он, побуждаемый видением неотложных нужд церкви, не только основывает Миссионерское общество, не только вводит выборные приходские советы для возрождения местной соборности и самоуправления, но и учреждает Комитет для исправления текста богослужебных книг «по поводу усмотренных в них грубых опечаток и неудобопонятных речений».

В состав созданного святителем Комитета из ученых представителей белого духовенства входили председатель его прот. Николай Надеждин, настоятель Покровского (Василия Блаженного) собора, а также прот. Николай Световидов-Платонов, впоследствии протопресвитер кремлевского Успенского собора и прот. Сергей Модестов, настоятель Ермолаевской церкви. Интересно, что в этом деле (исправлении Требника и Служебника) не участвовала академическая профессура, может быть потому, что инициатива исходила из среды приходского ученого духовенства, наиболее остро ощущавшего эту пастырскую нужду.

Труды Комитета свт. Иннокентия были переданы Синодом для рассмотрения Особой комиссией, учрежденной в 1881 г. под председательством архиепископа Кишиневского Сергия (Ляпидевского). Осенью 1883 г. ее председателем был назначен архиепископ Тверской Савва (Тихомиров) — ближайший ученик свт. Филарета. В свою очередь эта комиссия предвосхитила труды преосв. Финляндского Сергия (Страгородского) и его Комиссии по исправлению богослужебных книг, организованной в 1907 г.

Святителя Иннокентия очень беспокоила невнятность богослужения, как и вообще несоответствие принятого монашеского богослужебного устава пастырским нуждам церкви. Е.Е. Голубинский писал, что святитель, «обладавший твердым, ясным и прямым здравым смыслом, сознавал нашу несообразность, говорил о ней и для ее устройства мечтал о Вселенском соборе. Но тут вовсе не нужно созывать Вселенского собора. Право начертывать чин общественных служб со включением и литургии в древнее время принадлежало не только каждой частной церкви, но и каждому епископу, и права этого никто потом не ограничивал; монастырский устав вошел у нас в приходские церкви не путем вселенского или частного законодательства, а просто путем обычая».

Подготовить церковное сознание к пониманию неотложной необходимости нового перевода богослужебных книг сумел свт. Феофан Затворник, который писал: «Мрак в книгах, и это не почему другому, как по причине отжившего век перевода». Проблема казалась ему очевидной,

он считал, что для начала ее разрешения требуется самая малость: «Для начала определения переводить богослужебные книги достаточно одного напоминания о необходимости сего; потому что все знают и чувствуют сию необходимость. Недостает только толчка. Записки составлять о сем, как ни расписать,.. будет ниже того, что чувствуется... Все в один голос выразили живое желание сего... Так и всюду будет».

Вряд ли кто-то из русских архиереев потруился больше в проповеди этого, чем сам свт. Феофан. Он постоянно пользовался возможностью убедить в необходимости переводов и церковное и светское общество, пытался даже организовать кампанию в верхах, зная, где решались в его время церковные проблемы. Впоследствии почти все его единомышленники в деле перевода в дискуссиях стали ссылаться на него как на важнейшего и авторитетного своего сторонника.

Он думал, что необходимый перевод, который должен быть ясен для простого человека, появится на новом, упрощенном славянском языке: «Опыты перевода уже деланы были. В «Душеполезном чтении» несколько служб так переведенных уже напечатано. И благоговейно, и понятно. Так пусть и всю книгу какую-либо переведут».

И действительно, в московском журнале «Душеполезное чтение» в 1860-е годы печатал свои переводы богослужебных текстов на русский язык его основатель и издатель протоиерей Василий Нечаев, впоследствии епископ Костромской Виссарион (†1905). Им же в 1882—1889 гг. были напечатаны переводы еп. Екатеринославского Августина (Гуляницкого) (†1892), которые святитель Феофан и имел в виду.

Еп. Августин, наиболее плодовитый среди русских архиереев переводчик богослужебных текстов, писал о себе: «Будучи с молодых лет хорошо ознакомлен с церковными книгами, автор настоящей заметки давно уже начал скорбеть и теперь глубоко скорбит сердцем, когда ему приходится слышать или же и самому читать в церкви такие выражения, в которых никак нельзя открыть не только логического, но часто и простого грамматического смысла. Не говорю о псалмах, не говорю о паримиях: чтобы тут все было ясно и для слушателя понятно, для этого нужно слишком многое, чего, быть может, еще и не в силах сделать наше церковное правительство— Я имею в виду неясные, неточные, безграмотные выражения в наших молитвах, канонах и стихирах разных наименований. Кто, например, сразу откроет подлинный смысл в пресловутой песне: »Любити убо нам, яко безбедное страхом" или в этом загадочном: «Брашен львов, сотранных членовными... имже к нам наслаждается дарований» (ирм. 3 песни кан. на Богоявление)? Кто сразу поймет, что значит «восшедша слова от Слова научившися», или: «Сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда»? Кто может читать легко и с полным пониманием второй канон на Рождество Христово, на Богоявление, на Пятидесятницу?"

Поныне важное значение могут иметь принципы перевода еп. Августина. Он пишет и о необходимости замены непонятных слов, и что «в тех случаях, когда для выражения известного понятия нет вполне подходящего слова в старославянском языке, следует брать нужное слово, без всякого сомнения, из позднейшей славяно-русской речи. Знаем, что есть и всегда могут найтись неумеренные ревнители чистоты церковного языка, которые возопиют против введения в богослужебные книги новых русских слов, но таким ревнителям внимать не нужно: они ревнуют не о чистоте, а о темноте церковного языка, быть может, конечно, сами того не сознавая и не желая. Если мы допускаем в своем богослужебном языке даже чисто иностранные слова,.. то не странно ли, в самом деле, что мы боимся ввести в него вновь какое-либо свое родное слово?.. Что же, разве во всех этих новых русских словах заключается что-либо оскорбительное для религиозного или нравственного чувства верующих? И на каком разумном основании стал бы кто-нибудь противиться употреблению этих слов в церковном

языке?!»

Велась также дискуссия в печати и устраивались специальные собрания для уяснения неудобопонятных речений. Так, авторитетное московское Общество любителей духовного просвещения провело в 1879 г. ряд заседаний для уяснения смысла выражений: «от очес призора» и «прилог силы хваления трисвятаго не прияша». Известны споры на тему, что значит «сыну света Твоего соделай служителя» или «возшедша слова от Слова научившеся» (были разные мнения даже у таких выдающихся церковных переводчиков, как свт. Филарет Московский, епископ Августин (Гуляницкий), проф. СПбДА Е.И. Ловягин, прот. М.И. Богословский и т.д.).

Что же касается учености переводчиков того времени, то профессор МДА М.Д. Муретов отмечал с горечью: «Обида чувствуется за академическую науку при мысли, что еще в 70—80-х годах прошлого столетия [т.е. сразу после окончания перевода Библии! — В.К.] дело (исправления) могло быть сделано уже и притом не какими-нибудь случайными и к науке мало прикосновенными людьми, а лицами с высоким научным цензом и специалистами по библейскому, отеческому и богослужебному языку».

* * *

Неудивительно, что еще в 1870—1880-е годы мысль о необходимости вынесения этой проблемы церковной жизни на соборное обсуждение утвердилась в церковном сознании. «На всероссийском соборе архипастырей и учителей церковных лежит обязанность обновить и оживить язык Божия слова и богослужения церковного с неприкосновенным сохранением от веков присущего ему священнолепного величия и силы, но обновить и оживить до такой степени, чтобы он мог стать живым (хотя и не разговорным) языком всего церковного русского народа» [напечатано в издававшейся И.С. Аксаковым газете «Русь», 1882 г., № 47].

Проблема богослужебного языка заключала в себе два вопроса: вопрос о качестве церковнославянского перевода употребляемых богослужебных книг (и их исправлении) и вопрос о русском языке богослужебных книг, а впоследствии — и богослужения.

На первый вопрос русские архиереи дали вполне ясный ответ. Самые осторожные и консервативные из них (например, архиеп. Вологодский Никон (Рождественский)), даже отрицательно настроенные к возможным в этой области изменениям, признавали, что существующий перевод содержит ряд ошибок и неясностей, а для части верующих и совсем непонятен.

«Главным печальным недостатком... богослужебных книг является не всегда удовлетворительный перевод греческих текстов, иногда ошибочный, иногда весьма темный, неудобопонимаемый», — писал крупнейший историк русской книжной sprawy и литургической науки Б.И. Сове. «Эти ошибки и погрешности произошли или от неправильного перевода греческих глагольных, именных и вообще грамматических форм, или от неискusstного подбора неподходящих значений греческих слов, в частности, от смешения одних слов с другими, сходными в орфографии и произношении, но отличными по значению, частью от неправильного, ошибочного чтения греческих слов и, наконец, от опечаток. Кроме того... встречается немало устаревших славянских слов и речений, или непонятных в настоящее время, или имеющих совершенно другое значение. Все эти и подобные недостатки означенных книг не только затрудняют пользование ими, но при неопытности употребления этого материала могут привести к несогласным с православным учением выводам» — говорится в официальной докладной записке «Об издательском Совете при Св. Синоде» (1913 г.).

В «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (1905 г.) дан обширный свод мнений по вопросу богослужебного языка. Вопросы о богослужебном языке среди заданных преосвященным не было, но архиереи сами, по собственной инициативе, заявили о необходимости пересмотра и исправления богослужебных книг со стороны языка и изложения как первоочередной потребности церковной жизни. На необходимость этого указывается в 32-х отзывах (половина всех отзывов).

Не нашлось ни одного отзыва, признающего положение с богослужебным языком нормальным. Более того, единодушие в этом вопросе оказалось даже большим, чем в вопросах о восстановлении патриаршества (один архиерей был против) и о созыве собора, где три архиерея все же высказались против.

Приведем характерные мнения о богослужебном языке наиболее авторитетных архиереев. Будущий патриарх Тихон считал, что «перевод богослужебных книг... теперешний устарел и во многих местах неправильный». А вот отзыв архиеп. Рижского Агафангела (Преображенского): «Язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. Уже со времени перевода Библии на русский язык стал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляют желать, чтобы богослужебным языком для православного народа оставался славянский язык. Но в таком случае необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого до возможности понимания его и не учившимся славянской грамоте возможно сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковному языку». Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) пишет, что «возвышенное богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих... Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает церковной, возвышенной, но непонятной песне неумную, но понятную сектантскую песню, которую он может сам и петь, а образованный по той же причине идет в театр или удовлетворяется домашним пением пошлых, но понятных романсов». В связи с этим он предлагает «...обсудить вопрос об исправлении существующих переводов или приступить немедленно к новому переводу на новославянский язык, всем понятный и вразумительный». ("Одна из причин, склонивших православных к штунде,.. есть именно непонятность церковных песнопений", — думал об этом еще свт. Феофан Затворник, а выдающийся алтайский миссионер, церковный переводчик и весьма консервативный иерарх митрополит Московский Макарий (Невский) (†1926) предупреждал, что в случае ничегонеделания и продолжения церковной жизни тем же порядком мы вообще придем к тому, что вскоре православных в России будет меньше, чем отступников.)

В основном преосвященные сочли необходимым исправление и перевод богослужения на «новый», упрощенный славянский язык (терминология не была устойчивой — искомый язык называли и славяно-русским и т.д.), предлагалось, впрочем, введение богослужения и на русском языке.

«Мнение епископата о необходимости исправления богослужебных книг, высказанное в »Отзывах", разделялось большей частью духовенства, как это видно из резолюций епархиальных и других церковных съездов", — писал Борис Сове.

Это можно подтвердить многими примерами. Выдающиеся и праведные пастыри протоиереи Иоанн Кронштадтский (считал необходимым читать псалмы на общей исповеди сначала по-славянски, потом по-русски), Валентин Амфитеатров и Алексей Мечев начали использовать

русский язык в богослужении или при чтении Писания. В 1911 г. еп. Самарский Константин (Булычев) благословил сельского священника Николая Пономарева на совершение богослужения по-русски. Даже на самом охранительном в предреволюционное время IV Всероссийском миссионерском съезде в Киеве, проходившем под председательством одного из наиболее консервативных иерархов того времени архиеп. Волынского Антония (Храповицкого) (†1936), 25 июля 1908 года была принята резолюция по докладу организационной комиссии «о неотложной нужде исправлений в церковном богослужении» о желательности «нового перевода церковно-богослужебных книг на упрощенный, более близкий к русской речи, славянский язык». (На Соборе 1917—1918 гг. вл. Антоний предложил переводить литургические тексты для проповеди за богослужением: «Возьми Служебник и переводы его по-русски»).

Таким образом, епископат, в согласии с полнотой Российской православной церкви, единодушно выразил мнение о необходимости скорейшего разрешения проблемы богослужебного языка. Так началась подготовка соответствующего решения Собора.

Как по вопросу о патриаршестве на Соборе многое решила пламенная речь св. архим. Илариона (Троицкого), так по вопросу о русском языке в богослужении важнейшим стало выступление ключаря храма Христа Спасителя св. протопр. Александра Хотовицкого. Деятельный сторонник принятого решения, близкий и многолетний сотрудник будущих патриархов Тихона и Сергия, священномученик (†1937), он говорил: «Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны... Закрывать двери Православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. Из достоинства славянской речи еще не следует отрицание перевода книг, а равно богослужения и молитв на русский язык, ибо таким образом мы бережем золотник, а теряем пуд».

Итоговый документ (Доклад отдела), подписанный замещающим председателя отдела еп. Охтенским Симоном (Шлеевым) — первым у единоверцев! — был заслушан Соборным советом и передан на 163-е общее заседание Собора, состоявшееся 30 августа (12 сентября) 1918 г. Вот принятый на нем текст.

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.
2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления.
3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.
4. Частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.
5. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода

церковной властью.

6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском.

7. Необходимо немедленно образовать при Высшем Церковном Управлении особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужений на общерусский или малороссийский и на иные употребляемые в Русской Церкви языки, причем комиссия должна принимать на рассмотрение как уже существующие опыты подобных переводов, так и вновь появляющиеся.

8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужебных книг на параллельных славянском, общерусском или малороссийском, употребляемых в Православной Русской Церкви, языках, а также изданием таковых же отдельных книжек с избранными церковнославянскими богослужебными молитвословиями и песнопениями.

9. Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений прихожанами для общецерковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных собеседованиях по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным.

Собор постановил (163-е Деяние Собора) передать этот доклад на утверждение Совещанием епископов. Совещание епископов — орган Собора, обсуждающий «каждое, принятое общим собранием Членов Собора, правилодательное или основоположное постановление с точки зрения соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви» (Устав собора, п. 64), — прошедшее (9) 22 сентября 1918 года под председательством патриарха Тихона, рассмотрело доклад и в результате постановило его «передать Высшему Церковному Управлению». Передача Собором принятого им доклада на распоряжение ВЦУ означала предоставление права вводить данный доклад в жизнь полностью или в частях, по благоусмотрению, т.е. что ВЦУ (прежде всего, патриарх и синод) в этом вопросе должно им руководствоваться в определенном смысле как документом, переданным законодательной властью власти исполнительной.

Св. патриарх Тихон, таким образом, имел полное право дать подобное благословение, что и сделал, — например, дав его московским священникам Иоанну Борисову и Владимиру Быкову и известному сибирскому миссионеру киевскому архимандриту Спиридону (Кислякову). (Тут напомним, что еще в бытность архиереем в Северной Америке (1898—1907) святитель Тихон благословил перевод и издание на английском языке «Служебника св. Православной Кафолической Апостольской Церкви».)

«Примером покойного Святейшего Патриарха Тихона» руководствовался и будущий патриарх Сергей, на протяжении своего 45-летнего архиерейского служения борющийся за местную соборность в этом вопросе и до революции 10 лет бывший председателем и душой синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг.

В 1905 г. он писал, что «необходимо на предстоящем Соборе обсудить вопрос об упрощении

богослужебного славянского языка и о предоставлении права, где того пожелает приход, совершать богослужение на родном языке». Тот же вопрос поставил он перед Предсоборным совещанием, возглавив его после смерти в ноябре 1912 г. прежнего председателя и в этом вопросе своего единомышленника митр. Санкт-Петербургского Антония (Вадковского).

В июле 1917 г. архиеп. Сергей, председатель Предсоборного Совета, выступил на его заседании, посвященном возможности допущения русского и других языков в богослужение. Это повлияло на принятие окончательных тезисов, в том числе тезиса самого владыки Сергея, ставшего основой соборного решения: «Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языках в меру возможности подлежит удовлетворению».

После революции митр. Сергей тоже осуществлял его в жизни, например, благословляя и поддерживая в нижегородской Ильинской общине, руководимой о. Василием Адаменко (в монашестве Феофаном, священномучеником (†1937)), служение Богу на «русском языке..., отверстие царских врат, чтение Св. Писания лицом к народу..., чтение тайных молитв во всеуслышание». Очень важно Постановление заместителя патриаршего местоблюстителя и временного при нем патриаршего Священного синода «О принятии в общение со Св. Церковью и о допущении русского языка в церковном Богослужении» от 10 апреля 1930 г. за № 69, где в п. 3. написано, «что допущение русского языка в Богослужении (в виду бывших при покойном Св. Патриархе примеров) не встречает непреодолимых препятствий» («Журнал Московской Патриархии» № 5 за 1931 г.). «Руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха, я не нахожу препятствий к тому, чтобы Преосвященные Епархиальные Архиереи, если найдут полезным, разрешали иеромонаху Феофану (или другим) то же самое и каждый в своей епархии».

Святитель поддерживал о. Феофана, потому что ясно видел сложившуюся церковную ситуацию и считал, что в новой ситуации необходимо искать новые пути жизни церкви, что нужны поэтому и новые пастырские поиски и подходы. По его мнению, нельзя принимать позицию тех, кто отказываясь признать изменившиеся обстоятельства, предпочитает ждать восстановления святой Руси — готов бороться, даже умереть за это, — но не хочет учиться жить в новых условиях и не хочет ничего менять в своих действиях.

Митр. Сергей писал: «Не хочу оставаться с ними при »святой Руси", хочу устраивать для Церкви возможность жизни при новых условиях, пожалуй, еще не повторявшихся в истории... Страница со святой Русью уже перевернута, и будет безумием и с нашей стороны отрицать это и убеждать себя и других, что мы можем продолжать ее читать и теперь, это было бы отрицанием факта, т.е. нежеланием подчиниться свершившейся воле Божией... Сам Святейший Патриарх Тихон... понял всю бесцельность ставить Церковь поперек течения истории и нам указал этот путь... Младшие неизбежно вовлечены будут в новую жизнь, неужели же вместе с этим придется уходить из церкви. Это было бы величайшим грехом с нашей стороны". Митрополит Сергей считал, что «через десяток—другой лет вырастет поколение, для которого Православная церковь с ее церковнославянским языком, древним богослужением будет выглядеть музейной реликвией».

Когда же о. Феофан был арестован, то святитель предпринимал попытки вызволить его из застенков. Последний раз патриарх Сергей пытался это сделать уже в последние дни своей жизни, подав 27 октября 1943 г. заявление властям с просьбой об амнистии лицам, которых он «желал бы привлечь к церковной работе под моим ведением». К заявлению был приложен список — 24 архиерея, архимандрит Афанасий (Егоров) — видимо, келейник патриарха, и о. Феофан Адаменко. Патриарх не знал, что 25 из них были уже расстреляны.

Ныне в лике новомучеников Российских есть священномученики Нижегородские Феофан и Василий — о. Василий (Феофан) Адаменко (†1937) и его помощник и преемник по руководству общиной о. Василий Абоимов.

В борьбе против церкви ее враги избирали (и донныне избирают!) прежде всего методы «разделяй и властвуй» и дискредитации самых насущных для церкви дел. Так возник обновленческий раскол, полностью, от начала до конца организованный большевистскими Политбюро и ЧК. Естественно, для обновленцев было важно доказать свою связь с движением церковного обновления начала века. Так и возник бытующий по сию пору миф о связи обновленцев с дореволюционным движением церковного обновления. Но ни одного члена знаменитого кружка 32-х петербургских священников среди руководителей живоцерковной и обновленческой смуты не было! Например, такой видный член кружка 32-х, как прот. Михаил Чельцов, автор его программы ("Сущность церковного обновления"), выбранный в 1917 г. председателем Епархиального совета (тогда же избрали и митр. Петроградского Вениамина), первый раз приговоренный к смерти вместе с ним в 1922 г., был до своего расстрела в 1931 г. оплотом патриаршей церкви в Ленинграде, еще с того времени, когда верными патриарху Тихону там оставались два—три прихода.

Еще один миф — о якобы предпринимавшихся обновленцами реформах в богослужении, в частности, использовании ими русского языка в нем. Историк Александр Кравецкий пишет: «Считается, что обновленцы были сторонниками перевода богослужения на русский язык и радикальных литургических реформ. Однако знакомство с официальными документами обновленцев показывает, что это миф».

Самарский новомученик прот. Сергей Самуилов, расстрелянный в 1931 г., до революции в своем благочинии в одиночку призывавший готовить народ к богослужению на русском языке, в 1923 г. оказался также единственным в своем благочинии священником, открыто выступившим против обновленчества. Но нет ни одного известного случая благословения обновленческим руководством служения на русском языке, как и вообще каких-либо литургических реформ, — напротив, хорошо известно, что оно гнало русский язык в богослужении! Документы их соборов и свидетельства современников, союзников и противников, определенно это показывают. Один из учеников обновленческого митрополита Александра Введенского рассказывал мне, что тот не признавал русский богослужебный язык и гнал о. Феофана (Адаменко), так как к церковной жизни часто подходил с эстетических позиций, именно поэтому он любил славянский язык, а русского не любил. К тому же трудно, почти абсурдно предположить, что богоборческое государство, которое, как мы теперь хорошо знаем по документам, подготовило и спровоцировало обновленческий раскол, было заинтересовано в понятном богослужении, которое приближало бы народ к Богу и Церкви!

В чем же тогда заключалась «новизна» обновленцев? В двух вещах:

официально — в признании социальных идеалов правящей идеологии своими (в этом их отличие от патриаршей церкви митр. Сергия);

неофициально (но реально) — в их инспирированности властями и предательстве братьев по вере. Верность патриарху Тихону была очень опасной и с церковной и с государственной точки зрения. Те, кто в любой ситуации становился на стороне сильных, его не выбрал.

Естественно, что ни патриарх Тихон, ни другие церковные деятели не могли по обстоятельствам своего времени открыто говорить, что суть и родимое пятно обновленчества — в борьбе за власть, построенной на крови и на предательстве своих по вере, поэтому в своей борьбе с обновленцами они вынуждены были ссылаться лишь на какие-то внешние вещи, в том

числе на букву канонов и т.п.

Однако существует важное свидетельство патриарха Алексия I, относящееся к 1940-м годам. Как только у него появилась возможность (а он очень хорошо знал ситуацию, так как был активным участником церковной жизни 20—30-х годов, когда не находился в ссылке; он и сам очень краткое время шел навстречу ВЦУ), он сразу сказал правду об этом расколе: обновленчество — это никакие не реформы, а предательство своих братьев по вере... В наши дни мы должны это очень хорошо знать и понимать.

Почему же тогда возник миф о литургических реформах обновленцев? Безбожная власть понимала, что нельзя допустить подлинного обновления и возрождения церкви, и поэтому ею была осуществлена поистине дьявольская подмена: неприятие церковным народом предательского поведения самозванных «обновленцев» подменили враждой ко всякой реформе в церкви. (Правда, некоторую роль здесь сыграли и полемические усилия со стороны противников «обновленчества», игравших на не лучших сторонах народного сознания и допускавших полемические упрощения, а использование упрощенных аргументов тоже всегда приносит лишь горькие плоды).

Новомученики и исповедники Российские, напротив, переводили богослужебные книги и использовали русский язык в богослужении. Можно назвать и поминающих, и не поминающих митр. Сергия архiereев, сторонников русского языка: например, Алексия (Симанского), Иоанна (Пояркова) и Серафима (Александрова) среди поминающих и Гурия (Степанова), Стефана (Знамировского), Николая (Могилевского), Афанасия (Сахарова) и Максима (Жижиленко) — среди бывших непоминающими.

Известна точка зрения прошедших лагеря архiereев, одно время непоминавших митрополита Сергия или до этого близких к «даниловской оппозиции». Это архиепископы Гурий (Степанов) и Стефан (Знамировский), епископ Афанасий (Сахаров).

Архиепископ Иркутский Гурий (Степанов), известный миссионер, в 1930-е годы находился в ссылке в Чердыни вместе с иером. Феофаном (Адаменко) и переводил с ним богослужебные тексты на русский язык для практического использования. Расстрелян в 1938 г.

Архиепископ Вологодский Стефан (Знамировский), до Собора 1917—1918 гг. — инспектор Пермской семинарии, был активным участником работы подотдела о богослужебном языке и одним из авторов текста окончательного варианта этого соборного документа. Он «признавал необходимым взяться за великое дело исправления и перевода богослужебных книг сведущими и готовыми на этот великий святой подвиг людьми. Если Собор по каким-либо причинам не допустит совершения богослужения на русском языке, то, — по его мнению, — желательно и полезно будет допустить во всяком случае частное распространение богослужебных книг на русском языке »для ознакомления верующих с содержанием церковных молитв". Насильственного введения не должно быть, а только по желанию". Расстрелян в 1941(?) году.

Епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), треть века проведший в узах, «выдающийся литургист, человек глубоко церковный, большой сторонник поновления переводов и даже перевода богослужебных текстов на русский язык» (как вспоминал о нем проф. МДА Дмитрий Огицкий), говорил, что только тот является верным сыном Русской православной церкви, кто сохраняет послушание решениям Собора 1917—1918 гг., в том числе в богослужебной области. Он не раз напоминал и то, что единственно каноническими богослужебными книгами нашей церкви являются утвержденные Синодом книги, подготовленные комиссией под председательством Сергия Финляндского. В одном своем официальном докладе священноначалию он писал: «Вопрос об исправлении наших богослужебных книг я считаю

настоятельно необходимым и неотложным. Поэтому я с давних пор занимался исправлением в принадлежащих мне книгах в предположении, что, может быть, когда-либо в будущем мои исправления пригодятся Церкви Божией». Еп. Афанасий также поддерживал труды исповедника веры свящ. Сергия Желудкова, призывавшего к литургическому творчеству. Еп. Афанасий ссылался в своих трудах и на митр. Алма-Атинского Николая (Могилевского), 25 лет проведший в лагерях, своего единомышленника в этом вопросе.

Почитаемый на Украине исповедник веры архим. Лаврентий Черниговский (Проскура), еще до ареста, в 20-е годы, на вопрос, на каком языке лучше служить, славянском, русском или украинском, отвечал: «Безразлично».

В 1950-е гг., освободившись из лагерей и ссылок, церковное служение продолжал архимандрит Таврион (Батозский). Он активно использовал русский язык в богослужении, например, каноны праздничных служб он читал по-русски в переводе Е.И. Ловягина. Незабываемо его чтение Молитвы Господней, проникнутое сердечным чувством и горячей верой: «Отец наш, Сущий на небесах...».

Среди учеников отца Алексея Мечева выделяется архимандрит Борис (Холчев). После лагерей и ссылок он служил в Узбекистане. Каноны праздничных служб он также читал по-русски.

Весьма грешным, прямо не допускающим детей ко Господу и равносильным лишению их святой Чаши, считал богослужebное чтение Писания на славянском, непонятном для детей языке епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский).

С 1960-х годов на архиерейское служение выходят вл. Никодим (Ротов) и его единомышленники (например архиеп. Михаил (Мудьюгин)), продолжившие традицию переводов и использования богослужebных текстов на русском языке. В эти же годы с византийской и сирийской гимнографией начинает знакомить русского читателя переводчик и культуролог Сергей Аверинцев.

С 1980-х годов активно использует русский язык в богослужении и призывает к этому московский миссионер и катехизатор свящ. Георгий Кочетков. Им переведены и изданы все используемые ныне литургии, всенощное бдение, чины некоторых таинств и т.д.

Этот список можно было бы продолжать и продолжать.

* * *

Итак, какой же мы можем сделать вывод? Ситуация с проблемой богослужebного языка по сравнению с дореволюционной изменилась радикально. И дело не в том, что сейчас среди пастырей нашей церкви гораздо меньше сторонников перевода богослужения на русский язык. Дело в том, что до революции, как мы убедились, ситуация с богослужebным языком не устраивала практически никого, сейчас же она устраивает практически всех. Почему это так? Неужели современные верующие понимают богослужение лучше дореволюционного русского народа, у которого церковнославянский язык был хотя бы связан с реальным бытом? Конечно, нет. Можно со всей ответственностью сказать: практически никто из современных верующих, большая часть из которых — неопиты, не знает церковнославянского языка и почти ничего не понимает в богослужении.

Второе важнейшее отличие: до революции объектом дискуссии был в первую очередь не русский язык, как теперь, а церковнославянский. Именно наличный церковнославянский перевод был, в первую очередь, объектом критики: из-за своих неточностей, ошибок, а

зачастую — и простой непонятности для большинства. К скорейшему новому, исправленному и упрощенному переводу призывали именно защитники и сторонники церковнославянского языка. Как это контрастирует с сегодняшней ситуацией, когда, например, такой демонстративный противник русского языка в богослужении, как архимандрит Тихон (Шевкунов), издает Минеи в старом, неисправленном варианте...

О чем все это говорит? Ответ напрашивается сам собой: не только понятность богослужебного языка для верующих, но и сам этот язык сейчас в церкви мало кого интересует. Речь здесь идет вообще не о языке. Но почему это так, неужели же современные пастыри настолько очерствели сердцем, что боль их дореволюционных предшественников до них уже не доходит? Или все они, как могла бы предположить желтая пресса, были кем-то завербованы? Нет, среди современных сторонников сохранения status quo в вопросе богослужебного языка немало достойных, ревностных и успешных пастырей. Тогда откуда же такой контраст, такой разрыв с церковной традицией? Ответ очень прост: в своей пастырской работе они уже не надеются на адекватное восприятие богослужения. Давно прошло то время, когда богослужение было для верующего человека «всем». После перевода Священного писания на русский язык и появления традиции проповеди на русском языке важность понимания богослужения значительно уменьшилась. Тем более, что с прошлого века появилось огромное количество самой разной и доступной для всех слоев общества церковной литературы. Другими словами, свою потребность «возлюбить Бога всем разумением своим» российский православный человек все больше удовлетворяет не только вне уставного богослужения, но даже и просто вне стен храма. Не случайно такое распространение в нашей церкви обрело так называемое младостарчество: не введение человека в подлинное предание церкви, выраженное в богослужении, но доморощенное и часто полукнижное «духовничество» — вот что все больше становится в центре жизни церкви.

Не случаен и тот разрыв в подходе к проблеме богослужебного языка, в котором мы только что могли убедиться. Этот разрыв свидетельствует о разрыве в самом предании: богослужение продолжает жить само по себе, а жизнь идет сама по себе... Если в прошлом веке непонятность и недоступность человеку уставного богослужения вылилась в широчайшее распространение на Руси акафистов, как-то снимавшее проблему отрыва народа от богослужения, то теперь нет и того — акафисты писать почти перестали.

Характерно, что и для защитников русского языка проблема понятности богослужения, по их собственным настойчивым заявлениям, — не главная. Недавно один из их оппонентов остроумно заметил, что не понимает, почему члены общины о. Георгия Кочеткова с такой настойчивостью выступают за русификацию богослужения и чтение так называемых «тайных» священнических молитв вслух, ведь Евхаристия занимает столь важное место в их жизни, что они знают ее текст чуть ли не наизусть (или, в крайнем случае, всегда имеют с собой книги, по которым следят за ходом службы), поэтому им-то как раз должно быть все равно, на каком языке ведется служба, пусть хоть на китайском...

Это, конечно, верно, но именно против этого и выступают сторонники русификации богослужения: да, можно всегда носить с собой книжку и следить за богослужением по ней, можно даже выучить текст наизусть, но это всегда значит, что предстоятель немного сам по себе, а молящийся народ — тоже сам по себе. Но именно против этого и восстают все те древние богослужебные тексты, которые порождены нашей богослужебной традицией: они требуют реального жизненного единства верующих, они выражают и созидают это единство, другими словами, они предполагают и созидают общину. Их дух и смысл, будучи доступен и внятен, несовместим с духом младостарчества или иных распространенных сейчас псевдоморфов и суррогатов церковной жизни. Если наше богослужение и его текст (будь то в

переводе на современный русский с греческих оригиналов, будь на «русифицированном славянском» с сохранением церковнославянской лексики и, отчасти, строения фразы, будь то на «новом, упрощенном церковнославянском», о котором мечтал свт. Феофан Затворник) опять станет реальным экзистенциальным центром церковной жизни, это потребует от всех нас таких перемен в нашей жизни, такого ее евангельского и святоотеческого обновления, в возможность которого сейчас мало кто верит и которого поэтому даже мало кто хочет.

Если же все-таки будет преодолен разрыв между богослужением церкви и ее реальной жизнью, то неизбежно встанет вопрос и об обратной связи: ведь чтобы богослужение было подлинно богослужением церкви, не только богослужение должно влиять на жизнь, но и наоборот — богослужение должно стать действительным отражением жизни Церкви. (Это еще одна причина того, что перестали появляться новые акафисты: творческий дух уходит из богослужения.) Именно в таком ракурсе еще в середине XX в. ставил проблему исповедник веры о. Сергей Желудков:

«... Речь моя идет не о переводах, а о новом творчестве, которое на языке другой эпохи невозможно. Церковные песнотворцы писали на языке своего времени — конечно, не на рыночном, а на торжественном. Златоуст онемел бы, если бы ему поставили условие — говорить языком эпохи Гомера. Это вдвойне действительно по отношению к языку церковнославянскому, который представляет собой соединение греческой грамматики со славянскими корнями и на котором за тысячу лет ничего кроме переводов и не было написано. Когда мы читаем, например: »О ужасного начинания!" или «О радости оныя!», — мы переносимся не в одну эпоху, а сразу в две другие эпохи, и не знаем, что нас более трогает, — пафос грека или смирение русского переводчика: оба они молятся с нами... На этом священном «дву-языке» можно при помощи словаря «составлять» что-нибудь, как делали мы это со службами русским святым и акафистами. Но это будет еще не творчество, а только имитация или пародия.

Неужели с греками навсегда кончилось словесное творчество в церкви? И как войдет наш великий, правдивый, могучий, свободный русский язык в русское церковное Богослужение?.." (из письма 1957 г.).

Конечно, если это и будет, то очень не скоро. Пока же, сделав этот небольшой обзор русской переводческой традиции, ее духовных истоков и движущих причин, мы можем сделать последний вывод. В дискуссии о возможности русскоязычного богослужения и вообще доступности богослужения для широких кругов верующих речь идет не только и не столько о его «понятности». Речь идет прежде всего о том, будет ли наша церковь продолжать жить новыми «традициями» — «младостарчества», «младосимфонии» церкви и государства и т.п. — или все-таки начнет понемногу возвращаться в своей жизни к традиции — как традиции Церкви вселенской, так и к традиции церкви Русской, а значит — и к ее традиции богослужебных переводов.

Литература по теме:

1. Еп. Авг. [Епископ Аксайский Августин (Гуляницкий)]. По поводу издания «Учебного Октоиха» и «Учебного Часослова» // ТКДА, №11. Киев, 1888. С. 75—103.
2. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917—1943. М., 1994.

3. Еп. Александр (Семенов-Тянь-Шанский). О работе священника в летних детских православных лагерях // Детские лагеря. М., 1995. С. 5—25.
4. Преп. Амвросий Оптинский. Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. В 3-х частях. М., 1995.
5. Свящ. Д. Ахматов. К вопросу о замене богослужебного церковно-славянского языка русским // Миссионерское обозрение, № 1. 1911. С. 13—29.
6. В.В. Болотов. Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого // Христианское чтение, март. СПб, 1914. С. 281—298.
7. Виршевая поэзия. М., 1989.
8. С.Т. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883.
9. Е.Е. Голубинский о реформе в Русской церкви // Православная община, № 5, 6. М., 1991. С. 33—44 и 62—69.
10. Е.Е. Голубинский. История русской церкви. В 4-х тт. М., 1997—1998.
11. Иером. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Т. 1. Тверь, 1992. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 2. Тверь, 1996. Т. 3. Тверь, 1999.
12. Е.А. [Епископ Михайловский Августин (Гуляницкий)]. Канон Великий св. Андрея Критского в новом переводе на церковнославянский язык // Душеполезное чтение, № 1. М., 1882. С. 232—261.
13. Свящ. С. Желудков. Литургические заметки. Ркп.
14. В.М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
15. Жизнеописание священномученика иерея Сергия Мечева, составленное его духовными чадами // Надежда № 16. Базель—М., 1993. С. 15—207.
16. С.А. Зеньковский. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.
17. Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского. М.—СПб., 1995.
18. Джемс В. Каннингем. С надеждой на собор. Лондон, 1990.
19. А.Ч. Козаржевский. А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 1989. № 1. С. 54—66.
20. И. Корсунский. Филарет, митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу перевода Библии на русский язык. М., 1886.
21. А.Г. Кравецкий. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917—1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП, № 2. М., 1994. С. 68—87.

22. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева. Деятельность еп. Афанасия (Сахарова) по исправлению богослужебных книг // Славяноведение № 1. М., 1996. С. 114—124.
23. А. Краснов-Левитин. Дела и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский. Крестей, 1990.
24. А.Э. Левитин-Краснов, В.М. Шавров. Очерки по истории русской церковной смуты. М.—Кюснахт, 1996.
25. Летопись Скита Оптиной Пустыни. Избранные страницы 1845—1882 гг. по плану монаха Варсонофия (Плиханкова) // Православие и русская народная культура. М., 1994. С. 87—180.
26. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 3-х частях. СПб., 1906.
27. В.Ф. Певницкий. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к церковным ведомостям. СПб., 1908. № 26—28, 30. С. 1217—1219, 1268—1273, 1315—1318, 1410—1412.
28. Г. Подскальский. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. (988—1237гг.). СПб., 1996.
29. Политбюро и церковь. Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.—Новосибирск, 1997. (Архивы Кремля).
30. Свящ. Н. Пономарев. О церковно-богослужебном языке // Самарские епархиальные ведомости, № 23. Самара, 1912. С. 692—696.
31. Свод мнений епархиальных архиереев [по вопросу о церковной реформе]. СПб, 1906—1907. РГИА, ф. 797, оп. 96, № 203.
32. Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской православной Церкви (1917—1997гг.) [Сост. игум. Андроник (Трубачев) и иером. Дамаскин (Орловский)] // Прот. В. Цыпин. История Русской церкви. 1917—1997. М., 1997. С. 674—705.
33. И.К. Смолич. История русской церкви. В 2-х тт. М., 1997.
34. Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык [Е.И. Ловягина и др.]. Вып. 1. М., 1997.
35. Б.И. Сове. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX—XX веках // БТ № 5. М., 1970. С. 25—68.
36. Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
37. Еп. Феофан Затворник // Душеполезное чтение, №10. М., 1896. ч. III. С. 462—463.
38. Свт. Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Т. I—VIII. М., 1994.
39. Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С.А. Первухин, в их взаимной переписке // Труды Императорской Киевской Духовной Академии. 1915. Т. II. С. 297—305.

40. Письма Московского митрополита Филарета к покойному архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883.
41. Архиепископ [Черниговский] Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. ТСЛ, 1995.
42. Служба св. Филарету (Милостивому) // Вера и жизнь, № 23. Чернигов, 1914. С. 13—14.
43. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. ТТ. 1—5. М., 1873—1885.
44. Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
45. Сщмч. протопр. Александр Хотовицкий. О богослужебном языке // Православная община, № 32. М., 1996. С. 53.
46. Прот. М.П. Чельцов. В чем причина церковной разрухи в 1920—1930 гг. Публ. В. Антонов // Минувшее. Исторический альманах. М.—СПб., 1994. Вып. 17. С. 418—468.
47. Прот. Михаил Чельцов. Сущность церковного обновления. Православная община, № 40. М., 1997. С. 75—87.
48. Прот. С. Четвериков. Молдавский старец Паисий Величковский. Париж, 1988.

* Автор — преподаватель Общей истории новозаветной церкви и Истории миссии и катехизации в Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школе.

: Снятие прещений со свящ. Георгия Кочеткова и его прихожан. Документы

Церковная жизнь

СНЯТИЕ ПРЕЩЕНИЙ СО СВЯЩ. ГЕОРГИЯ КОЧЕТКОВА И ЕГО ПРИХОЖАН

Документы

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ

от клирика г. Москвы

священника Георгия Кочеткова

РАПОРТ

Ваше Святейшество, Святейший Владыка!

Уже более двух лет я и 12 прихожан храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках находимся под прещениями, наложенными на нас Указом Вашего Святейшества от 09.10.97 г. Все это время мы, понимая сложность ситуации, вызвавшей этот Указ, как и последовавших затем событий, смиренно выполняем нам предписанное. В частности, каждый из поименованных в Указе принес покаяние на исповеди у епархиального духовника и получил от него разрешительную молитву. После этого алтарники ездили к священнику Михаилу Дубовицкому и лично просили у него прощения. О. Михаил объявил через средства массовой информации, что простил всех. Однако при личной встрече он потребовал от них дополнительно дать письменное заявление для прессы с фактическим самооговором, поставив это условием прощения, что сделало дальнейший диалог затруднительным.

Требование Указа о передаче приходских учреждений под духовное окормление нового настоятеля храма Успения в Печатниках прот. Олега Клемышева также не встретило возражений с нашей стороны. Однако о. Олег посчитал приходскими Свято-Филаретовскую высшую православно-христианскую школу (Миссионерско-катехизаторский институт) и просветительско-благотворительное братство «Сретение», хотя они были созданы за несколько лет до образования прихода храма Успения, имели самостоятельную государственную регистрацию, а также не были юридически и территориально в Сретенском благочинии.

Свято-Филаретовская школа поныне находится под попечением и контролем Отдела по религиозному образованию и катехизации Московской Патриархии во главе с игуменом Иоанном (Экономцевым). В Отдел Школой представлялись все учебные программы. Сейчас программы Школы и Огласительного училища опубликованы и полностью открыты для замечаний и обсуждения.

Просветительско-благотворительным братством «Сретение» после решения Архиерейского Собора 1994 года о перерегистрации братств в качестве приходских был разработан новый Устав, полностью согласованный с юрисконсульту Московской Патриархии В.Н. Калининым. Устав был передан в канцелярию Московской Патриархии, но остался неутвержденным.

Руководство, преподаватели и студенты Свято-Филаретовской школы и члены братства «Сретение» глубоко сожалеют о том, что на сегодняшний день эти учреждения не имеют Вашего Первосвятительского благословения, и искренне желают его получить, чтобы их деятельность по приведению новых людей к Богу и в Святую Православную Церковь, катехизации и богословскому образованию была более плодотворной.

Все мы искренне просим прощения у Вашего Святейшества за то, что летом 1999 года провели в Москве общее собрание братства с участием гостей из других епархий и стран, не испросив предварительно на это Вашего благословения. Это не было сделано лишь по недомыслию.

Заверяем Вас, Ваше Святейшество, что вся деятельность Свято-Филаретовской высшей школы и братства всегда были и будут направлены лишь на укрепление Русской Православной Церкви в полном послушании ее священноначалию и Вам, как ее Предстоятелю, нашему правящему Архиерею и Отцу.

Мы искренне сожалеем о конфликте, происшедшем в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, который закончился принудительной госпитализацией клирика этого храма священника Михаила Дубовицкого. Мы каемся в том, что не нашли другого выхода из создавшегося положения, что послужило причиной для обвинения нас в насилии и глумлении. Поэтому мы готовы в присутствии архиерея или иных священнослужителей еще раз просить прощения за это у о. Михаила Дубовицкого. Разумеется, не было и нет никаких препятствий для получения им его иерейского креста, который находился и ныне, видимо, находится в

алтаре храма Успения в Печатниках. Мы предлагали супруге о. Михаила передать ему крест через нее, но она от этого отказалась, сказав, что крест заберет он сам.

Ваше Святейшество! Все мы, находящиеся под прещениями, глубоко страдаем от того, что в течение столь длительного времени не имеем права приступать к таинству Святого Причащения. Особенно тяжело это для меня — священнослужителя (Вашим Указом мне не было предписано воздерживаться от причащения, однако такое распоряжение было устно передано мне со ссылкой на Вас из канцелярии Московской Патриархии через епархиального духовника).

В связи со всем вышеизложенным смиренно прошу Ваше Святейшество снять своей властной, но милостивой десницей прещения, наложенные на меня и прихожан храма Успения, и вернуть меня к священнослужению, чтобы наше дальнейшее служение Святой Православной Церкви проходило в полном единении с ней во славу Божию.

Вашего Святейшества недостойный послушник и богомолец —

священник Георгий Кочетков

12 января 2000 г.

* * *

Московская Патриархия УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ «9» марта 2000 г. № 813119034, Москва, Чистый, 5 тел: 201-58-53

Запрещенному в священнослужении, заштатному клирику Московской епархии, священнику Георгию Кочеткову

Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вашему преподобию резолюцию ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем обращении к Нему от 12 января 2000 года о снятии прещений наложенных на Вас и 12 прихожан храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках Указом Его Святейшества:

"Обстановка, породившая конфликтную ситуацию в приходе храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках г. Москвы, возникла не в миг. Продолжительное время напряженными были отношения между возглавляемым Вашим Преподобием приходом и другими приходами г. Москвы, что и породило определенное противостояние.

Не в малой мере тому способствовали Ваши публикации в прессе и ряд нововведений в богослужебной практике. К тому же возглавляемый Вами приход, как бы отторгал все, что исходило не из него, в том числе и священнослужителя, направленного Нами, что и привело к печально известному инциденту, а через то и к Нашему Указу от 9.10.1997 г. с наложением соответствующих прещений.

Принимая во внимание понесенную Вами и 12-ю прихожанами епитимию, а так же Ваши заведения, что дальнейшая Ваша деятельность и деятельность окормляемых Вами духовных школ и братств будут направлены на укрепление Русской Православной Церкви, в полном послушании ее Священноначалию, считаем возможным в начале спасительного поприща

Святой Четыредесятницы, освободить Вас от наложенного Нами прощения, а прихожан от запрещения приступать к Таинству Св. Причащения, на что последует Наш соответствующий Указ".

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ, МИТРОПОЛИТ
СОЛНЕЧНОГОРСКИЙ + Сергей

* * *

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

УКАЗ

Запрещенному в священнослужении, заштатному клирику Московской епархии, священнику Георгию Кочеткову

Бывшим прихожанам храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках г. Москвы Романову О.В., Котту В.К., Максимовскому В.Е. Соколинскому Р.И., Кулыгину В.М., Василевской А. Д., Матвееву С.И., Копировскому А.М., Бойкову А.М., Чуеву Г.А., Якунцеву В.И., Гасаку Д.С.

Вступая в спасительное поприще Святой Четыредесятницы и принимая во внимание понесенные свящ. Георгием Кочетковым и бывшими прихожанами храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках г. Москвы Романовым О.В., Коттом В.К., Максимовским В.Е. Соколинским Р.И., Кулыгиным В.М. Василевской А.Д., Матвеевым С.И., Копировским А.М., Бойковым А.М., Чуевым Г.А., Янунцевым В.И., Гасаком Д.С., наложенные Нашим Указом от 9 октября 1997 г. прещения и епитимию, а так же многократные заверения свящ. Георгия Кочеткова, что его дальнейшая деятельность и деятельность окормляемых им школ и братств будут направлены на укрепление Русской Православной Церкви, при полном послушании ее Священноначалию, считаем возможным освободить его от запрещения в священнослужении.

Вопрос о его дальнейшем приходском служении будет рассмотрен Нами по получении заключения богословской комиссии (состоящей из преподавателей Московской Духовной Академии и Православного Свято-Тихоновского Богословского института) свидетельствующего, что публикуемые им богословские труды не противоречат православному святоотеческому учению и не нарушают традиций Русской Православной Церкви.

Прихожане отлученные от общения церковного и получившие запрещение приступать к Таинству Святого Причащения, освобождаются Нами от данных прещений, с рекомендацией временного воздержания от активного участия в церковно-общественной жизни приходов.

Наложённые прещения будут сняты по прочтении епископом разрешительной молитвы над запрещенными.

+ Алексей ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

: Константин Обозный. Псковская Православная Миссия в 1941–1944 гг. Миссионерский аспект деятельности. (Окончание)

История церкви

ПСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В 1941–1944 гг.

Константин Обозный

Миссионерский аспект деятельности*

Издательская деятельность Миссии

Одним из активных направлений практической деятельности Псковской миссии стала издательская работа. На печатные издания Миссии у населения был огромный спрос. Однако полностью обеспечить ими всех верующих, окормляемых "Православной Миссией в освобожденных областях России", было трудно. Несмотря на некоторую поддержку печатания миссионерских изданий со стороны отдела пропаганды, дело это требовало крупных затрат. Другая трудность была связана с транспортировкой уже готовой продукции, ведь типография "по причинам технического характера" находилась в Риге. Тут же помещалась и редакция печатного органа Миссии, — периодического журнала, предназначенного для областей, находящихся в ведении Православной Миссии⁹¹. Ответственным редактором этого издания был И.П. Четвериков⁹². Журнал имел довольно обычное название — "Православный христианин". Начало его издания было положено в августе 1942 г., спустя год после основания Псковской миссии.

В первый год было издано пять номеров журнала, по 30 тыс. экземпляров каждый номер. В 1943 г. число номеров выросло до 14, хотя тираж некоторых с 30 тыс. опустился до 20 тыс. экземпляров. Помимо "Православного христианина" печатались молитвенники (100 тыс. экз.) и накануне 1943 г. вышел Православный календарь на этот год (30 тыс.), имевший большую популярность⁹³.

К сожалению, сведений об издательской деятельности Миссии совсем немного, и потому невозможно установить, что еще было выпущено для нужд христианского просвещения. Несомненно, что миссионерское служение и евангелизацию невозможно представить без Священного писания. Именно его издание и обеспечение им верующих христиан должно было стать одной из главных забот Псковской миссии, как это было всегда во внешней миссии, обращенной к нехристианскому населению окраин России или действующей в других нехристианских странах.

Немалую роль в миссионерском делании, конечно, сыграл журнал "Православный христианин". Несмотря на то, что редакция находилась в Риге, зачастую сбор, подготовка

материалов и нередко написание статей осуществлялось членами Миссии, в частности работниками Управления Миссии. Это совсем не случайно, так как журнал (как указывалось выше) по сути являлся печатным органом Православной Миссии. В нем Управление Миссии публиковало свои циркулярные распоряжения, обращения к православным христианам митр. Сергия (Воскресенского), известия, касающиеся жизни Православной Миссии, сведения о новых назначениях и рукоположениях во священники, праздничные послания Миссии своей пастве. На этой, так сказать, официальной части журнала издатели не останавливались, и его остальное содержание как раз и носило просветительский характер и было не менее важным. Материалы здесь были самые разнообразные: поучения святых отцов церкви, например, св. Иоанна Златоуста "О необходимости и силе покаяния" и др.; проповеди исповедников веры и святителей-современников XX в., таких как патриарх Тихон "Мысли о Церкви", архиеп. Рижский Иоанн (Поммер) "Жажда бессмертия", еп. Охридский Николай (Велимирович) из Сербии "Русскому ветерану, который оплакивает свою распятую Родину" (все трое ныне причислены разными церквями к лику святых — прим. ред.); статьи, подготовленные редакцией журнала и членами Миссии, например, о Кириллом Зайцом "Роль женщины в борьбе за Церковь Христову". Другие материалы посвящались вероучительному аспекту: "Крест (Христов) Господень", "Слава Божией Матери в Ее св. иконах"; каритативному направлению: "Будь ближе к человеку". Делалась даже попытка разобраться, в чем причина тяжелых испытаний, обрушившихся на Россию, на Русскую церковь: "Русскому патриоту — верному сыну св. Православной церкви". Уделялось внимание подвигу исповедников веры, положивших душу свою за св. Церковь, за свою паству. В одном из номеров было опубликовано циркулярное распоряжение Миссии о восстановлении уничтоженных за годы гонений летописей приходов, о составлении списков погибших священнослужителей и о подробном описании приходской жизни в период гонений. Отсылаться должны были эти документы в Управление Миссии. Этот призыв Православной Миссии свидетельствует о том, что миссионеры понимали, насколько важна история РПЦ нового, советского периода, они видели в этом свой долг христианина — восстановить имена новомучеников за веру Христову. Это же говорит нам, как серьезно и ответственно относились к своему положению деятели Псковской миссии, независимо от того, сколь долгий срок отпустит им Господь для их служения на израненной русской земле. С подобным призывом собирать материалы "о мучениках за веру" времен революции, гражданской войны и массовых чисток диктатуры пролетариата обращался еще во время войны Богословский институт в Париже. Призыв был тогда "горячо воспринят архиеп. Латвийским Иоанном (Поммером), поручившим это дело благочинным..."⁹⁴.

Была в журнале и постоянная рубрика "Ученые люди и вера в Бога". Она посвящалась Амперу и Бисмарку, Песталоцци и Пушкину, Павлову и Лейбницу. Уделялось место и классикам русской литературы. Произведения А. Плещеева, А. Майкова, А. Ремизова, Ф. Достоевского можно было прочесть в "Православном христианине". В одном из номеров были опубликованы воспоминания о. Сергия Ефимова о начале его служения на псковской земле и о первых шагах Православной Миссии в Пскове в августе 1941 г.

Главное, что хотели донести издатели "Православного христианина" до своих читателей, это понимание закономерности трагических событий последних 20 лет. Народ православный в своем большинстве по сути отвернулся от Бога. Продолжая совершать обряды, соблюдая внешние стороны культа, на деле он все дальше уходил от "праведных и истинных путей Царя Святых" (Откр 15:3). Только покаяние и оживление духовной жизни могло вернуть его в лоно Церкви.

По-видимому, в таком направлении проходила подготовка миссионеров-священников на Богословских курсах в Вильно. Ведь и обучение на курсах, и издание номеров "Православного христианина" проводились фактически одними и теми же людьми — членами "Православной

Миссии в освобожденных областях России".

Миссия, катехизация, христианское просвещение

Особенно яркий талант проповедника, пастыря, миссионера проявил в Псковской миссии о. Георгий Бенигсен. Он руководил столом по развитию христианской культуры при Управлении Миссии и много сил отдавал работе с детьми и молодежью. Так, осенью 1942 г. по предложению Псковского отдела пропаганды о. Георгий взял на себя заведование отделом детских передач Псковского радиоузла. К подготовке и непосредственно выходу передач о. Георгий привлекал воспитанников Церковной школы (им, собственно, основанной), а также "лучшие художественные силы города"⁹⁵. Успех передач привел к тому, что заведующий Псковским радиоузлом предложил о. Георгию Бенигсену "выступать с еженедельными докладами на религиозные темы"⁹⁶. Названия некоторых дошли и до нас: первый доклад "Ученые о религии" был прочитан 30 сентября, а через неделю выступление миссионера было посвящено 550-летию со дня смерти прп. Сергия Радонежского — "Игумен всея Руси". Передачи транслировались в вечернее время, чтобы их могли слушать и те, кто "не имеет возможности или желания посещать храм"⁹⁷. Сам о. Георгий в своем докладе начальнику Миссии подчеркивает огромную важность того, что "церковное слово впервые в России зазвучало и по эфиру..."⁹⁸ А с подключением к псковскому радиоузлу и более отдаленных районов (Остров, Порхов, Дно) возможности христианской Миссии на псковской земле возрастали во много крат. Молодой священник использовал все средства, в том числе и современные, все способы для того, чтобы нести людям Слово Божие...

Но и кроме радиопрограмм, о. Георгий много занимался христианским просвещением и делами милосердия.

Павел Жадан, приехав в Псков в 1942 г. для организации нелегальной работы НТС, отмечает, как активно действовали в тяжелейших условиях оккупации члены Православной Миссии по христианскому просвещению псковичей.

На территории Кремля, там, где располагалось Управление Миссии, в колокольне кафедрального собора, на втором этаже, над свечным заводом, находился один из миссионерских очагов — "...молодежь своими силами привела помещение в порядок для сборов младших и для литературного кружка старших. Там же с молодежью по группам велись беседы на религиозные темы". Основная задача литературного кружка — "воспитание в патриотическом национальном и православном духе..."⁹⁹ В этом случае к катехизической работе с детьми присоединялась и их подготовка к жизни в "новой" России, а главное — к служению своей Родине. Потому неслучайно, как пишет П.В. Жадан, "...работа с младшими была фактически подпольной скаутской работой"¹⁰⁰, в организации которой не последнюю роль играл автор этих строк — активный член НТС. Лозунг этого союза гласил: "За Россию без немцев и без большевиков"¹⁰¹. Именно с таким акцентом и велось воспитание детей в этих группах. Однако такая скаутская программа, принятая в России еще в 1909 г. и развитая в национальном духе в 1930-е годы в Югославии, упоминается лишь однажды в связи с занятиями на территории Кремля. В других случаях миссия и евангелизация очень тесно переплелись с каритативной деятельностью миссионеров-священников и христиан, содействующих служению Православной Миссии. Сами дела милосердия порой живее речей и выступлений и очень часто являются свидетельством дела Христова и исполнения Его заповеди о любви к ближнему. От того не всегда легко и верно разделять миссионерскую и каритативную, благотворительную деятельность. Ведь и одна и другая являются теми делами, без которых наша вера мертва, без которых невозможно зажечь огонь любви Христовой в сердцах людей.

Осенью 1942 г. настоятель храма св. вмч. Дмитрия Солунского в Пскове о. Георгий Бенигсен по благословению экзарха Сергия открывает при своем приходе приют для сирот на 15 человек. Для этого был отремонтирован церковный дом, где, собственно, и жили дети. О. Георгий обратился к пастве с призывом помочь в создании приюта. Силами прихода была собрана вся необходимая обстановка: кровати, мебель, постельное белье, столовая и кухонная посуда. Воспитанники приюта были обеспечены продуктами, которые приобретались на средства, пожертвованные прихожанами, а частично приносились и самими прихожанами. При этом настоятель отмечал чрезвычайную отзывчивость христиан: благодаря их усилиям во многом и стало возможно открытие приюта. В основном возраст воспитанников колебался от 8 до 15 лет. Некоторые из них здесь, под сенью Дмитриевского храма, стали членами христианской Церкви, были крещены о. Георгием¹⁰². Кроме того, что в приюте детей готовили к таинству Крещения, наставляли в православной вере, велась, что особенно важно, подготовка подростков 13—15 лет к миссионерскому служению, к "религиозно-воспитательной работе среди детей и молодежи"¹⁰³. Этот момент подчеркивается мною неслучайно, ибо здесь я вижу черты нового в миссионерской работе православной церкви в России, черты того опыта, который приобрел о. Георгий в общении с деятелями РСХД в Латвии в 30-е годы. Действительно, миссионерам-подросткам и молодежи гораздо легче понять и найти контакт со своими сверстниками, нежели миссионеру-священнику, который нередко просто не обладает опытом общения и научения невзрослых христиан. И наконец, в такой подготовке я вижу зачатки катехумената в Псковской миссии. Одним из неперенных условий катехумената является наличие школ катехизаторов и миссионеров. Прототипом такой школы и являлся приют подростков-сирот при Дмитриевской церкви, наряду с Богословскими курсами в Вильно, основной задачей которых было насыщение Псковской миссии священниками и миссионерами.

Кроме того, стараниями неутомимого миссионера здесь же, при храме св. вмч. Дмитрия, в октябре 1942 г. открылись церковный детский сад и церковная школа. В детский сад, как и положено, принимались дошкольники, а в школу приходили дети, окончившие четыре класса начальной школы, ибо Дмитриевская церковная школа заменила собой недействующую гимназию¹⁰⁴.

Помимо этой каритативной и катехизической деятельности, развернутой о. Георгием на базе вверенного ему прихода и при живейшей помощи прихожан, он приступает к преподаванию Закона Божия в Псковской художественной школе, которая в 1942 г. насчитывала 60 учащихся в возрасте от 17 до 22 лет. Сам миссионер сообщал об этом начальнику Миссии так: "...моя первая встреча с этой молодежью, против всех ожиданий, произвела на меня чрезвычайно отрадное впечатление. С этой молодежью работать можно, и работа может быть плодотворной и интересной"¹⁰⁵.

Несмотря на скудость документов, отражающих деятельность Миссии, плоды служения о. Георгия Бенигсена были видны. Именно воспитанники школы помогают своему наставнику в проведении христианских радиопередач для детей, и то поле деятельности, которое я попытался описать, свидетельствует о том, что о. Георгий опирался на помощь своих помощников, среди которых большинство, видимо, было еще совсем молодо. Известно, что церковная школа пользовалась большой популярностью, в 1943 г. в ней обучалось около 150 детей. Однако в конце этого же года школа была закрыта оккупационными властями, так как все дети старше 12 лет были сделаны работобязанными¹⁰⁶. Но труды этого пастыря были не напрасны: во время эвакуации Миссии из Пскова в феврале 1944 г. вместе с о. Георгием уезжают тринадцать его воспитанников¹⁰⁷, которые вслед за своим наставником выбрали путь апостольского служения.

Сохранились факты и о деятельности других членов Православной Миссии. При церкви прп.

Варлаама Хутынского, также находящейся в Пскове, миссионер о. Константин Шаховской организовал школу, в которой обучалось 80 детей. В Пушкиногорском районе о. Владимир Толстоухов основал 17 подобных школ, а в Красногородском районе 15 начальных школ находились под окормлением служащего в тех местах миссионера-священника Федора Ягодкина. Он преподавал Закон Божий и основы церковного пения¹⁰⁸.

Я думаю, не оправданы были претензии советских историков, обвинявших Православную Миссию в том, что она подмяла под себя всю систему народного образования. По словам очевидцев, "русские школы в Пскове были и городские, и церковные, и программы у них, соответственно, были различные; никто к преподаванию Закона Божьего не принуждал"¹⁰⁹.

В то же время неоспоримо то, что Православная Миссия особенное место уделяла просветительной работе с детьми. Этому посвящена часть одного из распоряжений Управления Миссии, где настоятелям приходских храмов вменялось "обучать сверх всего детей своих прихожан в приходской школе Закону Божьему, правильному разумению церковных обрядов, чтению, письму и др. предметам, полезным в общежитии..." При этом на строгом воспрещалось взимать плату за обучение или использовать обучаемых детей в своих работах¹¹⁰.

О. Алексей Ионов в школах г. Острова и его пригороде проводил занятия по Закону Божию. А до этого он принял участие в учительской конференции, которая состоялась в 1942 г. накануне начала учебного года. Она имела главной целью — выработать новую программу преподавания в школах района. Именно о. Алексей сумел доказать необходимость христианского обучения в школе и добился того, что преподавание Закона Божия было принято во вновь выработанной школьной программе¹¹¹. Хотя дело осложнялось нехваткой законоучителей, о. Алексей не унывал, и в те села, куда он физически не мог добираться для занятий с детьми, отправлялись молодые советские педагоги, получив благословение батюшки и Евангелие в подарок. Не беда, что некоторые из них впервые открывали Слово Божие. "В условиях фронта, полного разорения, нищеты и голода такая "система преподавания", когда сам учитель вместе с детьми изучает Писание и старается жить им"¹¹², по признанию самого о. Алексея, показалась вполне возможной.

Островский благочинный много общался с детьми и вспоминает об этом в своих "Записках": "Моими лучшими друзьями в России были дети. Работа в школе была самая благодарная"¹¹³.

Но и помимо школьных стен рядом с о. Алексеем всегда были дети. Он отогревал их в своем скромном церковном доме, где они порой жили по несколько месяцев, спасаясь от голодной смерти, готовил к таинству Крещения и крестил, для многих становясь и крестным и почти родным отцом. После каждого крещения своих маленьких подопечных о. Алексей видел в их глазах такую благодарность, какой уже никогда не забыть, и ему хотелось повторить еще и еще раз: "какая радость быть священником!"¹¹⁴ Детей было великое множество, и они неотступно окружали батюшку, помогали в церковной службе, "в храме занимали всегда первые места, терпеливо выстаивая длинные наши, такие недетские богослужения"¹¹⁵.

Приступив к возрождению церковной приходской жизни в г. Острове, о. Алексей Ионов очень быстро налаживает отношения и со своей многочисленной паствой — христианами старшего поколения, силами которых и восстанавливались поруганные храмы, и с теми молодыми людьми, которые о вере Христовой мало что знали, опыта церковной жизни не имели, а некоторые не были и крещены. Именно из них сложился Евангельский кружок, в котором миссионер проводил беседы — "евангелизацию" — дважды в неделю. Очень быстро число участников этого кружка достигло 40 человек. "Среди них были врачи, учительницы, портнихи и просто домашние хозяйки"¹¹⁶. О. Алексей пишет: "Если бы я сделал хотя бы одно объявление о наших занятиях в кружке, то число членов умножилось бы намного больше"¹¹⁷.

И лишь одно останавливало в этом священника — огромное количество церковной работы на территории в радиусе 50—70 км. Слишком мало сил и времени оставалось для того, чтобы развернуть массовую евангелизацию, колоссальную потребность в которой невозможно было не заметить.

Дела милосердия. "Внутренняя миссия"

Подобно тому, как в г. Гдове священником Иоанном Легким было образовано добровольное "филантропическое" общество "Народная помощь", целью которого была поддержка нуждающихся¹¹⁸, так и в г. Острове местный благочинный о. Алексей Ионов основывает "Русский Красный крест". Его деятельность была направлена на помощь военнопленным из Красной армии. В этом о. Алексею помогали и те, кто посещал "евангельский" кружок, и те, кто еще не мог не только называться церковными людьми, но и еще до конца не пришел к вере. Так говорил воспитанник ленинградского Педагогического института им. Герцена: "Хотя я не верю в Бога, но я от Него не отрекаюсь. Докажите мне как следует, и я уверую!..."¹¹⁹ То, что и такие люди, проявляя "самоотверженность, настойчивость и подлинное христианское милосердие", наравне с уважаемым ими православным священником творили дела милосердия, свидетельствует, что путь истины все-таки уже был выбран, несмотря на то, что сакраментально в церковное общество верных они еще не вошли.

"Русский Красный крест" взял на себя попечение об одном лагере для военнопленных. Добровольные помощники о. Алексея расклеивали воззвания о сборе продуктов для русских солдат, готовили обеды на 200 человек, которые привозились в лагерь дважды в неделю. После этого смертность в лагере заметно убавилась. Помощь оказывалась также и нуждающимся жителям города, оказавшимся без крова и средств к существованию¹²⁰.

Такая каритативная деятельность просвещаемых о. Алексеем и тех, кто только обретал веру Христову, напомнила мне подобный пример из времен христианской церкви первого тысячелетия. Тогда оглашаемые, т.е. те, кто готовился к таинству Крещения, обязательно участвовали в делах милосердия христианской общины, в которую они позже вливались, становясь, наряду с остальными братьями и сестрами, верными, или полными христианами. Особенной удачей о. Алексей Ионов считал специальное пасхальное богослужение, которое он совершил весной 1943 г. для русских пленных из подопечного лагеря. Служба проходила в храме с закрытыми дверями, у которых стояла вооруженная охрана. Все остальные верующие, кроме узников, должны были выйти, — такие требования предъявил начальник лагеря. И все же около трехсот человек по личному желанию наполнили островскую церковь. С большим волнением священник-миссионер совершал торжественную службу. Произнес проповедь, в которой "убеждал их не падать духом, помнить, что их матери молятся о них..."¹²¹ В конце литургии о. Алексей "одевая каждого не одним традиционным, а четырьмя, пятью яичками — их принесли накануне верующие люди, — приветствовал всех...: " Христос воскрес!" И все как один отвечали: "Воистину воскрес!"¹²²

Этот яркий пример еще раз подтверждает мысль о том, что нередко трудно разграничить миссионерскую деятельность и дела милосердия, которые, впрочем, вместе составляют одно целое и неделимое дело Христовой любви, дело Христовой победы.

Помощь русским военнопленным была организована Православной Миссией по всей ее территории. Начальник Миссии прот. Кирилл Зайц обратился к православному русскому народу с воззванием помочь своим братьям, находящимся в плену. Был объявлен сбор добровольного пожертвования теплых вещей для военнопленных солдат, которые летом попали в плен и потому не имели зимней одежды¹²³.

Пожертвования принимались на приходах священниками, церковными старостами, деревенскими старшинами, а затем передавались Православной Миссии в Псков. В лагерь отправляли теплую одежду, обувь, белье, одеяла, которые в большом количестве собирались на территории Миссии.

Нельзя обойти вниманием миссионерское служение среди русского населения, высланного на принудительные работы в Латвию. Дело в том, что вторая половина войны для псковской оккупации характерна массовыми вывозами коренного населения в Прибалтику и Германию. Естественно, что пастыри не могли оставить своих пасомых в этих тяжелейших условиях чужбины и несвободы, и миссионеры расширяли поле деятельности, выезжая в Латвию.

Псковский архив почти ничего не говорит об этой стороне служения Псковской миссии, за исключением упоминания в письме девушки-псковитянки, вывезенной на принудительные работы, о том, как их общежитие в Риге посещали православные священники из Пскова¹²⁴. Гораздо больше материалов по этому вопросу хранится в латвийских архивах. Это и понятно, так как по инициативе и под непосредственным руководством архиеп. Латвийского Иоанна (Гарклава) была "учреждена... "Внутренняя миссия" для обслуживания военнопленных и русских, перемещенных в Латвию"¹²⁵. После эвакуации Православной Миссии из Пскова зимой—весной 1944 г. некоторые миссионеры включаются в работу "Внутренней миссии" на территории Латвии, продолжая нести апостольский подвиг до последних дней... Именно о Кирилл Зайц становится начальником "Внутренней миссии" в Шауляе¹²⁶.

При епархиальном совете в Риге была создана специальная комиссия по делам "Внутренней миссии". В эту комиссию вошли протоиереи Сергей Ефимов (один из пионеров "Православной Миссии в освобожденных областях России"), Николай Смирнов и священник Николай Кравченко. Основная цель, которую видели организаторы "Внутренней миссии", — укрепление веры среди узников, "распространение церковной литературы, икон, нательных крестиков и т.п."¹²⁷ С согласия оккупационных властей устраивались специальные богослужения для военнопленных, для находящихся на принудительных работах и для беженцев. Подобные службы особенно широко практиковались в 1943—1944 гг., когда с приближением линии фронта из Пскова в Прибалтику перебирались десятки тысяч русских беженцев. Известны случаи, когда усилиями православных священников реально улучшались условия жизни, содержания, медицинского обслуживания в лагерях русских переселенцев и военнопленных. Особенно много на этом поприще было сделано уполномоченным по делам "Внутренней миссии" о. Владимиром Толстоуховым, выезжавшим из Риги в лагерь Курземе и Земгале, а также священниками Виктором Перминым и Яковом Начисом, окормлявшими лагерь близ Шкиротавы¹²⁸. Все они были членами Православной Миссии, которая в этот момент (1944 г.) уже не существовала, а вернее, продолжала действовать в Латвии в новых условиях.

Внутренние проблемы Миссии

Несмотря на неожиданный успех Миссии и на нечеловеческую по масштабам и напряжению деятельность миссионеров-священников, наивно предполагать, что служение Псковской миссии проходило без трудностей и внутренних проблем, а путь миссионеров был усеян розами. Конечно, нет. Ведь и в общинах, основанных апостолами, как и во всяком человеческом обществе, были несовершенства, слабость и грех. Если бы было по-другому, то не были бы написаны и апостольские послания.

Тем более непросто было православным пастырям нести благовестие на оккупированной русской земле. Начало их служения проходило в исключительно трудных условиях: голод, отсутствие нормального жилья, бытовая неустроенность. К этому прибавлялись и последствия атеистической пропаганды: пришлось столкнуться и "с полной утратой веры", и с теми, кто не

решался "порвать с прошлым", кто оставался в стороне от возрождения Церкви, с подозрением и недоверием относился "к новым условиям"¹²⁹.

Да и те, кто уже находился под покровом Матери-Церкви, нуждались в научении, наставлении в вере Христовой, в освобождении от предрассудков, недоразумений и суеверий, которые, возможно, тянулись в церковь еще со времен императорской России. На это указывают соответствующие проповеди и статьи в журнале "Православный христианин", а также циркуляры Управления Миссии к благочинным и ко всем священнослужителям Псковской миссии. В частности, в одном из них священники наставляются, как наилучшим образом пасти "стадо", вверенное им Самим Господом. И первое место здесь уделено тому, что пастырь "наставление в вере и благочестии подтверждать будет примером собственной благочестивой жизни"¹³⁰. Чтобы учить других, нужно и самим настоятелям "прежде всего и паче всего прилежать... к обучению самого себя, упражняясь в чтении Слова Божия, писаний отеческих и сочинений светских и духовных писателей, полезных к наставлению, "еже в правде" (2 Тим 3:16). А кроме этого, указан еще целый ряд качеств, без которых невозможно миссионерское служение: "Трезвость, целомудрие, богобоязненность, кротость, терпение, недвоязычие, непритязательность, несребролюбие, нелицеприятие, ласковость и обходительность без лицемерия и притворства"¹³¹. Особенный же акцент ставился на полном бескорыстии, священникам не допускалось взимать плату или вознаграждение за обучение детей в приходских школах, совершение таинств, молебнов, освящений и пр. Вышеприведенные требования могут показаться излишне щепетильными и не нуждающимися в таком настойчивом напоминании, так как речь здесь идет о, казалось бы, очевидных для христианского сознания вещах. Однако проблема дисциплины и несоответствия отдельных священнослужителей своему пастырскому, а тем более миссионерскому служению, была насущна для Православной Миссии. Об этом говорят и циркуляры Управления Миссии, и донесения благочинных о ситуации во вверенных им округах. Этому же, кстати, во многом посвящена и монография З. Балевица "Православное духовенство в Латвии 1920—1940 гг." Несмотря на ее тенденциозность, работа эта написана по данным архива Латвийской республики. Автор приводит в ней документы, отражающие не просто халатное отношение служителей культа к своим обязанностям, но и более того — их зараженность пороками и просто антиэтическое поведение. Возможно, это наследие издержек церковной жизни России рубежа XIX—XX веков. Поскольку Латвия вплоть до конца 30-х годов существовала независимо от советской России и смерч "диктатуры пролетариата" обошел стороной и Прибалтику, и находящуюся там православную церковь, то и жизнь внутрицерковная развивалась в ней во многом по принципам, сложившимся в XIX в. Соответственно, и многие характерные церковные недуги, не без которых случилась катастрофа 1917 г., сохранялись в православной церкви Латвии. Потому неудивительно такое пристальное внимание и жесткая требовательность экзарха Сергея и Управления Миссии к духовно-нравственным качествам миссионеров-священников.

Среди последних были и такие, кто не выдерживал экстремальных условий жизни и служения на оккупированной территории и добровольно слагал с себя ответственность за принадлежность к Православной Миссии¹³².

Были, впрочем, примеры и обратные, когда в приходах богослужения и требы совершались "самосвятами", т.е. "лицами, не имеющими архиерейского посвящения и, следовательно, права священнодействия". О таких случаях предписывалось сообщать благочинным или в Управление Миссии¹³³. Но и помимо такого рода самочиния или авантюризма среди членов Миссии можно было видеть упадок дисциплины, проявление "крайней небрежности... и бессознательного отношения" к совершению дела Божьего¹³⁴. От этого настойчиво предостерегал экзарх Сергей в своем циркулярном обращении к благочинным. О. Иоанн

Легкий (один из благочинных) указывал на то, что порой "народ... стоит выше своих пастырей"¹³⁵. Это касалось отношения к богослужению, таинствам, тревам и вообще к своей пастве. Одно из печальных явлений, о котором упоминает миссионер, — отсутствие должной подготовки священнослужителей к божественной Литургии: "Мне приходилось видеть, как священники на глазах мирян перед совершением литургии в неположенное время сидели за столом с яствами и питием, принимали пищу и напитки, а потом приступали к литургии"¹³⁶. О. Иоанн замечает, что подобное небрежение служителей церкви подменяет христианское пастырство грубым чиновничеством¹³⁷.

Бесспорно, что все эти болезни клира переносились и на прихожан. Например, известно, что на территории Православной Миссии была установлена особая норма дополнительной "выдачи продуктов питания и мануфактуры по случаю церковного бракосочетания, крещения детей и погребения умерших", которые заверялись специальной справкой от священника¹³⁸. В связи с этим отмечались случаи "кошунственного отношения к таинствам святой Матери-Церкви", когда ради материальных благ могли по несколько раз крестить одного и того же ребенка¹³⁹.

Оттого и было так важно учить народ "правильному разумению церковных обрядов". Специальным распоряжением Управления Миссии священникам напоминалось, что вступающих в брак (или взрослых, готовящихся к таинству Крещения) нужно "испытывать: знают ли они догматы веры, молитву Господню и заповеди; при крещении же — малолетних и иноверных восприемников не допускать, в противном случае внушать, чтобы по крайней мере один из них был возрастной и православный"¹⁴⁰. В этом напоминании видна забота Миссии о сознательном и серьезном отношении христиан к святым таинствам. Это была попытка Православной Миссии подчеркнуть приоритеты духовной жизни и исправить некоторые ее негативные явления, накопленные в Русской церкви за последние столетия.

Отношения Миссии с разными слоями населения и внешние трудности

В начале работы упоминалось о том, как со слезами на глазах, с радостью, благодарностью и любовью принимали миссионеров-священников летом 1941 г. верующие псковичи. Именно усилиями и трудами простых людей ремонтировались храмы, собирались вещи для детских приютов и школ, продукты и теплая одежда для военнопленных. Нередко на помощь миссионерам приходили люди не только не церковные, но порой и неверующие — те, кто только начинал свой путь к Богу. Советские инженеры и врачи, учителя и служащие трудились бок о бок с верными христианами и их пастырями. Они также восстанавливали храмы, участвовали в организации приютов для сирот, в делах милосердия (помощь нуждающимся и военнопленным). Подвиг и горение деятелей Православной Миссии не оставил равнодушными тех, кого принято называть советской интеллигенцией. Через свое участие в делах Миссии эти люди открывали для себя новое бытие, наполненное любовью к ближнему и любовью к Творцу. Для многих это был своеобразный предоголасительный период, за которым следовало их воцерковление. "С этими "кандидатами в партию" у меня сложились самые лучшие отношения, и... они мне очень помогали..." — так об этом вспоминал о. Алексей Ионов¹⁴¹. Было бы нечестно умолчать о тех, кто оставался в стороне от религиозного подъема, кто не мог так скоро избавиться от груза советской идеологии. Но даже со стороны этих граждан отношение к миссионерам было "или самое доброжелательное, или самое корректное" и никто из "подсоветских людей" не позволил себе сказать по их адресу нечто оскорбительное¹⁴².

Гораздо сложнее складывались отношения Православной Миссии с завоевателями русской земли. Однако при всей сложности хочется отметить, что со стороны православных священнослужителей Псковской миссии "...никакого восхваления Гитлера... не было, и к СД Церковь имела лишь то отношение, что была у него под наблюдением"¹⁴³. То, о чем свидетельствуют очевидцы, никак не вяжется с устоявшимся в исторической науке советского

периода взглядом на Православную Миссию как на пособницу немецких спецслужб.

Как очень верно отмечает о. Алексей Ионов, если бы Миссия получила от немецких властей какие-то специальные инструкции и тем более их выполняла, то "вряд ли наша Миссия состоялась" бы и имела такой успех. Наивно думать, что православный русский человек не почувствовал бы фальши и неискренности, исходящей от пастырей, и не оставил бы их после этого в пустых стенах церквей. Конечно, немецкое командование имело относительно православной церкви далеко идущие планы (об этом подробнее писала О.Ю. Васильева в статье "Жребий митрополита Сергия Воскресенского"), и в том числе благодаря этому экзарху Сергию было позволено начать миссионерскую работу на территории, контролируемой немецкими войсками. Действительно, поначалу некоторая помощь со стороны нового "кесаря" псковским миссионерам оказывалась: им были выданы специальные удостоверения и хлебные карточки, в храмы из музеев возвращались богослужебные книги, иконы, церковная утварь, для приютов городскими властями выделялись топливо, овощи, хлебные карточки. Однако постепенно это подчеркнуто лояльное отношение оккупационных властей начинает меняться. По-видимому, немцы были напуганы невиданным размахом миссионерской работы и главное — ее плодами: сплочением русских людей под покровом Церкви, их твердостью, мужеством и верой. На это "новые хозяева" жизни никак не рассчитывали, ведь "Миссия не стала орудием контроля над русскими людьми, но, напротив, возвращая их к Церкви, укрепляла и поддерживала в условиях оккупации"¹⁴⁴. Экзарх Сергей и вообще деятели Миссии, начиная работу в Пскове, по отношению к немцам руководствовались принципом "из двух зол выбирай меньшее". А что немцы — это зло, никто из членов Миссии не сомневался. Максимально используя предоставленную возможность для проповеди Евангелия, для возвращения людей в Церковь, никто из миссионеров не питал "никаких симпатий к завоевателям "жизненного пространства" нашей Родины"¹⁴⁵. Это утверждение отнюдь не голословно. В пропагандистских целях немецкое командование устроило торжественную передачу Псковскому кафедральному собору Тихвинской иконы Божией Матери, привезенной оккупантами из Новгорода. На соборной площади при стечении всех православных города Пскова, в присутствии представителей немецкой комендатуры происходило это торжество. Оно началось словом о. Георгия Бенигсена. С дерзновением, присущим молодости, он говорил о подвиге св. Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия, в том числе и от немецких рыцарей из Тевтонского ордена.

Уже не раз упоминавшемуся о. Алексею Ионову приходилось выдворять из храма немецких солдат, часто приходивших во время богослужения в головных уборах, отстаивать в штабе дивизии право совершать богослужения по юлианскому календарю, вопреки директиве из штаба Розенберга, предписывающей церкви на оккупированных территориях перейти на новый стиль, принятый в "Великой Германии"¹⁴⁶.

Во время отпевания заживо сожженной русской семьи о. Алексей обратился к рыдающим людям, собравшимся вокруг своего пастыря в горькую минуту. Он обличал страшные преступления, которые становились нормой в так называемой "Новой Европе". "Если мы будем молчать об этих преступлениях, камни будут вопиять к небу!" — "С такой Европой нам не по пути!" — так закончил о. Алексей свою проповедь "среди слез и рыданий, наполнивших храм"¹⁴⁷. Эти скудные примеры показывают, что миссионеры до конца и в любых ситуациях были со своим измученным, многострадальным народом, не "курили фимиам, захлебываясь от восторга", добиваясь снисхождения и лояльности у немецких властей¹⁴⁸.

Чем успешнее развивалась деятельность Миссии и чем хуже складывалось положение немецкой армии на фронтах, тем напряженнее становились отношения экзарха Сергия и Псковской миссии с немецкими оккупантами. Немцы усилили слежку за миссионерами, не

брезгуя мелкими провокационными актами¹⁴⁹. В последние месяцы существования Псковской миссии ее положение еще более ухудшилось. Так, в Никандровой пустыни (под Псковом) немцами был убит ее настоятель — иеромонах Андрей Тишко, направленный в монастырь через Миссию¹⁵⁰. К этому времени относятся акты осквернения и разрушения храмов немецкими оккупантами. Да и убийство экзарха Сергия в апреле 1944 г., по единодушному мнению исследователей, было подготовлено и осуществлено агентами гестапо¹⁵¹. Тем самым немецкие спецслужбы невольно подтвердили провал своих планов сотрудничества с Православной Миссией. Физическое устранение "несговорчивого" митрополита ставит точку в неудачных попытках немецких властей "приручить" Православную церковь.

Все же, несмотря на эти внешние трудности служения и жизни членов Миссии, препятствий для миссионерской работы, катехизации, евангелизации со стороны новых властей не было. Наверное поэтому по сравнению с советской властью захватчики были злом "меньшим". В отношениях Миссии с немецкими властями есть удивительные примеры, может быть, несколько противоречащие тому, о чем говорилось выше. Речь идет о благодарностях, которые приходили экзарху Сергию и в Управление Миссии от властей из разных уголков территории, окормляемой Православной Миссией. В этих посланиях отмечались самоотверженные труды миссионеров по восстановлению церковных дел. Почетом и уважением "не только среди верующих, но и у германского командования" пользовались о. Иоанн Легкий в Гдове, островской благочинный о. Алексей Ионов, настоятель Петропавловской церкви о. Алексей Азиатский¹⁵². Как же такое могло произойти? Это можно объяснить, если вспомнить, что Слово Божие доступно для всех, оно предназначено для каждого (даже если этот человек нам неприятен или наш враг), и Господь может призвать любого человека, открыв ему Свою Любовь, т.е. Самого Себя. Думаю, этого никогда нельзя забывать.

Факт таких засвидетельствованных благодарностей говорит о пламенном горении духа подвижников Православной Миссии, которое не могло оставить равнодушными даже людей, далеких от православия, от русской культуры, от бед нищего и голодного народа. Настоящая христианская миссия — Миссия Священная. Она обращена ко всему творению, когда для ее служителей уже нет барьеров социальных, национальных, политических, когда действуют не человеческие законы мира сего, но благодать Божия.

При этом нужно отметить один из недостатков в исторических исследованиях, когда за общей и удобной терминологией теряется человеческая личность и многое сводится к обобщениям. Я уже указывал на неоднородность священников Православной Миссии, на их порой разное отношение к служению, к пастве. Подобным образом нужно подходить и к представителям оккупационных властей, солдатам и офицерам. Каждый из них уникален (как и любой человек), имеет свои достоинства и недостатки, свою меру образованности, культуры, этического сознания, наконец, душевных качеств. В воспоминаниях о. Алексея Ионова говорится и о зверских преступлениях немцев, и о тех, кто сочувственно относился к миссионерам, уважая религиозные чувства русского народа, и если не оказывал явной помощи, то и не препятствовал церковному возрождению и не усугублял и без того тяжелое положение мирного населения.

В мемуарах о. Алексея Ионова есть упоминание и о своеобразных экуменических контактах миссионеров с немецкими пасторами, прибывшими в Псков в 1941 г. вместе с армейскими подразделениями Вермахта. Встречи эти носили случайный характер. Пастор с Эльбы, облаченный в военную форму, зашел в Управление Миссии, чтобы познакомиться с псковскими миссионерами. Оказалось, что он давно интересовался православием. После долгой беседы на религиозные темы "он упросил спеть ему несколько православных песнопений", а в ответ пропел "ряд старинных хоралов". Другого пастора миссионеры

встретили "в Свято-Троицком соборе, с изумлением наблюдавшего общую исповедь двухсот—трехсот человек"¹⁵³.

Реакция на деятельность Православной Миссии со стороны партизан также не была однозначной. Известен случай, когда миссионер был убит партизанами по дороге из района в Псков¹⁵⁴. Из переписки Православной Миссии со священнослужителями можно получить информацию о том, как в деревнях, селах складывались отношения миссионеров с партизанами. В одном из писем священник обращается к начальнику Миссии с просьбой перевести его на другое место, беспокоясь за свою жизнь в связи с притеснениями и угрозами в свой адрес со стороны местной партизанской группы¹⁵⁵.

"Безоружные, беззащитные, ограждаясь только силою Животворящего Креста", православные миссионеры ехали на служение в дальние глухие районы, понимая, что встреча с партизанами хорошего не обещает. "Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне — значит, враги. Людей, исколотых штыками партизан, мы хоронили неоднократно."¹⁵⁶ Так описывает о. Алексей Ионов восприятие Миссии партизанскими отрядами в окормляемом им округе... Однако как в отношениях с немцами, так и здесь не было однозначности. Об этом писал начальник Миссии прот. Кирилл Зайц: "По словам одних, партизаны считают священников врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое и даже благожелательное отношение к Церкви и, в частности, к священникам". Так, из доклада о. Владимира Толстоухова стало известно, что командир одного из партизанских отрядов "побуждал крестьян к усердному посещению церкви, говоря, что в советской России церкви дана теперь полная свобода..." Нередко партизаны "строго следили, чтобы в проповедях священнослужителей не было каких-либо выступлений против советской власти", ведь именно ее представителями осознавали себя члены партизанского подполья на оккупированной территории¹⁵⁷.

Положительные примеры таких отношений и даже покровительство некоторыми подпольными группами священников и их приходов было возможно еще и благодаря талантливости проповедников-миссионеров, их самоотверженному труду и, наконец, их близости, заботе и любви к местному населению. Настоятели приходов нередко пользовались большим авторитетом и доверием своей паствы, в большинстве состоящей из женщин, стариков и детей. Это доверие и уважение к пастырям, возможно, передавалось их отцам, братьям, мужьям, тем, кто участвовал в местном движении сопротивления. О контактах же партизанского подполья и мирного населения сегодня хорошо известно. Этим объясняется хорошая осведомленность партизан о том, что происходило в оккупированных городах, селах, деревнях, в том числе и в области церковной жизни. Случаи лояльного отношения партизанских отрядов к православной церкви на оккупированной территории являются не только отражением перемен в политике советского государства по отношению к РПЦ с 1941 г., но и плодами апостольского подвига Псковской миссии. Ведь слово Божие произносится для всех, и отклик на него может родиться в любом сердце. Вот поэтому уважение и доверие, которое справедливо заслужили члены Православной Миссии, неся в мир благовестие Христово, могли возникнуть и среди немецких воинов, и среди вчерашних советских материалистов, и в партизанских формированиях, и среди детей и молодежи. Это еще одно подтверждение несомненного успеха, которого достигла Православная Миссия в 1941—1944 гг. С другой стороны, слежка, постоянный контроль и каждодневные опасности, подстерегавшие миссионеров как со стороны немецких оккупантов, так и со стороны партизанского подполья, свидетельствуют о "неотмирности" этого православного миссионерского движения. Во все времена истинных пророков и апостолов мир преследовал, и одни из них были убиты, а другие изгнаны (Лк 11:49). Это подчеркивает истинно церковный характер Псковской миссии. Она — предвестник грядущего

Царства Небесного. С наступлением Его Господь "упразднит всякое начальство и всякую власть и силу" (I Кор 15:24), и поэтому в служении Слову Христову безрассудно опираться на эту "трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее" (4 Цар 18:21).

Именно так относились православные миссионеры к власти кесаря, независимо от того, в какие цвета она была окрашена (в красный или коричневый). В подтверждение этого звучат слова о. Георгия Бенигсена: "Мы уже давно видели надвигавшийся крах Германии, но это нас не касалось. Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы"¹⁵⁸.

Отношения с Московской патриархией

Один из важных, но менее проясненных вопросов в истории "Православной Миссии в освобожденных областях России", — это отношение к ее деятельности со стороны Московской патриархии. В начале работы отмечалось, что организатор Псковской миссии экзарх Сергей до конца своей жизни не выходил из канонического подчинения патриаршему местоблюстителю митр. Сергию. И это явилось своего рода условием для успешного служения Миссии. Однако о реакции православной Москвы на возрождение церковной жизни в оккупированных районах северо-запада России известно очень мало. Так, в сентябре 1942 г. глава РПЦ митр. Сергей (Страгородский) обратился к архиереям северо-западных территорий СССР, оказавшимся в оккупации, с требованием "немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии"¹⁵⁹. Очень трудно комментировать этот документ. Что подразумевали в Патриархии под "уклонением"? Понятно, что в тяжелых условиях военного времени, когда все связи Москвы с епархиями, оказавшимися по ту сторону фронта, были утрачены, вполне вероятно весьма слабая осведомленность, а возможно даже и искаженность фактов о жизни Православной Миссии, поступавших к патриаршему местоблюстителю. Я могу лишь предположить, что именно могло повлиять на негативное восприятие Московской патриархией деятельности митр. Сергия (Воскресенского). Возможно, таким раздражающим фактором явился нескрываемый антикоммунизм экзарха Прибалтики и некоторых членов Миссии, — на это ссылались исследователи¹⁶⁰. Эти нотки можно услышать в обращениях Управления Миссии и самого митрополита. Он подчеркивал, что "прежде всего надо преодолевать "большевизм" в сердцах людей"¹⁶¹. Руководство Псковской миссии отмечало как насущную задачу уничтожение плодов и корней коммунизма. А знаменитое послание патриаршего местоблюстителя русскому народу от 22 июня 1941 г. по мнению митр. Сергия (Воскресенского) либо им не подписывалось, либо он подписал его "под страшными угрозами, желая спасти вверенное ему духовенство от полного истребления"¹⁶². Но все же владыка настоятельно рекомендовал "читать это послание в приходах вдумчиво и внимательно..."¹⁶³ Кроме того, экзарх подчеркивал, что церковь не должна становиться орудием политической и классовой борьбы, а вера христианская не может ставиться в зависимость от того или иного режима¹⁶⁴. Значит, этот антикоммунизм у православных миссионеров не был их политической или партийной ориентацией, но заботой о пробуждении душ русского народа, во многом отравленных большевистской пропагандой.

Православная Миссия, в связи с отсутствием коммуникаций с центром, никакой помощи, да и просто поддержки от Московской патриархии не получала, тогда как православные церкви в Прибалтике и Польше оказывали помощь псковским миссионерам. Из Польши присылали книги, из Риги приходили продукты, учебники, богослужебные книги, церковные облачения¹⁶⁵.

Подводя итоги, нельзя опустить вопрос определения типа Православной Миссии. Известно, что христианская миссия бывает двух типов — внутренняя и внешняя. Внутренняя миссия действует внутри формальных, официальных границ церкви. Она обращена к тем, кто является членом церкви по факту крещения, но без серьезного научения в вере, без глубокой евангелизации, оставаясь так называемым "младенцами во Христе"¹⁶⁶. Это особенно актуально в современной церковной ситуации в России.

Внешняя миссия — это всякая миссия, обращенная к находящимся вне границ Православной церкви, ко всем неправославным, начиная с атеиста и язычника и кончая раскольником и христианином другой конфессии, независимо от того, ведется ли эта миссия внутри или за границей православного государства. Правда, сам термин "православное государство" для постконстантиновского периода истории христианской церкви уже не актуален, и поэтому территориальное толкование типов миссии сегодня неоправданно. Хорошей иллюстрацией этому служит история Псковской миссии. Первые миссионеры, прибывшие в Псков в августе 1941 г., оказались в ситуации, чем-то напоминающей положение посланников Православной церкви, просвещавших инородцев на окраинах Российской империи. Советскую Россию христианским государством никак не назовешь, ведь к началу войны на псковской земле не звучала церковная молитва, не слышны были слова христианской проповеди, открытое исповедание веры, как правило, влекло гонения, аресты, мученичество. Понятно, что эти условия характерны для внешней миссии.

Однако не стоит совершенно забывать и о том, что именно псковские жители в числе первых на русской земле услышали слова Благовестия Христова. До октябрьского переворота 1917 г. Псков, наряду с Новгородом, являлся жемчужиной православия: множество древних храмов и богатых монастырей, традиционные всенародные празднования, торжественные многодневные крестные ходы, пышные архиерейские службы, обилие обрядов, обычаев православной жизни. Весь этот блеск сокровищ, накопленных православной традицией за почти тысячелетнюю историю христианства на Руси, еще очень хорошо помнили теперь уже советские люди старшего поколения. Помнили, а некоторые и надеялись, что вновь засверкает позолота куполов, запоют колокола, а в храме прозвучит возглас священника. Они продолжали оставаться членами Церкви во все годы большевистского лихолетья. Именно они слезами радости и благодарности встречали членов Миссии. Силами этих христиан возрождались храмы, оживали приходы, они же порой помогали своим пастырям в миссионерском служении и каритативной деятельности. Поэтому христианская миссия времен оккупации во Пскове носила и внутренний характер, так как была обращена к верным христианам, еще сохранившимся в условиях атеистического государства. Но и среди тех, кто чаял возрождения православной церкви и сразу же влился в труды по ее восстановлению, были разные люди. Не секрет, что проблема христианского просвещения была насущна для русского православия во все времена. Еще острее вопрос евангелизации встал в годы действия "Православной Миссии в освобожденных областях России" с центром во Пскове. Евангелизация как раз и является составной частью внутренней миссии¹⁶⁷. Итак, псковская миссия была одновременно и внутренней, и внешней.

Митр. Сергей (Воскресенский), экзарх Прибалтики, явился организатором Миссии. Он понимал, что, несмотря на церковную разруху, в этом крае корни духовной жизни сохранились и при благоприятных условиях дадут молодые побеги. Поэтому главной целью перед миссионерами вставало возрождение некогда угасшей церковной жизни.

Конечно, церковная жизнь невозможна без восстановленных храмов, без святых икон, свечей, разнообразной храмовой утвари, облачений (изготовлением этих предметов христианского культа и их распространением занимался хозяйственный отдел при Управлении Миссии),

однако в истинном возрождении духовной жизни главное место занимает проповедь слов божественной Истины, особенно для тех, кто с ними еще не встречался. Отсюда особенный акцент был поставлен на миссионерской работе с молодежью и детьми. Эти юные члены Церкви должны были стать ядром духовной жизни в новых условиях. Из них готовились миссионеры для христианской работы в молодежной среде. Кроме этого, для полного обеспечения Православной Миссии кадрами священников-миссионеров в г. Вильно были открыты Богословские курсы. Специальная подготовка священников для Миссии и воспитание кадров для миссионерского служения из среды подростков и молодежи являются первыми ростками того, что при дальнейшем развитии Миссии логически должно было стать настоящим христианским катехуменатом. Кроме этого, новая черта Православной Миссии заключалась в широком использовании современных средств в деле проповеди. Впервые в России для этого используется радио, именно священником Псковской миссии.

Помимо этого велась громадная работа, требующая нечеловеческих усилий: "Мы делали все, что могли. Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию, несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок... организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства"¹⁶⁸.

Можно вспомнить лишь один пример, описанный о. Алексеем Ионовым, когда за совершаемой им литургией несколько сот человек приобщалось святых Христовых Тайн¹⁶⁹. Сегодня, когда Православная церковь в Пскове находится в несравненно лучшем положении, чем во время немецкой оккупации, подобное нельзя увидеть ни в одном из псковских храмов. Необычайный духовный подъем, вызванный деятельностью Псковской миссии в 1941—1944 гг., отметил даже советский историк З. Балевиц, хотя и объяснял это тем, что "церковники" ловко использовали крайне тяжелое положение народа, увлекая его в свои сети. Бесспорно, что тяготы военного времени не могли не отразиться на состоянии русского человека, и не в последнюю очередь — на его состоянии внутреннем, духовном. Я думаю, что предыдущие годы советской власти, наполненные разрухой, голодом, террором, не избаловали советских граждан сытой, устроенной жизнью. Возможно, благодаря этому в сердцах людей, вопреки разгулу атеизма, еще сохранились упование и вера Господу. Это отмечали и труженики Миссии. В этом есть некоторая закономерность: нередко мирная, обеспеченная жизнь убаюкивает душу человека, угашает в нем горение Духа, делает творение забывчивым и неблагодарным к своему Творцу. Только "тесные врата" ведут в Небесное Отечество, и лишь потрясения личного характера или масштаба государственного, общественного могут вывести из духовной спячки народ Божий. В подтверждение этому можно привести целую книгу Ветхого завета — книгу Судей, которая во многом построена на этой закономерности. Тогда, пожалуй, духовный подъем в Пскове в годы войны вряд ли вызван коварной хитростью православного духовенства, но скорее тем, что душа человеческая все же "по природе христианка" и рано или поздно, при определенных условиях, это себя и проявляет.

Не случайно то, что тон в Псковской миссии задавали миссионеры, окончившие Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, и те, кто активно общался в довоенные годы с деятелями Русского христианского студенческого движения в Прибалтике и через это обогащался новым опытом. Центр Движения также находился в Париже, который являлся центром русской православной диаспоры. Это был небольшой осколок Русской православной церкви, оказавшейся в уникальных условиях — "на свободе от гонений и от государственных подачек", давления со стороны "кесаря", которое церковь переживала на протяжении всей истории христианства. Русская эмигрантская церковь во Франции видела своей целью не только сохранение тех духовных ценностей, которые уничтожались в советской России, но и обретение новых ценностей — "духовной свободы, обращенности к миру, к

духовным вопросам, его раздирающим, к культуре, науке, искусству, новому быту"170.

В похожей ситуации действует и Псковская миссия, хотя здесь условия были более трудные, чем во Франции в 20—30 гг. Каждый шаг миссионеров находился под пристальным вниманием германских спецслужб. Однако препятствий в деле проповеди и катехизации не было, и поэтому Православная Миссия могла использовать и тот опыт, который уже приобрела Русская церковь в эмиграции. Несмотря на внешние трудности, материальную стесненность, порой ограниченность физической свободы, наиболее активные деятели Миссии являлись настоящими носителями духа свободы. Этот дух Христос дает Своим ученикам, исполняющим Его заповеди (от апостола Павла до христиан двадцатого века), в том числе и главную из них — о проповеди Благовестия в мире. Благодаря духу свободы и стал возможен подъем церковной жизни и успех православной миссии на северо-западе России времен оккупации. Возможно, именно этой свободы так не хватало Русской православной церкви синодального периода, когда "Христова истина подменяется бесчисленными правилами, канонами, традициями, внешними обрядами. За счет внешнего роста и внешней пышности умалывается внутренняя жизнь и подвиг"171.

Успех Псковской миссии стал возможен именно благодаря напряженной внутренней жизни и подвигу апостольского служения священников-миссионеров. Некоторые из членов Православной Миссии и после выезда за границу продолжали служение Слова, всем сердцем оставаясь с Родиной, с русским народом. Например, о. Георгий Бенигсен в течение нескольких лет выступал на радио "Свобода" с проповедями для жителей России. А прот. Кирилл Зайц, находясь в сталинском лагере, в далекой Карагандинской области, не оставлял попечения о своих духовных детях, оставшихся в Пскове, поддерживая и наставляя их в своих письмах. Опыт Псковской миссии, духовная закалка, полученная в тяжелых военных условиях, послужили мощным импульсом всех последующих лет жизни миссионеров. Те, кто остался в Прибалтике, были арестованы, осуждены и сосланы в лагеря. "Это мученики Миссии. Своим подвигом они свидетельствуют всему миру, что Миссия творила подлинно церковное дело"172, за которое одни "...погибали от пуль большевистских агентов, других арестовывало гитлеровское гестапо"173.

Надеюсь, что придет время, когда имена деятелей Псковской миссии будут известны всей Православной церкви, а не отдельным лишь церковным историкам. Церковное признание их апостольского подвига (а отсюда — и наша молитвенная память о них), изучение их опыта христианского просвещения в России как раз сегодня может быть особенно важно и необходимо для учеников Христовых, призванных к проповеди Евангелия.

Январь 1999 г.

*Начало см. "Православная община". № 55. С. 69—89

Примечания

91 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 13.

92 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 42.

93 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 13.

94 Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920—1940. Сб. документов. Рига, 1962. С. 8.

95 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 14.

- 96 Там же.
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 Жадан П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о гражданской и второй мировой войне. Нью-Йорк, Посев, 1989. С. 160—161.
- 100 Там же. С. 160.
- 101 Там же. С. 107.
- 102 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 6, л. 1.
- 103 Там же, д. 3, л. 14.
- 104 Там же.
- 105 Там же.
- 106 Жадан П.В. Указ. соч. С. 161.
- 107 Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967. С. 35.
- 108 Там же. С. 35.
- 109 Жадан П.В. Указ. соч. С. 168.
- 110 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 27.
- 111 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1955, № 55. С. 12—13.
- 112 Там же. С. 14.
- 113 Там же.
- 114 Там же. с. 15.
- 115 Там же. 1955, № 52. С. 12.
- 116 Там же. С. 14.
- 117 Там же.
- 118 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 36.
- 119 Прот. Алексей. Ионов. Указ. соч. 1955, № 52. С. 11.
- 120 Там же. С. 12.
- 121 Там же. 1955, № 53. С. 18.
- 122 Там же.

- 123 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 1.
- 124 Там же, д. 19, л. 16.
- 125 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 62.
- 126 Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. ИМКА-ПРЕСС, 1993.
- 127 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 62.
- 128 Там же. С. 67.
- 129 Там же. С. 31.
- 130 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 27.
- 131 Там же, л. 27.
- 132 Там же, д. 2, л. 27.
- 133 Там же, д. 4, л. 4.
- 134 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 72.
- 135 Там же. С.74.
- 136 Там же. С.73.
- 137 Там же. С.75.
- 138 Там же. С. 58.
- 139 Там же. С. 66—67.
- 140 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 27.
- 141 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1955, № 52. С. 12.
- 142 Там же. 1955, № 54. С. 16.
- 143 Жадан П.В. Указ. соч. С. 168.
- 144 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 228.
- 145 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1954, № 50, 12.
- 146 Там же. 1955, № 54. С. 17—18.
- 147 Там же. С. 18—19.
- 148 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 43—44.
- 149 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 236.
- 150 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 55.

- style='font-family:TimesET'>151 Это не совсем точно. Есть мнение, что убийство экзарха было организовано Москвой.
- 152 Там же. С. 36—37.
- 153 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1954, № 51. С. 14.
- 154 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 231.
- 155 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 2, л. 38.
- 156 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1955, № 52. С. 15.
- 157 Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 23.
- 158 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 237.
- 159 Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 20.
- 160 Раевская-Хьюз О. О Псковской Миссии//Прот. Г. Бенигсен. Не хлебом единым. Москва—Клин, 1997. С. 228.
- 161 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 56.
- 162 ГАПО. ф. 1633, оп. 1, д. 4, л. 6.
- 163 Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 25.
- 164 Там же. С. 24.
- 165 Раевская-Хьюз О. Указ. соч. С. 231.
- 166 А. (Ленинград) (Свящ. Георгий Кочетков). Крещение Руси и развитие русской миссии//Вестник РХД. 1989, № 156. С. 7.
- 167 Там же. С. 7.
- 168 Прот. Георгий Бенигсен. Не хлебом единым. Москва—Клин, 1997. С. 237.
- 169 Прот. Алексей Ионов. Записки миссионера. (Псковская Миссия)//По стопам Христа. 1955, № 52. С. 15.
- 170 Мать Мария (Скобцова). Настоящее и будущее церкви//Православная община. 1996, № 31. С. 47—48.
- 171 Там же. С. 46.
- 172 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1955, № 55. С. 16.
- 173 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 234.

: Николай Афан

История церкви

Николай Афанасьев

ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ В ХРИСТИАНСТВЕ

Доклад на заседании Русского педагогического кабинета, посвященном вопросам православной культуры

Эта проблема весьма сложна и трудна, но она — основная для решения всех наших вопросов о культуре. Развивая тему, начну с бесспорного. Для христианского сознания является вне всяких сомнений реальность исторического процесса. Христианство исторично. В истории было первое пришествие Спасителя. Но первоначальное мироощущение первого христианства было эсхатологично. Первые христиане жили ожиданием прихода Спасителя. Эсхатология как будто бы уничтожает историю. Потом только в христианском мироощущении эсхатология была заменена историей. Как ни малочисленны памятники первого христианства, мы знаем точно, что христиане жили тогда ожиданием и надеждой на скорый приход Спасителя. Даже Ерма писал о путях покаяния, потому что Христос был у двери. Второе пришествие будет уже вне истории.

Но и у первых христиан мы можем заметить, что эсхатологические надежды не исключали и чувства истории. История для первых христиан была нечто реальное. В период гонений эсхатологическое чувство было не менее сильно и напряженно, но мы видим одновременно и большую борьбу за изменение юридического положения христиан. Потом Церковь предпринимает грандиозную попытку построения Церкви Божией на земле. Насколько бесспорна реальность исторического процесса, настолько спорно участие Церкви в этом процессе. Церковное сознание либо склонялось к полному отказу Церкви от участия в истории, либо наоборот — брало в свои руки весь исторический процесс.

Внеисторизм Церкви очень силен в восточной Церкви, силен и теперь в православной мысли. Генетически церковный внеисторизм связан с монашеством. Монашество было слишком заметным фактором церковной жизни, наложившим отпечаток на все. Монаху надо уйти от мира, чтобы спастись от мира, который спасти нельзя. Надо сделаться безучастным к миру, св. Антоний пострижение приравнивал к естественной смерти. Уход из мира, уход из истории. Отсюда рождается отрицание истории. Что бы ни происходило в мире, — все это проявление зла и ведет к гибели мира. Участвовать в мире бесполезно и опасно. Опасно потому, что не спасая мира, легко погубить себя. Это отношение к миру легко проникло в церковь и церковное общество. Особенно ярко эти настроения сказались в церковном обществе, когда Церковь осознала свои первые неудачи в воздействии на исторический процесс, и это чувство бессилия овладеть жизнью особенно мучительно в наше время. Сравнивая историю христианских народов с поставленными евангелием идеалами, мы приходим к мысли, что теперь, через 2000 лет своей истории христианское общество так же далеко от Царства Божия, как оно было и тогда, когда первые города Римской империи огласились проповедью святых апостолов. И если тогда то было откровение, новая истина спасения, пленявшая сердца и воображение, то теперь все уже старо, соль истины как будто потеряна, потеряно влияние на государственную общественную жизнь. Это болезненное чувство бессилия перед жизнью особенно ярко выступает, когда вспомнишь, что было время, когда церковь держала в руках

все исторические судьбы мира. Естественным и более правильным кажется для современного сознания выход из истории и предоставление исторического процесса его собственной судьбе (бартианство).

В попытке выхода из истории заключается какая-то частичная правда, хотя уйти из истории и тем решить ее проблему явится слабостью. Христианство дано для мира и жизни. Такая попытка уйти от истории всегда жила в христианстве, вспомним видение Ермы. Догматы неподвижны и неизменны, как и каноническое устройство Церкви. Это те сокровища и святыни, которые Церковь несет через мир до второго пришествия Христа на землю. Для христианина существует одна дорога: из мира в Церковь, а не наоборот. Но в христианстве мы находим и другое решение вопроса об историзме — Церковь тут рассматривается как исторический фактор и историческая сила или как одна из главных исторических сил, наряду с другими. Это нашло свое яркое выражение в теократизме. Как раз в тот момент исторической жизни, когда церковь была объявлена свободной, начинается построение и созидание теократического Царства и того, что мы называем цезарепапизмом, все отличие которого от папизма заключается в том, что в первом случае и духовный меч и светский совмещаются в одних руках, а во втором случае духовный меч принадлежит папе, а светский — цезарю. В теократии исторический процесс творится церковью или, по крайней мере, по воле церкви. Все проявления культурной жизни подпадают под руководство и контроль церкви, создается христианская культура, потому что иной культуры в теократическом обществе существовать не может. Если бы могла существовать какая-то другая культура, это бы означало, что остаются такие пласты жизни, на которые еще не распространились силы Церкви. Церковь при теократии является церковью-государством. Результаты теократического строя слишком известны. Царство Божие на земле оказалось неосуществимым, неосуществленным. Царства Божия на земле еще не было ни разу. Церкви в теократическую эпоху своей истории приходилось — «Ad majorem Dei Gloriam» («К вящей славе Божией» (лат.) — ред.) — прибегать к совсем языческим средствам борьбы для распространения власти Церкви на земле — к огню и мучениям.

Византийская корона сплошь да рядом возлагалась на голову тех теократов, которые на своем пути к трону всего больше проливали крови. Это было поругание не только имени Божьего, но и имени человеческого. Церкви, наконец, пришлось прибегать и к казни огнем, чтобы губя тело человека, спасти его душу — душу еретика. Искушение славой мира, отвергнутое Христом в пустыне, принято было церковью для власти над миром. И если бы даже теократия удалась, т.е. дала бы благополучие всему человечеству, то все же она не переставала бы оставаться величайшим искушением, и мне лично кажется, что ничто в христианской истории не должно так отвергаться, как именно идея христианской теократии. Теократическое крушение было великим крушением великой и ложной идеи. Но теократическая идея продолжала и продолжает жить, например в католичестве, в кальвинизме, даже и в православии. Многие православные возлагают на церковь долг исторического делания, ответственность за исторический процесс.

Церковь больше всего обвиняют в отсутствии историчности, недостаточной отзывчивости на нужды эпохи. В наше время, например, к церкви предъявляют требования о разрешении социальных проблем.

Вторая сторона неудачи участия в историческом процессе Церкви сказалась в плену церкви у государства. Такая всесторонняя неудача не случайна. Участвовать в историческом процессе церковь может только тогда, когда Она является правовым институтом, такое участие Церкви в историческом процессе и превращает церковь в правовой институт. Церковь же как правовой институт бесконечно слабее всех других правовых институтов и раздавливается другими

силами, более сильными. Церковь как харизматическое тело не может быть приравнена ко всем другим институтам. Как харизматическое тело она не может участвовать в историческом процессе. В ней все по воле Божьей, а история и эмпирия безблагодатны, не имеют харизмы. Это отвержение идеи теократии, отрицание церковного историзма не означает ухода Церкви от истории. Церковь сама создается в истории, но это созидание есть откровение Церкви в истории, а не численное ее возрастание. Церковь постоянно меняет исторические формы своего существования, и эти формы всегда являются равнодействующей догматического учения и исторических условий данного момента. Церковь не пассивно следует историческому процессу, а изнутри выявляя догматическое учение, иначе она архаизируется. Архаизация же церкви не означает ухода от истории, ошибка монашества — увод церкви от истории. Уход от истории, как уход от жизни, невозможен, возможен только уход от той или иной временной формы церковной жизни.

Церковь пребывает в истории мира, но она только пребывает, не участвуя в ней. Заслуга монашеской идеологии была в том, что в ней нашел выражение протест против тогдашнего обмирщения Церкви. И только. Церковь никогда не равнодушна к истории. Она связана с миром и имеет творческие задачи. Преображение мира через преобразование эмпирических тканей — вот задача Церкви в миру. Церковь является в мире и истории как смысл истории. История без Церкви как смысла подобна путнику, не знающему, куда он идет. Церковь есть совесть мира, она — та последняя святыня, о которой судится мир. Церковь всегда страдающая — потому что мир не принимает совесть. Церковь не безучастна и к каждому текущему моменту, она должна восставать и словом, и делом за правду и справедливость. Церковь одним фактором своего пребывания в мире влияет на жизнь больше и лучше, чем все усилия теократии, и поэтому вывести Церковь из мира совсем — значило бы лишить исторический процесс души и смысла. Без души, лишенный совести исторический процесс, мне кажется, был как раз в теократии, когда Церковь не была над историческим процессом как судья. Я бы не хотел, чтобы и меня обвинили в церковном неисторизме, кроме непосредственного участия в жизни Церкви как Церкви, может быть участие в жизни самих христиан. Христианская совесть не может примириться с тем, что история принадлежит не христианам. Таким христианам Церковь выступает как путеводитель истории. В эпоху Константина очень ясно жило понятие о Новом граде, сходящем с неба Иерусалиме.

Таким образом, мы имеем три решения вопроса об участии церкви в истории.

1. Монашеское решение вопроса. Церковь вне истории. Мир и история живут и развиваются сами по себе как силы грешного мира.
2. Решение теократическое. Церковь строит весь мир внешними силами. Это один из самых больших соблазнов христианства. И неслучайна полная неудача теократической политики. Церковь действовать в мире как историческая сила не может.
3. Среднее решение. Церковь не участвует в истории, но пребывает в ней. Она дает смысл истории и осмысливает всякий данный момент истории.
4. За судьбы мира ответственны христиане.

Дискуссия

В.В. Зеньковский. Хорошо, что вы не осложнили вопроса проблемой провиденциализма. Бог участвует в процессе истории или нет?

Вы окрашиваете одной краской и Восток, и Запад в теократическую эпоху их жизни. При всем внешнем сходстве есть и разница. Духовная власть берет светскую власть — одно, а когда светская власть берет духовную — другое. Император был внешний епископ Церкви. Тут нет искажения христианства, в католическом цезарепапизме есть прямое искажение. Идея теократии существенно связана с судьбой Церкви.

Вы ответственность за судьбы мира возлагаете на христиан, а как же Вы отделяете христиан от Церкви? Как христианин может что-либо делать вне Церкви, без соучастия всей Церкви? Если Церковь не участвует в жизни, то и я тоже могу только пребывать в Церкви и молиться в ней. Уклонение от ответственности христиан ложится и на Церковь. Мне кажется, что Вы не понимаете православной позиции в этом вопросе. Даже в Византии никогда не угасала правильная ниточка правильного разрешения этого вопроса. Сервилизм, развившийся в Византии несравненно лучше, чем властвование Церкви на Западе. Теократия Запада должна была потерпеть неудачу, но интересно, что это крушение произошло не в момент высшей власти, а в тот момент, когда был выдвинут принцип свободы. Забвение принципа свободы и привело к краху западную теократию. А в характере властвования не было даже и кризиса на Западе. Крушение существовавшей теократии не уничтожает теократической природы Церкви. А что же означает? Если отказаться от тоталитарности Церкви — значит признать, что в мире есть что-то бесконечно и до конца грешное. А мы знаем, что в мире все, вплоть до мертвой природы, ищет спасения. Освящения ищет все самое трудное в жизни — вплоть до политики. А тысячелетнее Царство наступит или нет? Это же будет действующая Церковь. Церковь имеет возможность действовать. Совесть человеческая уже обмирщена, но она утончается по мере моей принадлежности Церкви.

Почему Вы говорите, что Церковь лишена возможности действия в мире? Равнодушие к власти у Церкви, сказывающееся в признании всякой власти? Если Церковь только пребывает в истории, а не влияет на нее, тогда и мне становится все все равно. Если Церковь не ответственна за историю, то и я не ответственен.

Б.И. Сове. Н.Н. очень решительно провозгласил, что провал теократии знаменует провал теократической идеи. Я не согласен. Церковь всегда признавала свою ответственность за судьбы мира, и это сказывалось и в молитвах, особенно же в евхаристических молитвах.

Эсхатология первых христиан была евхаристическая эсхатология. Первая христианская литургия, говорящая о Парусии, говорит о том, что Христос уже пришел, что осуществилось ветхозаветное томление — Христос пришел. «Ей, гряди, Господи!» Христос пришел и царствует, и христиане участвуют в Трапезе пришедшего Христа. И отсюда вытекала их глубокая ответственность за судьбы мира — за превращение мира в мессианское Царство. Но постепенно сознание пришедшего Христа по разным причинам стало слабеть, было забыто о трудностях жизненного пути, о необходимости действовать только внутренними средствами, и тогда произошло крушение теократии. Но я должен сказать, что и на Востоке и на Западе лучшие представители теократии одинаково и чрезвычайно близко принимали к сердцу судьбы мира и страдали за него. Скажу, что у первых христиан всегда было чрезвычайно сильно чувство Церкви.

Монашество осознало действительные трудности этого пути и процесса, поэтому оно сознательно отказалось от этих путей и избрало более сложный путь воздействия на мир,

преображения мира. Оно стало стремиться накопить силу духовную. Но даже в молитвах монашество никогда не забывало мира.

К.В. Мочульский. Н.Н. принадлежит заслуга радикальной постановки вопроса. Меня поразило его утверждение о том, что Церковь пребывает в мире, но не участвует в нем. Если Церковь есть совесть мира, то это уже не означает равнодушия к миру. Говорится, нет органа у Церкви для участия в мире. Стена окружает ее. Если дан свет — в ограждении от мира, то как же его прятать, а не ставить на вершину горы, чтобы он светил миру? Мне жутка Ваша точка зрения. Только ли в Церкви дана харизма? Разве все человечество не является большой Церковью, и лишено харизмы? Но если Церковь живет в мире, в людях, — значит, она и ответственна за судьбы мира. Она есть глава всего богочеловеческого процесса.

Ж. Ламперт. В теократии есть онтологическое ядро, заключающееся как раз в понятии власти. Несмотря на историческое искажение идеи власти, в теократической власти заключено понятие боговластия. Она есть сверхвласть, завершающаяся в любви, и Царство Божие есть теократическое царство. Мне не ясно было в словах Н.Н., о какой Церкви он говорил: об объективно ли историческом организме или о Церкви как онтологическом центре истории.

В.П. Вышеславцев. Мне кажется, что Н.Н. затронул исходную позицию правильно. У вас есть сознание глубины антагонизма и трагичности в истории. Церковь стоит вне истории, история течет мимо Церкви. В этом трагизм нашей жизни. Те или иные решения жизни всегда иллюзорны, и мудрость Церкви в том, что она пребывает в мире, не участвуя в решениях. Слово теократия — двусмысленное слово. В нем есть слово «кратия» — это есть попытка применить божественные требования при институте меча и правовых организаций.

Что касается теократии Востока и Запада, скажу, что рабствование и власть есть две вещи коррелятивные, и пороки рабства — это похоть сервильизма, как есть и похоть властвования. Византийские цари были настоящими главами церкви: они ставили епископов, патриархов и третировали их. Даже мне кажется, что церковь в западной теократии проявляла больше мужества и силы, чем на Востоке. Образ папы, едущего навстречу к Атилле, папы, власть имущего за мир, — прекрасный образ.

И борьба со светской властью на Западе была более мужественна и благородна. Святые Востока — всегда были мученики и от патриарха, и от императора.

Я тоже защищаю тоталитарность, но тоталитарность Церкви не есть тоталитарность, созданная при помощи власти, нет, но Церковь универсальна, у нее претензии всеобъемлющие. Церковь тоталитарна, но она овладевает миром через преобразование мира, путем теозиса. При теократии теозис исключен, а по теозису Церковь обязательно тоталитарна. Органом, через который стяжается обожение, есть сердце, т.е. совесть. Церковь есть организация сердец. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы». «Церковь не от мира сего, но она в мире сем».

Н.Н. Афанасьев. Я нисколько не отрицаю и не утверждаю, что между Церковью и миром нет моста. Между Церковью и миром есть та эмпирическая природа, которая есть в мире. Церковь

двуприродна. Она входит в эмпирический мир и она вне его. Церковь для меня совсем не равнодушна и безучастна к миру. Но в чем же ее участие? Я не говорил о космическом, о преображении мира, я говорил только об историческом процессе, и я считаю, что Церковь неравнодушна к миру, она всегда есть Церковь страждущая. Она для меня — всегда страдание, а не торжествующая теократия. В Евхаристии Церковь всегда страдает за мир. Церковь участвует в историческом процессе, но не как историческая сила, и неужели нет иного участия? Это теозис. А разве теозис есть историческая сила? В.В. не переживает трагизма христианской истории, ужасающего ее трагизма, в котором можно прийти и до личной трагедии. Евангелие есть сила, способная перевернуть весь мир, и почему же мы все — свидетели неудачи евангелизации жизни как раз в те эпохи, когда церковь владеет миром? Именно в эти эпохи и происходит крах христианизации мира. Были же христианские тоталитарные эпохи, ведь из теократии и выросла на земле мечта о земном Царстве Божиим, тот же большевизм. Как не чувствовать этого трагизма? Я не вижу разницы между западным и восточным теократическим царством. Что император — наместник Бога на земле — это же есть такой термин в Византии. В Византии эти теократические стремления родились даже раньше, чем на Западе. На Западе, мне кажется, даже больше церковного сохранилось в теократии, там, по крайней мере, глава жизни был глава церкви, а не глава государства. В монашестве же я считаю правильным его протест против обмирщения церкви, как раз против того, что она выступила как историческая сила. Хотя монашество и не сказало этих слов, но все же оно было протестом против того церковного духа, который в ту эпоху властвовал. И русское самодержавие есть воспроизведение Византийской империи. Слишком часто, когда говорят о Церкви, говорят о ней как о правовом институте. Церковь не вся в этом. Если Церковь — только правовой институт, тогда нельзя отделять ответственность христиан от ответственности самой Церкви. Но для меня в историческом процессе участвует не Церковь, а только сами христиане.

Нет двух градов, о которых писал блаженный Августин. Это его ложная идея. Церковь всюду. Вы хотите с христиан снять ответственность и переложить ее на то, на что даже невозможно переложить. За 2000 лет так мало сделано христианами. Что же делать дальше? Те, кто хочет возложить ответственность на Церковь, хотят снять ответственность с христиан. Забыто, что христиане — пришельцы на земле, а не граждане мира сего, и когда они признали свое <земное> гражданство, то сейчас же создали теократию. Церковь призвана страдать в миру (в Константинову эпоху признали, что можно больше не страдать, ведь настало Царство Божие), наша Церковь — страдающая, а не торжествующая. Нельзя успокоиться на трагизме, но нельзя и не видеть его. Я думаю, что в христианстве судьбы истории predeterminedены: мир кончится катастрофой, об этом и Христа спрашивали. Но судьбы истории одно, а судьбы Церкви — когда и врата ада не одолеют ее — другое.

Теократия же для меня — это эпоха, лишенная совести.

: Архим. Сергей (Савельев). Что же делать? Православие

Духовные размышления

Архим. Сергей (Савельев) (1899—1977)

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ? ПРАВОСЛАВИЕ

Совершенно очевидно, что церковное общество находится в глубоком разделении. Наверху — епископат и привилегированная часть духовенства, которые тщатся уподобиться духовным сановникам старого мира, а внизу — народное церковное тело, которое, не видя правды в жизни церкви, отходит от нее или превращается в равнодушных людей, для которых дорог в церкви только обряд. Но глубочайшую ошибку делает тот, кто считает, что отхождение верующих людей знаменует собой отхождение от Бога и от правды Его. Церковные люди, оставшиеся в церкви и отошедшие от нее, в сердце своем нерушимо хранят веру в то, что существует святая правда, но она попирается.

Сейчас трудно найти человека, который бы не вздыхал о правде Божией и не сознавал, что без нее жить невозможно. Но где эта правда, люди не знают. Души их мятутся, а успокоения своей совести они не находят. И чем больше усложняется жизнь человеческая, чем больше обнажается сила порока и греха, тем больше люди жаждут правды, и не земной, преходящей, а правды Божией.

Хотя для многих слово «Бог» неразрывно связано с церковной жизнью, а церковная жизнь безбожна, все-таки многие сердцем устремляются к церкви и винят гражданскую власть за то, что она ее угнетает. Другие же решительно отвергают церковную организацию, хотя имя Божие хранят в своем сердце.

Создалось очень сложное положение и исправить его какими-то внешними мероприятиями совершенно невозможно. Его можно поправить только одним путем: воссозданием в самой церкви, как основы жизни человека, заветов Христа. Только такое воссоздание может служить самым убедительным свидетельством, что официальная церковь и Православие — глубоко различные понятия. В официальной церкви могут, как мы видим теперь, хозяйничать люди, для которых закон Христов не писан. Когда верующие люди поймут, что нельзя историческую церковь отождествлять со Христом, тогда у них откроется жажда обожествления и своей жизни, и жизнь Церкви Христовой преобразится. Тогда люди поймут, что помимо церкви синодальной существует Церковь как Тело Христово, как Организм Любви. Верующие люди отвергнут все, что наслоилось на Теле Христовом по порочности человека. И жизнь Церкви преобразится.

Человечески представить себе эту перемену почти невозможно. Но эта перемена — во славу Божию, и поэтому она уже обеспечена.

Наше дело заключается не в том, чтобы устраивать в церкви какие-то смуты, а в том, чтобы возлюбить Закон Божий. Эта любовь соединит нас воедино и даст нам силу для воссоздания церковной жизни по заветам Христа.

Родной мой человек, я тебе уже говорил, что когда ты общаешься с людьми, ты всегда можешь видеть, что в жизни людей от Христа и Его Любви и что — от человека и его гордости. Но ты не один. Подобные тебе имеются и рядом с тобой. Такие люди в наше время вызывают враждебность к себе со стороны сильных мира сего. Они нас придавили, и только потому, что мы очень слабы и мало способны утверждать свою жизнь во Христе. Только эта слабость лишает нас мужества открыто исповедовать то, что нам дороже жизни.

Все церкви по всей стране захвачены людьми, которые в подавляющем большинстве просто мошенники, которые захватили и власть над нами, не ради служения Христу, а ради обогащения и себя, и тех, кто поддерживает их. Есть в храме и неплохие люди, но они идут на поводу у мошенников. И все они вместе представляют собой толщу, которую пробить одному

человеку невозможно.

Вот почему я и говорю тебе, родной мой человек: объединяйся сердцем с теми, кто сохранил веру свою неповрежденной и кого не сломило попрание имени Божьего, которое он видит в жизни, и прежде всего, в существующей церковной организации.

Нет никакого сомнения, что ты в своем сердце уловишь биение сердца и другого человека, также жаждущего Христа. Нет сомнения и в том, что тебе откроются имена других братьев и сестер, жаждущих жизни во Христе так же, как и ты. Вот и держитесь друг с другом и своею жизнью исповедуйте имя Того, Кто открыл вам и путь преображения этой земли, чтобы соединение неба и земли беспрепятственно совершилось.

Берегите, свято берегите имена тех, кто дышит во Христе. И когда эти имена будут звучать в ваших сердцах, тогда отпадет всякое малодушие и всякий страх в том, чтобы противостоять тем, кто забыл Христа, не знает о Нем и оскверняет дом Божий. Имена сынов Божиих будут раскрываться вам все больше и больше, и в тех местах, в которых вы и не ждете. Вбирайте сердцем все эти имена и храните святую верность им. Вот так и только так будут воссоздаваться соты, в которых Господь изольет мед Своей Премудрости. Там, наверху, пусть упиваются своим ничтожным блеском, под которым так уютно разбойничать в церкви. Вот ты, родной мой человек, и все мои родные люди, создавайте соты во имя Христа.

Мне скажут: «Ты проповедуешь заговор». Не отрекаюсь от этого. Да, я проповедую заговор, заговор Любви, а не насилия. И я сожалею только о том, что моя проповедь слишком слаба для того, чтобы подвигнуть всех людей на службу Богу и Правде Его. Но я весь в жажде слышать такой силы голос проповеди, который всех потряс бы нас, пробудил от греховного сна и даже мертвых восставил бы. Но как бы ни был слаб мой голос, — а он жалко звучит, я это хорошо знаю, — все-таки он звучит, и я не вижу рук, которые хотели бы возложить на меня оковы. Но если такие руки все-таки найдутся, то я с радостью облобызал бы эти оковы, ибо они — Христовы.

Меня смущает другое. Меня смущает опасность, что в среду истинных христиан со светлым во Христе разумом и со всепрощающей любовью будут проникать люди, для которых познание Христа в духе и истине чуждо. О таких, именующих себя христианами, приходится часто слышать. Они всех учат, со всеми сражаются, всех осуждают, и кладут сотни земных поклонов, полагая, что уж этим-то угождают Богу. Эти люди опасны. Они составляют наиболее шумливую часть прихожан, посещающих церкви, и служат большой помехой истинному служению христианина. Они, пожалуй, самая надежная опора тех, кто управляет официальной церковью. Отстраните их от себя. А если они все-таки будут стремиться быть с вами, то поставьте их на должное место, чтобы они не шумели. Осуждать подобных «ревнителей» церкви не следует, потому что никто никогда их не воспитывал духовно и не разъяснял им, что такое муть церковная и в чем заключается существо нашей православной веры. Но, не осуждая, допускать их в свою среду, как определяющих жизнь христианской общины и при этом мешающих созиданию храма Божьего, не следует.

Могут сказать, что в таком случае в церкви, верной заветам Христа, может быть, останется мало людей. В данное время на это можно и следует ответить: чем меньше, тем лучше.

Что делать? Во имя Христа и Его святой Церкви нельзя избежать и решительных мер по отношению к тем, кто хотя и не по своей вине, но не усвоил азбуки Христовой жизни и в то же время воображает себя учителем других.

Родной мой человек, когда я тебе разъяснял, как нужно готовить себя для восприятия

Премудрости Божией, я не сказал тебе, что нужно всегда открыто говорить о своей вере во Христа и открывать Его Имя. И это не случайно. Сказать, что ты христианин, — это значит сказать, что ты — мудрейший человек, а сказать так — равносильно тому, чтобы убить в себе эту мудрость. Пусть жизнь твоя и подобных тебе свидетельствует о Христовой мудрости и любви, живущих в тебе. Когда же ты прославишь Бога своею жизнью и люди, не знавшие Бога, спросят тебя, откуда в тебе такие дары премудрости и любви, то скажи в ответ, что они не твои, а даны тебе от Бога, Который всем раздает эти дары и, как солнце, светит на всех, кто не укрывается от Него. Если же вы что-то слышали доброе от меня, то знайте, что это все светлое, доброе исходит не от меня, а от благодати Святого Духа, которая исходит в сердце всех людей, которые открывают себя перед Богом. И каждый из вас обретет добрых благ безмерно больше, чем я, если только возлюбите Господа. А я — ничтожный человек, потому что ничтожна моя любовь к Богу.

Вот, если ты будешь это помнить и выполнять, то путь твоей жизни будет ясным и простым. Когда же ты увидишь, что вокруг тебя (в обществе) возникла вражда, то не подумай, что ты возбудил ее своею верностью Христу. Верностью Христу вражду к себе возбудить нельзя, и если она все-таки возникла, то причина ее в том, что ты сошел с верного пути и допустил разрыв своей жизнью с той любовью, которая единственно может служить основой жизни.

Когда человек соблюдает соответствие своих поступков с любовью ко Христу, живущей в нем, тогда корабль его жизни свободно и твердо прорезает волны житейского моря, независимо от того, спокойно ли это море или штормы бушуют в нем.

Родной мой человек, тебя очень удивило то, что я сказал тебе о полном изменении наших отношений с обществом и гражданской властью, как только мы обретем истинный путь созидания церковной жизни. Ты привык к тому, что нами, особенно служителями церкви, гнушаются уже более чем полвека. Да и раньше немало людей гнушалось, видя как церковь подрывает основы государственной и общественной жизни своим отступлением от Христа.

Но если мы вернемся ко Христу и будем верны Его заветам, то как же можно нами гнушаться? Дело не в том, что кто-то гнушается нами, а в том, что мы гнушаемся Христом. Как только мы перестанем гнушаться Христом, так и нами перестанут гнушаться. И чем больше свет Христов будет просвещать наши сердца, тем любезнее мы будем народу.

Нам говорят, что мы, проповедуя о Христе и Царстве Небесном, только отвлекаем народ от трудов, необходимых для построения справедливой жизни на земле. Есть ли правда в таком обвинении? Безусловно, есть. Она соответствовала церковной жизни в старое время, а в наше время она только путает людей. Но для той церкви, о которой мы ведем с тобой беседу, эта правда не имеет никакого значения. А лучше сказать, правда не в ней, а в том, что без животворного участия справедливой жизни на земле не построишь.

Да, мы взыскуем Града Грядущего, мы взыскуем вечной жизни во Христе. Но жизнь здесь, на земле, является приуготовлением к тому, чтобы наследовать вечную жизнь. А разве можно ее наследовать, творя неправду и зло в этой жизни?

Нет. Наследовать ее можно только лишь самоотвержением в служении людям во Христе. Конечная наша цель — Христос, но подойти к Нему можно только здесь, на земле, когда мы блюдем, как зеницу ока, созвучие своей жизни дыханию Божию, и будем видеть брата в каждом человеке. Но разве можно видеть брата в человеке, если мы не разделяем с ним его труды и скорби? Как мы можем видеть брата в человеке, вместе с ним не прилагая усилий, чтобы создать здесь на земле более справедливую жизнь? О каком же отвлечении людей может быть речь? Во всяком случае речи не может быть об отвлечении людей от доброго,

светлого их пути.

: «Заговор любви, или соты, в которых Господь изольет мед Своей Премудрости».

Предисловие к публикации

Духовные размышления

«ЗАГОВОР ЛЮБВИ, ИЛИ СОТЫ, В КОТОРЫХ ГОСПОДЬ ИЗОЛЬЕТ МЕД СВОЕЙ ПРЕМУДРОСТИ»

Мы продолжаем публиковать заметки архим. Сергия (Савельева) из цикла «Что же делать?» (см. Архим. Сергий (Савельев). Что же делать? Церковь // Православная община, 1998, № 47. С. 66—83). Тема небольшого текста, предлагаемого читателю сегодня, — Православие. О. Сергий говорит о нем удивительно просто: Православие — это познание и осуществление правды, правды Божьей — правды о Боге и человеке и их отношениях, той правды, которой так жаждет человеческое сердце. И тогда Православием может быть только то, что наполняет это человеческое сердце до конца, не насилуя и не искажая его, не оставляя в нем пустоты. И вот, с одной стороны, о. Сергий знал родное ему восточное, русское христианство как такое Православие, с другой же стороны, он видел, что множество современных ему людей не находят в существующей Русской православной церкви правды, а значит, и Православия, иное имя которого — Церковь, Полнота Наполняющего всё во всём.

Что же делать? — этот вопрос исторгается из глубины сердца о. Сергия, — что же делать, чтобы Православная церковь, хранящая в себе подлинную истину Православия, не отталкивала и не разочаровывала тех людей, в чьих сердцах живет жажда этого Православия? Ответ, который дает о. Сергий, также удивительно прост: «Наше дело заключается не в том, чтобы устраивать в церкви какие-то смуты, а в том, чтобы возлюбить Закон Божий. Эта любовь соединит нас воедино и даст нам силу для воссоздания церковной жизни по заветам Христа».

Конечно, он понимал, что такое объединение верующих, независимое от того, что он называл «официальной церковью», неизбежно вызовет подозрение и обвинение в «заговоре». Но и здесь у него было что ответить: «Не отрекаюсь от этого. Да, я проповедую заговор, заговор Любви, а не насилия».

Сегодня, когда в адрес тех, кто в нашей церкви выступает за воссоздание в ней реальной общинной и братской жизни, звучат обвинения в сектантстве и заговоре, слово о. Сергия может не только согреть и утешить, но дать очередной повод поставить перед своей совестью вопрос: что значит для нас общинная и братская жизнь — попытка построить свой уютный мирок, в который не проникают боли и проблемы всей церкви и общества, или действительно — попытка, по замечательному выражению о. Сергия, воссоздать те «соты, в которых Господь изольет мед Своей Премудрости», «соты во имя Христа»?

: Николай Бердяев. Существует ли в православии свобода мысли и совести?

Духовные размышления

* * *Мы продолжаем знакомить нашего читателя и с малоизвестными страницами из наследия Н.А. Бердяева. Публикуемая статья, как и многие статьи того времени, написана по конкретному поводу, подробности которого вряд ли могут быть сейчас всем интересны. Но зато мало кого может оставить равнодушным ее пафос. «Блаженны алчущие и жаждущие правды» — практически все мы, церковные люди, каждое воскресенье поем эти слова на литургии, но как мало мы умеем и даже стремимся относиться к ним, как к заповеди Христовой! Действительно, как легко мы соглашаемся на двусмысленность и ложь в церкви, как легко мы привыкаем к тому, что в церкви нельзя сказать слова правды, как легко мы начинаем считать это чуть ли не за норму и спокойно с этим жить. Предлагаемая же статья Николая Бердяева дает нам пример человека, который, сталкиваясь с неправдой и двусмысленностью в церкви, начинал от этого буквально задыхаться, остро чувствуя в этом приближение смерти, т.е. отказ от благой вести о Воскресении Христовом, а значит — и от Православия.

И еще одно. Бердяев пишет: «Западные христиане, склонные к экуменизму, более всего интересуются именно русской религиозной мыслью, часто смешивая это течение русской мысли с официальной церковностью, не зная нашей внутренней борьбы. На этой почве происходит иногда настоящая мистификация». Надо сказать, что, к сожалению, часто и современные христиане в России, воспитанные во многом на наследии русской эмиграции, которая должна была свидетельствовать перед лицом Запада о действительно единой православной традиции, часто начинают верить в это как в миф, отказываясь замечать те противоречия, разрывы и разломы в предании, не зная которых для самих носителей этого предания — безответственность и грех.

Да поможет боль Николая Бердяева о Церкви Христовой и его ненависть ко всем мистификациям в церкви протрезветь и нам!

Николай Бердяев

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В ПРАВОСЛАВИИ СВОБОДА МЫСЛИ И СОВЕСТИ?*

«Вы стали маленькими и будете все меньше: это сделало Ваше учение о смирении и послушании.»

Перефраз из «Also sprach Zarathustra» Ницше.

Н. Б.

Наступают времена, когда нужно прекратить двусмысленность и недоговоренность и дать прямой и ясный ответ, признает ли Православная церковь свободу мысли и совести? Справедливы ли со стороны православных постоянные обвинения католиков, что у них нет свободы, — обвинения, основанные на предположении, что у самих православных эта свобода есть? И ставится еще другой вопрос: связано ли Православие с определенной политической системой, например с монархизмом, национализмом, сословным строем, по моде сегодняшнего дня с фашизмом, или оно допускает различные точки зрения? Может ли православный, оставаясь профессором православной духовной школы, быть демократом, социалистом, быть

защитником свободы, социальной справедливости, достоинства человека?

Вопрос этот очень остро ставится тягостным случаем с Г.П. Федотовым. По предложению митрополита профессора Богословского института предъявили Г.П. Федотову ультиматум: или уйти из профессоров Богословского института, или перестать писать статьи на политические темы в «Новой России» и других органах «левого» уклона. Решение это было вынесено людьми, которые статей Г.П. Федотова не читали и руководствовались исключительно извращающими смысл цитатами одной газетки, представляющей самый дурной образец желтой прессы.

Я не буду останавливаться на анализе этой неприглядной истории, свидетельствующей о поразительном отсутствии мужества и рабских чувствах, которые, увы, очень традиционны. Меня интересует принципиальный вопрос. Речь шла не о статьях на богословские темы, а о статьях политических. Обвинение было в том, что статьи «левые» и что автор не может быть причислен к «национально мыслящим». Признается недопустимым для профессора Богословского института заниматься политикой. Но это неправда. Профессорам Богословского института разрешается сколько угодно заниматься политикой, но исключительно «правой» политикой. Никто не предложил бы профессору Богословского института выйти из состава профессуры, если бы он написал статью в защиту монархической реставрации и крайней национальной политики. Один из профессоров даже возглавлял правую националистическую организацию. Церковь в эмиграции в лице своей иерархии постоянно совершала политические акты демонстративными молебнами, панихидами и проповедями. Этим она наносила тяжелые раны церкви внутри России. Церковь не совершила великого акта разрыва своей связи со старым режимом, не очистилась. Нет, запрет заниматься политикой относится исключительно к «левой» политике.

Г.П. Федотов — христианский демократ и гуманист, защитник свободы человека. Он терпеть не может коммунизма. Он также несомненный русский патриот, что более достойно, чем быть «национально мыслящим». Он совсем не держится крайних взглядов. Оказывается, что защита христианской демократии и свободы человека недопустима для профессора Богословского института. Православный профессор должен даже быть защитником Франко, который предал свое отечество иностранцам и утопил народ свой в крови. Совершенно ясно, что осуждение Г.П. Федотова профессурой Богословского института было именно политическим актом, актом, глубоко компрометирующим это учреждение, бросая на него тень реакционности. От Г.П. Федотова требуют, чтобы он был «национально мыслящим», хотя его менее всего можно заподозрить в сочувствии интернационализму. Нет ничего отвратительнее самого выражения «национально мыслящий». Мы знаем, что значит быть «национально мыслящим»: на практике это значит быть бесчеловечным, корыстолюбивым, насильником, ненавистником, провокатором войны и часто войны против собственного народа. Мир погибает сейчас от национализма, он захлебнется в крови от «национально мыслящих».

Церковь должна была бы осудить национализм, как ересь жизни, и католическая церковь к чести своей близка к этому осуждению. Национализм есть язычество внутри христианства, это разгулявшиеся инстинкты крови и расы. Христиане, которые не предают Христа и Евангелия (большая часть христиан предает), не имеют права быть «национально мыслящими», они обязаны быть «универсально-мыслящими», быть согласными с евангельской моралью и уж во всяком случае с моралью человеческой. Да и у современных «национально мыслящих» ничего национального нет, они совсем не дорожат национальной культурой, например, русские «национально мыслящие» совсем не дорожат традициями русской литературы, немецкие «национально мыслящие» не дорожат традициями немецкой философии. О русских «национально мыслящих» в эмиграции лучше и не говорить, они с большой легкостью отдадут Россию ее смертельному врагу Гитлеру. Генерала Франко тоже считают «национально

мыслящим», хотя он ведет истребительную войну против своего народа при помощи итальянцев и немцев.

Стыдно произносить слова «национально мыслящий», «национальная политика», до того низкие вещи за этим скрыты. Есть только один критерий христианского отношения к политике — человечность, т. е. свобода, справедливость, милосердие, достоинство личности. Коммунизм подлежит христианскому суду не за то, за что его судят «правые» и «национально мыслящие», а за отрицание человечности и свободы, за отсутствие милосердия и за жестокость. «Национально мыслящие» сами охотно уничтожили бы всякую свободу, нисколько не считались бы с достоинством человека и, наверное, проявляли бы не меньшую жестокость. Уродливые проявления русской коммунистической революции есть прежде всего вина «правых» и «национально мыслящих» старого режима.

Есть еще одно обвинение против Г.П. Федотова: он интеллигент. По-видимому то, что он «не национально мыслящий» и с «левым» уклоном, объясняется его природой интеллигента. Обскурантская реакция против революции превратила слова «интеллигент» и «интеллигенция» в ругательные. Особенно невежественная часть молодежи, которая не знает ни смысла, ни истории употребляемой терминологии, не сомневается в том, что очень плохо быть «интеллигентом». Но пора прекратить это безобразие. Что противопоставляется «интеллигенции»? Прежде всего органические сословия: дворянство, духовенство, купечество, мещанство и еще чиновничество. Русская интеллигенция имела немало недостатков и в свое время я не раз ее критиковал, когда это еще не означало бить лежачего. Но сословия эти защищали свои корыстные интересы, погружены были в ограниченный быт, отличались рабьей покорностью перед сильными мира сего. Интеллигенция же по-своему искала правды и справедливости, боролась за достоинство человека, за свободу народа, не охраняла никаких классовых интересов и возвышалась над классовой ограниченностью.

Правда, из русского дворянства XIX века вышли люди, поражающие своим бескорытием, преодолевающие предрассудки и интересы своего класса, участники освободительного движения. Из дворянства вышли и творцы великой русской литературы. Но тогда они превращались в интеллигентов и сливались с интеллигенцией, в которой были выходцы из разных классов. Я более имею оснований гордиться тем, что я «интеллигент», т.е. искал истины и правды, чем своим дворянским происхождением. Когда говорят, что православный должен быть «национально мыслящим» и не должен быть «интеллигентом», то всегда хотят охранить то старое язычество, которое вошло в православие, с которым оно срослось и от которого не хочет очиститься. Люди такой формации могут быть очень «православными», но они очень мало христиане. Они даже считают Евангелие баптистской книгой. Они не любят христианства и считают его опасным для своих инстинктов и эмоций. Бытовое православие и есть язычество внутри христианства.

Это язычество, давно утерявшее свою древнюю поэзию, защищается, как старая традиция, и оно именно противопоставляется гуманизму. В христианском смысле эта традиция не очень древняя, она во всяком случае не восходит до истоков христианского откровения, до первохристианства, до периода греческой патристики. Но в языческом смысле она очень древняя, она восходит к племенным культам, к культам домашнего очага, даже к тотемизму первобытных кланов. Любые предрассудки, любые бытовые привычки защищаются, как священная традиция. Но нет никаких оснований утверждать, что всякая традиция хороша. Традиция может быть изменой, совершенной в прошлом, конформизмом с самым дурным человеческим, рабством прошлого. Евангелие совсем не традиционно, оно направлено против традиционализма, оно революционно.

В истории сакрализовали всякую мерзость под напором «царства кесаря», под корыстными

социальными влияниями. Рабство, крепостное право, введенное в катехизис Филарета, деспотическая форма государства, отсталость научного знания — все было священной традицией. Нет таких форм рабства, деспотизма и обскурантизма, которые не были бы освящены традицией. Нет ничего ужаснее тех выводов, которые были сделаны в историческом православии из идеи смирения и послушания. Во имя смирения требовали послушания злу и неправде. Это превратилось в школу угодничества. Формировались рабы души, лишенные всякого мужества, дрожащие перед силой и властью этого мира. Гражданское мужество и чувство чести были несовместимы с такого рода пониманием смирения и послушания. Отсюда и подхалимство в советской России.

Русское духовенство, иерархи церкви всегда трепетали перед государственной властью, приспособлялись к ней и соглашались подчинить ей церковь. Это осталось и сейчас, когда нет уже, слава Богу, лживого «православного государства». И сейчас люди церкви трепещут перед правой эмиграцией, разыгрывающей роль государственной власти, и подчиняются ее велениям в вопросах церковной политики, вместо того, чтобы учить ее христианству. Это мы видим и в истории с Г.П. Федотовым, делающей ему большую честь. Такие выдающиеся люди, как отец Сергей Булгаков, являются жертвой господствующей атмосферы.

С горечью нужно признать, что официальное православие оказывается самой обскурантской и самой инертной формой христианства. Было только два исключения — греческая патристика и русская религиозная мысль XIX века и начала XX века. Из греческой патристики, из Оригена, св. Григория Назианзина, св. Григория Нисского, св. Иоанна Златоуста и других можно собрать цитаты, которые послужили бы отличным поводом для исключения из профессуры Богословского института. Так, например, св. Иоанн Златоуст был настоящим коммунистом своего времени, представителем константинопольского пролетариата. Несчастливая же русская религиозная мысль официально не признавалась, обвинялась в неправославности и сейчас более чем когда бы то ни было отлучается. Но только в русской религиозной мысли, у Хомякова, Достоевского, Вл. Соловьева, мыслителей XX века была свобода совести и мысли. Ее никогда не было и нет в официальном православии, в официальной церковности. Такие люди, как Нил Сорский или св. Тихон Задонский были исключением.

Западные же христиане, склонные к экуменизму, более всего интересуются именно русской религиозной мыслью, часто смешивая это течение русской мысли с официальной церковностью, не зная нашей внутренней борьбы. На этой почве происходит иногда настоящая мистификация. «Правые» православные все ждут «кесаря», который будет их защищать и будет им покровительствовать, истребляя мечем их врагов. Это ожидание губит православие. Ждут «кесаря» не во имя царства Божьего, а во имя царства Кесаря, которому давно поклонились вместо Бога. Пусть успокоятся, желанный «кесарь» может явиться, если христианские духовные силы не будут этому противиться, но он будет предшественником антихриста. Тогда пожалеют о свободолюбивых демократиях. Ложное, рабье учение о грехе, ложное понимание смирения и послушания и приведут к окончательному царству зла, к торжеству антихристового духа в мире.

Мы больше всего нуждаемся в бесстрашной правдивости, в окончательном низвержении условной лжи, в которой гниет официальная церковность, гниет и мир. Нужно правду сказать, в авторитетном католичестве больше свободы, чем в православии, которое на словах продолжает почитать Христа своим единственным главою. Приведу пример. Жак Маритен, самый выдающийся католический мыслитель Франции, профессор *Institute Catholique*, защищает христианскую демократию, христианский гуманизм, достоинство и свободу человеческой личности, обличает антихристианскую ложь антисемитизма, особенно горячо обличает генерала Франко, прикрывающегося католичеством, он говорит и пишет почти то же,

что Г.П. Федотов, и его никто не трогает, ему не предлагают покинуть высшую католическую школу Франции. А что говорил папа Пий XI? Он защищал свободу духа, достоинство человеческой личности, обличал диктатуры, обличал расизм и антисемитизм, защищал мир народов. В зарубежном православии его мысли вероятно признали бы несовместимыми с положением профессора высшей богословской школы. Слишком ясно, что православие в эмиграции хотят превратить в послушное орудие реакционной политики, при том политики, изменяющей русскому народу. Пусть открыто скажут, признает ли Православие свободу личной совести, которой у нас так хвастали перед католиками?

В действительности, совесть перенесена на коллективы, совсем как в коммунизме, и на отвратительные мракобесно-реакционные коллективы и на их желтую прессу. Но никакая коллегия не смеет посягать на священные права человека, на свободу человека. Свобода реально существует у нас лишь в «модернизме», лишь в течении, стремившемся к реформе, начиная с Хомякова, и к несчастью задавленном реакционным течением официальной церковности, казенного православия. Пора правду сказать на площадях, ничего не скрывая и не замазывая, правду бестактную: Православие нуждается в реформе и без реформы оно начнет разлагаться и выделять трупные яды. То, что называют «истинным», «ортодоксальным» православием, и есть это разложение, омертвление. Реформа совсем не означает реформы типа лютеранского или кальвинистического, она будет иной. Но свободу духа, свободу совести, свободу мысли она будет защищать более, чем Лютер и Кальвин, которые защищали ее недостаточно и непоследовательно. Реформа начнет с признания верховенства личной совести, не поддающейся отчужденно и экстерниоризации, т.е. свободы духа и независимости духовной жизни от влияния «царства кесаря». Соборность не имеет никакого смысла, если она не включает в себе свободы духа и личной совести. Без свободы соборность есть внешний авторитарный коллективизм.

Сейчас повсюду в мире происходит разделение христианства, и это разделение необходимо углублять. Происходит катастрофическим путем очищение христианства от тех исторических наслоений, которые ничего общего не имеют с истоками христианства и привнесены социальными интересами царства кесаря. Это есть одухотворение христианства, оно делается более внутренним и искренним, более связанным с заветами Христа и более творческим. Наступает конец «бытового», т.е. языческого христианства, происходит разрыв с языческими традициями в христианстве, с ложной сакрализацией исторических тел, происхождение которых должно быть объяснено социологически. Кончается царство условно-риторического, декламационного христианства. Но перед своим концом оно может еще сделать много безобразий, много злобы еще может проявить. Христиане нового типа, нового чувства жизни, творческие христиане всех вероисповеданий перекликаются между собою и между ними больше близости, чем внутри каждого вероисповедания. Они должны соединиться.

Христианство очищенное, освобожденное от плена, которое нельзя уже будет заподозрить в защите классовых интересов и социальных несправедливостей, поставлено перед новой социальной действительностью и должно дать творческий ответ на социальные проблемы наших дней. Прежде всего, христиане должны отказаться от дурной и двусмысленной привычки отвечать не на тот вопрос, который им задают. Когда вас спрашивают, как вы относитесь к данному конфликту рабочих с капиталистами или к коллективным контрактам, то не подобает отвечать: «Мы верим в бессмертие души», или «Мы верим в богочеловечество Христа». Подобает дать конкретный ответ именно на поставленный вопрос. Эти ответы не попадая всегда производили впечатление защиты какой-либо несправедливости.

Ближе всего к христианской правде стоят такие течения, как коммунистический персонализм группы «Esprit», как религиозный социализм Рогаца, Андрэ Филиппа и др. В политике Л. Блуа

я вижу больше христианской человечности, чем у «правых», которые все время призывают к убийству и насилиям. Но вот что представляется мне самым существенным. Пора прекратить разговоры о словах и начать разговоры о реальностях.

«Правый» и «левый» — условные знаки, и слова эти в нашу эпоху теряют реальный смысл. Важно определить, какие реальности скрыты за словами и знаками. Требуют, чтобы православные были «правыми», видят в этом существенный признак «православности». Что за этим практически, реально скрыто? Реально за «правыми» скрыты — политический аморализм, отрицание свободы и достоинства человека, культ грубой силы, практика насилия в отношениях между людьми и народами, издевательства над евангельской моралью в социальной жизни. Я не вижу у «правых» благородных движений души, они всегда защищают деспотическую власть, национальную вражду и войну, капиталистов и банкиров против рабочих, несправедливые привилегии, жестокие наказания, насилие над совестью и удушение свободной мысли. «Правые» легко делаются изменниками своей родины и своему народу. Романтики консерватизма, люди идеи, составляют ничтожную группу, которая не имеет никакого практического значения, главенствуют реалистические дельцы.

«Левость» тоже часто бывает лживой, корыстной и декламационной. Из того, что есть «левые», изменяющие свободе и человечности, например, коммунисты, никак не следует, что свобода и человечность дурные принципы. «Правые» никакой ненависти не испытывают к «лжи» коммунизма, бесчеловечию и насилию, им это даже нравится и вызывает зависть. Они ненавидят «правду» коммунизма — принцип бесклассового, братского общества, не знающего эксплуатации человека человеком, идеал мира между народами.

Христианство может стоять лишь за политику, которая признает верховную ценность человеческой личности, ее свободу и достоинство, и братскую организацию социальной жизни, и будет против идолопоклонства перед государством, национальностью, внешней церковностью и нечеловеческими коллективными общностями, обычно прикрывающими реальные интересы господствующих классов. Очищенное христианство должно вернуть моральному началу жизни его достоинство против моды православного аморализма, против лже-мистического и лже-сакраментального аморализма, стоящего не выше, а ниже морали человечности.

Верховный принцип достоинства человека разрушается ложной и безнравственной теорией послушания, допускающей такие неприглядные истории, как история с Богословским институтом. При этом нужно сказать, что уровень профессуры Богословского института довольно высокий и значительная часть профессоров не может быть названа обскурантами. Но их заела традиционная среда.

Мы приходим к тому заключению, что было бы ошибкой защищать право христианина исповедовать какие угодно политические идеи. Христианин не имеет права держаться политического направления, попирающего свободу и человечность, противоположного евангельскому духу любви, милосердия и братства людей. Христиане должны образовать союз борьбы за свободу человека.

* Статья перепечатана из журнала «Путь», № 59. 1939 С. 46—54, где она снабжена следующим примечанием:

Автор берет исключительно на себя ответственность за эту статью. Эта ответственность не распространяется ни на «Путь» в целом, ни на отдельных сотрудников «Пути». Редакция.

: Архим. Сергей (Савельев). Фрагменты о церковной жизни

Духовные размышления

Архим. Сергей (Савельев) ФРАГМЕНТЫ О ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

I.

Я никогда не забываю о тех, кто своими страданиями помог нам понять то, что было непонятно полвека назад¹. Они помогли <нам> осознать грехи и в какой-то мере обелили нас и помогли нам возродить в себе дух веры Христовой. Многие этого не понимают, а между тем они, страдальцы, и мы — нераздельное целое. Только разными путями проходила наша жизнь. Страдания наши общие, но те в страданиях и закончили свою жизнь, а мы еще продолжаем свой жизненный путь. К сожалению, большинство продолжает идти теми же путями, которыми шли раньше и которые привели церковь к разорению. Но те, кто страданиями своими омывал эти грехи, и чьи кости рассеяны по дальним просторам нашего далекого Севера, те завещали нам начать новую жизнь, и не только завещали, но и путь приоткрыли нам. И те, кто забыл о них и часто превозносится над ними, ничему не научились и совершенно непригодны к тому, чтобы достойно созидать жизнь Церкви во Христе. И удивляет то, что эти люди считаются пригодными для управления церковной жизнью в нашу новую историческую эпоху.

Когда задаешь себе вопрос, как же это могло случиться, что в лице тех, кто определяет нашу жизнь, видится, ощущается все то порочное, что оторвало церковных людей от евангельского пути, то ответа не находишь. Новая эпоха требует новых людей. Этого же требуют те страдания, которые перенес русский народ при рождении новой жизни. К этому же взывают и кости бесчисленных страдальцев, которые своими страданиями омывали грехи людей и прошлых веков и нашей жизни, и которые своими страданиями предуказывали нам путь новой жизни во Христе.

Нельзя созидать новую жизнь Церкви, нельзя приблизиться ко Христу без растворения в своем сердце памяти об этих страдальцах. А между тем, мы видим перед собою людей, которые не только потеряли всякую память об этих людях, но живут и владеют над церковными людьми так, как будто наше время — не время становления нового мира, а время императора Николая I. Оставим этих людей. Пусть ублажаются тем, чем достойные люди не могут ублажать себя. Люди нового мира, глубоко любящие Христа, глубоко ощущают в себе корни жизни во Христе, начиная с апостольских времен, во все века падения церкви, и особенно в годы, когда Суд Божий совершился над теми, кто именем Его творил неправду жизни.

Почему именно память об этих людях нам очень дорога? Конечно, не потому, что они воплощали в себе, во всяком случае в большинстве своем, то духовное оскудение, которое определяло их жизнь, а потому, что они и свое оскудение, и наше, и наших отцов и праотцов омывали своими тяжкими страданиями. Мы не можем о них забыть. И чем больше мы преисполняемся желанием быть со Христом в этой новой жизни и Его любовью приносить людям все самое благое, тем священнее память для нас тех страдальцев, без которых мы едва ли способны были понять свое существование в новой и, в то же время, вечно старой жизни...

Вот поэтому-то так чужды те, кто стоит у кормила церковного управления, ничему не

научившись и ничего не познав, и поэтому такое страдание они на своем посту вызывают у всех, любящих Христа и Его святую Церковь.

Как это случилось? «Пути Божии неисповедимы». Неисповедимы они в плане Божиим, а в плане человеческом они вполне понятны. Продолжать путь страдальцев, отдавших жизнь за наши общие грехи, означает иметь с ними непрестанную связь; и каждый шаг в устроении жизни во Христе, как отдельного человека, так и всех, должен быть в полном созвучии с ними. Ведь мы же не только не лучше их, а хуже. Они принесли жертву искупления. Так разве можно эту жертву попираť тем же отступничеством от Христа, которое было и есть в жизни нашей церкви?

Видимо — можно, если мы безнаказанно это делаем! Но безнаказанно ли? Не зреет ли гнев Божий в нашей жизни? Он не может не зреть. И зреет он незаметно, непостижимо для людей, забывших правду Божию.

Идет второе пятидесятилетие, но где же образ христианина?

Покажите его, мы все побежим за ним. Его не видно. Но он есть. Он дышит, и имеющий ухо слышать слышит его. Только он завален тушами людей, ослепленных житейскими страстями. Так стоит ли удивляться тому, что имя христианина чуждо людям нашего мира? И если эти люди и упомянут его, то только чтобы обесславить и унижить его. А между тем краше имени христианина никакого другого имени на всем Божьем свете не существует. Только где оно? Какая жажда нестерпимая, неутолимая мучит алчущую душу человека. Господи, отзовись. Душа иссыхает...

И Он отзовется, если только любящие Его благодушно, терпеливо будут нести унижение людей, не знающих или забывших Христа.

Любить Христа и нести унижение за эту любовь — есть путь жизни во Христе. Этот путь роднит нас с теми, кто своими страданиями облегчил нам иго жизни во Христе, хотя многие из них и не сознавали смысла своих страданий.

Этот путь раскрывает для нас благодатную тайну жизни Святой Церкви и укрепляет дух любви и верности ей. Невзирая на то, что дух злобы сокрушает нас и оскверняет наше внешнее церковное единение, подлинная жизнь Святой Церкви, как Тела Христова, как Совершенной Любви, будет неизменно созидаться в нас. Только бы нам не ослабеть на своем жизненном пути от тех испытаний, которые иногда посещают нас.

Вот эта таинственная жизнь в Церкви Христа даст нам возможность наполнять соты нашей души божественным нектаром, подобно тому как пчелы непрестанным трудом наполняют свои соты медом — совершенным созданием Божьим, просвещающим мрачную жизнь человека на земле. И по мере наполнения сот нашей души божественным бальзамом благодатного Духа, наша жизнь, не только внутренняя, но и внешняя, будет чудесно преображаться. Все темное, мрачное, ненавистническое не будет иметь силы над нами. Мы будем как дети, и детскою любовью проникнем в радость священных слов: все люди — братья. И вся земля будет нам как дом родной. И когда мы увидим в себе или в других людях, сколько бы их ни было, искажение Правды Божией, то страдая от оскудения ее и прилагая все силы к тому, чтобы Правда Божия была восстановлена, мы все-таки брата, затемненного неправдой жизни, ненавидеть не будем и, Бог даст, в такие темные минуты нашей жизни и нам окажут снисхождение.

II.

Через церковь старались утвердить империю царскую. Даже атеисты стремятся использовать церковь для достижения своих целей. Но кто бы ни был в управлении народом, о самой церкви никто не думал. Если было нужно государственной власти, то она ее возвышала. А если это возвышение ей было вредно, то она ее унижала.

Солженицын пишет в так называемом «Великопостном письме Патриарху Пимену»: «Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище невиданное за ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ». Слова громкие, а правды в них нет. В том, что в наше время церковью руководят атеисты, сомневаться нет никакого основания. Действительно, это так. Но где он видит этих атеистов? Он видит их в государственной власти. Что гражданская власть атеистична, в этом нет никакого сомнения. И, кстати, это совсем не плохо для христианской церкви. И то, что гражданская власть в известной степени участвует в руководстве церковной жизнью — это тоже очевидно. А как же иначе? Церковь — общественная организация, и гражданская власть не может безразлично относиться к тем, кто осуществляет руководство церковью.

А разве «два тысячелетия» гражданская власть была безразлична к жизни церкви? Может быть, Солженицын считает, что обер-прокуроры Святейшего Синода — «царевы очи» — были все верующие люди? Разве ему неизвестно, что большинство из них были явные атеисты? Или же они были такими верующими, что обер-прокуроры из атеистов были лучше этих верующих людей. Вспомнил бы он хотя бы уж такого стопроцентного, можно сказать, верующего, как обер-прокурор Победоносцев. Если он об этом вспомнил бы, то не мог бы написать, что атеисты гражданской власти нашего времени — «зрелище, невиданное за два тысячелетия». А я бы посоветовал ему написать, что атеисты гражданской власти нашего времени — ангелы по сравнению с атеистами того времени. Наши хоть открыто говорят о том, что они атеисты и что они ведут борьбу с людьми, как они выражаются, еще не изжившими старые религиозные предрассудки. А атеисты, которым было вверено руководство церковью в то время, носили маску защитников церкви, а по существу были вредителями церкви. Но разве не лучше атеисты открытые, нежели прикрытые? Но внушать это Солженицыну я не собираюсь, потому что он едва ли это поймет.

Но все-таки Солженицын прав. Действительно, церковной жизнью руководят атеисты, только они скрыты в рясах, в драгоценных митрах и прочих регалиях. Конечно, не все. Но заправили безусловно этой породы. Гражданская власть не очень поощряет проникновение в церковную иерархию людей, враждебных современной жизни. Но разве во внутреннюю духовную жизнь церкви она вмешивается? Разве гражданская власть препятствует верующим, и прежде всего церковной иерархии, воплощать евангельские заветы правды и любви? Может быть, Солженицын считает необходимым, чтобы гражданская власть назначила в церковь комиссара для обучения нас, служителей церкви, как нам следует выполнять свое служение, чтобы быть ближе ко Христу? Но у гражданской власти и без нас слишком много всяких забот. Да и комиссара-то найти, соответствующего необходимости, пожалуй, для нее — дело непосильное. Гораздо проще для нее найти «Смердякова», и не где-нибудь, а среди нашего церковного брата. Остриг бы этот брат волосы. Бороду бы мог оставить, но подстриженной. А элегантный костюм, по последней моде сшитый по его костям, — это совсем нетрудное дело.

Советская... советская...

Была бы она здорова,

Господи, помилуй

Ее и меня.

Но такого «Смердякова» и искать не надо. Он очень глубоко живет в нас самих. И к гражданской власти наш «Смердяков» не имеет никакого отношения. У нее найдутся свои.

Почему Солженицын не назвал ни одного имени служителя церкви или христианина, которого бы за его личную, семейную и общественную жизнь прославили бы как безупречного последователя Христа и за это гражданская власть его наказала бы? Почему бы ему не только назвать имя такого человека, но и рассказать о его жизни, чтобы он был для нас примером? Солженицын о многих говорит и пишет, но цельного образа христианина он нам не дал. И не случайно. Он и не мог нам дать такой образ, потому что его может дать только тот, душа которого растворяется во Христе. А такого растворения в Солженицыне мы не знаем.

Привести церковь в такое состояние, в каком она оказалась в годину Суда Божьего, а эта година началась в 1914 г. и достигла своего апогея в 1917 г., — это надо было сотни лет разорять душу русского народа, утверждая жизнь под знаменем Христа, и в то же время подавлять Его! Наши теперешние атеисты — дети по сравнению с теми, которые господствовали над церковью в прошлую жизнь, канувшую в вечность.

Для Солженицына христианина как личности не существует. От личности он бежит, и бежит в безличие, давая поверхностное описание того, что видел в жизни. В этом отношении, как ни странно, он близок к тому, что мы в наши дни переживаем в действительности. Мы не любим говорить о личности как таковой, а стремимся часто прикрывать личность «коллективом», чтобы не выговаривать о личности до конца. Мы берем ее часто в той степени, в какой это нам нужно для достижения определенной цели.

Точно такое положение у Солженицына. Он может писать о ГУЛАГе, о массах людей, о преследовании, о страданиях людей. Затронет и личность, но только в такой степени, в какой ему необходимо для сведения счетов со своими противниками.

III.

Свобода полностью обеспечивается только нравственными основами. Чем крепче эти основы, тем больше свободы. Дать нашему церковному управлению большую свободу действий равносильно предоставлению свободы езды на автомобиле с превышенной скоростью человеку, мало понимающему то, как надо управлять машиной. Такой водитель не только разобьет машину, но и покалечит себя и других. А наши церковные водители, если открыть перед ними зеленый светофор, может быть сами они и уцелеют (во всяком случае, многие из них обнаруживали большую способность к выживанию в условиях, когда кругом гибли), но для народного церковного тела это будет иметь катастрофические последствия.

Перед церковной жизнью стоит большая опасность прельститься мыслью, что церковная жизнь может возродиться, если церковное общество будет иметь больше свободы в своей жизни.

Да, состояние церковной жизни ужасно. Но если бы в завтрашний день не стало советской

власти и к власти пришли бы другие люди, которые стали бы поощрять церковное движение, то внешне церковная жизнь стала бы богаче и даже значение ее возросло, но это было бы обращение вспять, которое может быть только гибельным для всего нашего народа.

Родной мой человек, когда ты слышишь, что тебе внушают внешние формы борьбы за церковь, связанные хотя бы с малейшим отступлением от духа Любви, не поддавайся этому внушению, так как оно неизбежно затянет тебя в еще большую тину грехов.

Родной мой человек, я знаю, что ты, как и очень многие, крайне озабочен положением, а лучше сказать, тупиком, который образовался в церковной жизни...

Несчастье нашей жизни заключается не в том, что кто-то внедряет в нас безбожничество, а в том, что мы потеряли любовь ко Христу. Свидетельством этого служит вся наша церковная жизнь. Обнищание в нас духа веры и побуждает нас искать виновников этого обнищания.

Приходится опять говорить о том, как мы, распявши вторично Христа, стремимся вину за это распятие возложить на кого-нибудь другого. Нет, на этом пути исхода в Царство Свободы и Любви не может быть. Этот исход может быть при одном непременном условии: чтобы христианин осознал себя виновником этого распятия. И тот, кто окажется способен на это, обретет во Христе Путь, Истину и Жизнь. И ему детски просто иметь общение с каждым человеком, каков бы он ни был. И когда такой человек будет беседовать с другим об устройении братской жизни, то его не приведет в уныние, если он встретит глухое непонимание и недоверие. Христианин будет только жалеть такого человека, потому что душа его простора не имеет.

А между тем, человек не может жить без того, чтобы перед ним постоянно не раскрывались бы все более возвышенные цели.

[1] До Октября 1917 г.

: Наталия Мазо. Песни юго-северных Славян

Поэзия

Наталия Мазо

ПЕСНИ ЮГО-СЕВЕРНЫХ СЛАВЯН

Послал Господь ветер,

Послал Господь бурю,
Послал Господь память —
Великую муку.

Увидели люди —
Попрятались в доме,
Заперли двери,
Заложили ставни,
Сели по лавкам,
Выставили пиво.

Плачут-вспоминают
Что бывало прежде.
Были славны предки,
Были лучше нравы,
Песни были звонче,
Солнце грело жарче!
Сидят, выпивают,
Заедают мясом.

— Где старое время?
Не вернется больше!

Девка-хозяйка
Вдруг да осерчала —
Расплескала пиво,
Разбросала кольца:
— Что вы сидите,
Плачете о старом?
Солнце грело жарче —
Выжигало землю.

Помните, как в голод

Звонко выли бабы?

— В прежнее время

Девки не дерзили!

Сядь, послушай старших,

Как жили без горя.

— Чем вам нынче плохо?

Есть над вами крыша,

А от бури — стены,

А в стаканах — пиво.

Если бы прежде

Жили не страдая,

Не было бы славных

Предков у народа.

— Замолчи, зараза,

Не мешай нам плакать

По светлому лету,

По счастливой жизни!

— Как мне умолкнуть,

Если мучит память!

Не летом ли светлым

Мой отец умер?

Иль его сгубила

Не людская злоба

В голодное время,

В разбойные годы?

Мы от бури скрылись,

У огня согрелись...

Худшая мука —

Помнить все по правде.

Не тем память мука,

Что не было лиха,

А тем, что с отцом я

Лиха не боялась.

Тут Господень ангел

Опустился с неба,

Разметал крышу,

Снес крылами стены.

Люди со страху

По углам забились,

Руками закрылись

От Божьего ветра.

Девка сказала:

— Здравствуй, Божий ангел!

Суди мою память!

Суди мои страхи!

Крепкие стены

Мой отец построил,

Да не ждал он чести —

Крылатого гостя.

От Господней бури

Крыша не спасает.

Не того боюсь я,

Что лишилась дома

В день Господней бури,

В день большого ветра —
Боюсь я, что стану
Тосковать по дому:
Не смогу тогда я
Помнить все по правде,
Променяю муку
На сладкое зелье.

Отвечает ангел:

— Не жалея ты дома,
Не жалея и память —
Великую муку.
Собирайся нынче
В дальнюю дорогу
На Господень ветер,
Под Господню бурю.
Ты теперь станешь
Для бездомных кровом,
Для бессильных силой,
Для плачущих песней,
Помнящим — отрадой,
Памятью — забывшим,
Кормщику — парусом,
Полным Божьим ветром.